

Д.С. СИВКОВ

ДУБРОВСКИЙ

**ДЪЛО
КНЯЗЯ
ВЕРЕЙСКОГО**

РАСЕКРЕЧЕНО

1812 - 1821

Дмитрий Сергеевич Сивков Дубровский. Дело князя Верейского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68717607

SelfPub; 2023

Аннотация

1812 год. Князь Василий Верейский – сотрудник недавно созданной российской военной разведки, после провала в Париже выходит отставку. Василий Михайлович отправляется в своё поместье. В военном министерстве его просят оказать содействие губернским властям в поимке разбойника Дубровского. Тот в свою очередь охотится за семейной реликвией Верейских – саженьем великих князей Тверских. Его должна одеть на свадьбу невеста Верейского. За княжеское украшение Наполеоном обещано триста тысяч франков. Сажень – один из символов феодальной власти. После захвата Российской Империи, её планируется превратить в конфедерацию удельных княжеств. Артефакты должны придать реформам исторический антураж...

Содержание

Туман	13
I	13
II	15
III	17
IV	18
V	19
VI	21
VII	22
VIII	24
IX	26
X	27
XI	28
XII	30
XIII	32
XIV	34
Из Рюриковичей и Палеологов	36
I	36
II	38
III	40
IV	41
V	43
VI	45
VII	47

VIII	49
IX	50
X	51
Американец	53
I	53
II	55
III	57
IV	59
V	61
VIII	65
IX	67
X	69
XI	71
У «Ивана Ёлкина»	74
I	74
II	76
III	77
IV	78
V	80
VI	82
VII	84
VIII	86
IX	88
X	90
Совещание в кадетском корпусе	92
I	92

II	94
III	96
IV	97
V	99
VI	101
VII	103
VIII	105
XI	107
X	109
XI	111
XII	113
Почётный резерв	114
I	114
II	116
III	118
IV	120
V	122
VI	124
VII	126
VIII	128
XI	130
XII	132
XIII	134
Злосчастное саженье	136
I	136
II	138

III	140
IV	142
V	144
VI	145
VII	147
VIII	148
IX	149
Разводка – дело семейное	151
I	151
II	153
III	155
IV	157
V	159
VI	161
VII	163
VIII	165
IX	166
X	168
XI	170
XII	171
XIII	173
XIV	175
Дело соседское	177
I	177
II	179
III	181

IV	183
V	185
VI	187
VII	189
VIII	191
IX	193
X	195
Шито белыми нитками	197
Маскарад в единственном числе	205
I	205
II	207
III	209
IV	211
V	213
VI	215
VII	217
VIII	218
IX	220
X	222
XI	223
Роман Марьи Кириловны	225
I	225
II	227
III	229
IV	231
V	233

VI	235
VII	237
VIII	239
IX	241
X	243
XI	245
XII	247
XIII	249
Портрет дамы с саженьем	251
I	251
II	253
III	255
VI	257
V	259
VI	261
VII	263
Он же Дефорж, он же...	265
I	265
II	267
III	269
IV	271
V	273
VI	275
VII	277
VIII	279
IX	281

Х	283
Сватовство его сиятельства	285
I	285
II	287
III	289
IV	291
V	293
VI	295
VII	297
VIII	299
IX	301
X	303
XIII	307
Кольцо из дупла	310
I	310
II	312
III	314
IV	316
V	318
VI	320
VII	322
VIII	324
Свадебные хлопоты	326
I	326
II	328
III	330

IV	332
V	334
VI	336
VII	338
VIII	340
Трое мужчин	342
I	342
II	344
III	346
IV	348
V	350
VI	352
VII	354
VIII	356
IX	358
X	360
XI	362
О князе Верейском замолвите слово	365
«Дубровский» можно назвать маскарадно- пряточным романом, автор которого сам искусно укрылся за одним из персонажей	365
А	366
Б	368
В	370
Г	372
Д	374

Е	376
Ё	377
Ж	379
З	381
И	383
Й	384
К	386
Л	388
М	390
Н	392
О	393
П	395
Р	397
С	399
Т	401
У	403
Ф	404
Х	406
Ц	408
Ч	409
Ш	411
Щ	413
Ъ	414
Ы	416
Ь	417
Э	419

Ю
Я

421

423

Дмитрий Сивков Дубровский. Дело князя Верейского

Туман

I

Ненасытно и равнодушно, как прачка солёную треску за ужином, город заглатывала мутная желеобразная прорва. Только на *Rue Eustache de Saint Pierre* за час в ней канули дюжина юбок, не меньше – собачьих хвостов, шпага унтер-офицера морской пехоты, три выкуренных до половины испанских сигары и даже *Notre-Dame de Calais*. Четыре придела храма растворились в мареве, как сахар в гроге, чей аромат здесь источали все – от кормилиц до гробовщиков.

На улицах Кале разве что незрячие чувствовали себя комфортно. Атмосфера неопределённости придаёт уверенности дебютантам: безусые гарсоны то и дело судачили, что июль 1821 года щедр на туманы, как никогда со времён взятия Бастилии. Хотя откуда им было это знать...

Мешай туман лишь горожанам, было бы ещё полбеды.

Так нет, он словно огромный сторожевой пёс разлёгся на выходе из французского порта и перекрыл кораблям путь. О том, чтобы в ближайшее время преодолеть каких-то двадцать миль пролива Па-де-Кале и оказаться в английском Дувре, не могло быть и речи.

Об этом уведомили в администрации порта, о том же судачили и голоса в тумане. Если молва вторит официальным сведениям, это явный признак истинного состояния дел: одни не преувеличивают, другие не занижают.

II

Путешественникам в западне оставалось лишь хмелеть от вина, щекотать нервы за картами или изучать достопримечательности наощупь. Отец с сыном оказались лишены даже выбора.

Их обычно принимали за деда и внука: мужчина – с седоватыми баками и лицом с резкими чертами, как у профилей монархов, отчеканенных на монетах стран восточнее Альп; мальчик же скорее унаследовал черты матери – тонкие и изящные, такие придают художники лицам юных греческих богов, ещё не развращённых нравами Олимпа.

Экскурсия чужестранцев ожидаемо не задалась: пришлось довольствоваться знакомством с алтарём Кафедрального собора Богоматери. Как рассказал церковный привратник, главную часть храма создали ещё во времена Людовика XIII из каррарского мрамора, специально доставленного из Генуи. Когда мальчик положил руку на алтарь, то тут же отдёргнул её. Ему показалось, что он дотронулся до большого холодного, сваренного вкрутую яйца. Такими приходилось часто закусывать в дороге. Он уже дал себе слово, что, когда вырастет, в его доме будет табу на эту еду.

Вечером в порту их ждала всё та же песня от дежурного офицера, что и днём:

– Только сумасшедший капитан отшвартуется или подни-

мет якорь при такой видимости. У нас, в Кале, таких нет. Да и в Дувре тоже. Так что, господа, наберитесь терпения и не уплотняйте свою желчь досадой. Грог вам в помощь! Бог даст, завтра-послезавтра погода наладится.

III

Путешественникам указали, где можно неподалёку остановиться. Консьерж гостиницы «*Masha*» числился в заведении ещё и барменом, так что для начала предложил налить рома. Отказ не испортил ему настроения, и мужчина принялся судачить про злосчастный туман. В Кале других достойных тем для бесед не имелось. Словно тут давно никого не пыряли ножом из ревности или не забивали до смерти в уличной драке. Хотя, с другой стороны, для жителей портового города это всё могло быть делом обычным и уж куда менее значимым, чем гидрологические капризы Ла-Манша.

– Да, мсье, летом здесь редко когда туман держится более двух суток. Зимой – да... Тогда, бывает, и на неделю заляжет. Хотя, скажу я вам, в августе это не самая большая неприятность. В это время и смерчи в проливе не редкость. Так что всё не так плохо.

Говоривший являл собой редкий на таком месте тип оптимиста-всезнайки. При этом – не корысти ради, а в силу склада своего характера. На это даже возраст не влияет. Вот и мужчине за стойкой, одетому хоть и чисто, но весьма небрежно, что скорее бы приличествовало художнику, чем работнику гостиницы, было лет тридцать. Но таким он наверняка являлся и в двадцать лет, и останется им в пятьдесят.

IV

Исчерпав дежурную тему, француз вернулся к делам насущным.

– Назовите своё имя. Извините, но нам следует регистрировать всех постояльцев. Кале – пограничный город.

– Верейский. Князь. С сыном Кириллом.

– О, ваша светлость! Вы поляк? Впрочем, какое мне дело. У нас крайне редко останавливаются титулованные особы. Сразу предупрежу: в «*Masha*» нет хороших номеров. Мы больше портовая таверна. Хотя и для офицеров, а не матросни. Может, где-нибудь в центре пожелаете остановиться? Например, «Сторожевая башня» – приличное место. Она на Оружейной площади, рядом с башней, построенной шестьсот лет назад по приказу Филиппа I, графа Булонского.

– Вы достаточно осведомлены для простого консьержа. А хозяин в курсе, что вы спроваживаете гостей к конкурентам?

– Ваша светлость, я лишь люблю свой город и горжусь его историей. А что касается мсье Дефоржа, то ему самому не нужны проблемы с привередливыми гостями. Он говорит, что... как это... Ах, да! От них больше головной боли, чем дохода. Уж простите. Иногда он выдаёт такие странные поговорки.

V

Пальцы гостя замерли в кошельке. Консьерж заподозрил, что тот вдруг оказался пустым. Но наконец постоялец отозвался:

– Дефорж... Дефорж... Как-то мне уже доводилось слышать это имя. Он не бывал в России?

– Вон оно что, вы русский! Ваша светлость, во Франции труднее найти тех, кто не был в России. Здесь 1812 год будут помнить ещё долго. Я, правда, знаю об этом только по рассказам ветеранов. Не следовало Наполеону идти на Москву. От этого было бы лучше всем. А что до хозяина, то он никогда не говорил о русской кампании. Да и вообще – собеседник из него никудышный.

Тут словоохотливый консьерж оглянулся по сторонам, лёг грудью на стойку и поманил князя жестом, приглашая приблизиться. Верейский нехотя всё же слегка подался вперёд.

– Я думаю, что он был в Московии, – заговорил француз тихим голосом, его едва мог расслышать Кирилл, стоящий подле отца. – Рану свою – у него рука сохнет – должно быть, там же получил. Ещё у хозяина есть... друг не друг, слуга не слуга – но человек, преданный ему чрезвычайно. Сдаётся мне, он из тех, ваших, мест. За четыре года я не слышал от него никаких других слов, кроме «да» и «нет». Дефорж окликает его: «Гр-р-ри-ша-а-а». Что за имя?! Честное слово,

я бы так даже собаку, будь она у меня, не назвал!

VI

Князь усмехнулся скорее не шутке, а акцентированному грассированию.

– Кстати, а почему гостиница называется «*Masha*»? Это ведь русский вариант имени Мария. Имя супруги хозяина?

Консьерж двинул плечами.

– Дефорж холост. Он приехал сюда лет пять назад, купил гостиницу у вдовы бывшего хозяина и сменил вывеску. Прежнее название – «Каюта шкипера» – лично мне нравилось больше. Но раз вы, ваша светлость, останавливаетесь у нас, я готов с этим мириться.

Француз улыбнулся, надеясь, что его шутку оценят. Но постоялец не принял игры:

– Да, придётся пожить здесь. В центре города что-то слишком шумно, да и не хочется пропустить момент, когда туман сойдёт. Планируем отправиться в Дувр с первой же оказией. Можете сделать так, чтобы нас известили о ней? Город ваш – не самое худшее место на Земле, но не для того, чтобы отпраздновать именины праздности.

VII

Консьерж понимающе кивнул и заверил, что сделает всё так, что лучше и не бывает. А насчёт городской суматохи объяснил, что их угораздило приехать во время ярмарки. Пока тут два века заправляли англичане, Оружейная площадь называлась Рыночной. И когда герцог Гиз в 1558 году вернул Кале в лоно Франции, то даровал жителям право дважды в год проводить на *Place d'Armes* ярмарки. Так что этой традиции уже больше двухсот лет.

– Вы действительно патриот своего города и знаете очень многое о его истории. Хочу отблагодарить вас за это.

Гость выложил сверх цены за номер целый луидор – золотая монета с лихвой покрыла бы даже оплату номера и ужина.

– О, ваша светлость, мою осведомлённость ещё никто так ценил! – не смог сдержать чувств консьерж. – Меня зовут Поль. Поль Вотье. К вашим услугам!

– Не уверен, Поль, но, по-моему, вы могли бы зарабатывать на том, чтобы рассказывать гостям Кале о городе. Подумайте об этом.

– О, спасибо, ваша светлость.

– Не за что. И вот ещё что... Позаботьтесь, чтобы на ужин дали что-нибудь съедобное. Ну, вы понимаете. Да, и вот – передайте Дефоржу мою визитку.

– Непременно... – уже с полупоклоном Вотье взял небольшую картонку золотистого цвета, глянул на неё и добавил, с трудом лопоча незнакомые слова: – Ва-сы-лый Мы-ха-ло-вы-ч...

VIII

Номера располагались на втором этаже. Верейские успели немного отдохнуть, пока им готовили ужин. Пригласить гостей к столу Вотье гарсону не доверил. Поднялся сам. Втроем они спустились в обеденный зал. Консьерж, он же и метрдотель, отвёл Верейских в дальний угол зала к столу. Он стоял на особицу, рядом уютно – так ещё лопаются каштаны в жаровне – потрескивали дрова в камине.

– Хоть лето нынче и прохладное, но хозяин запрещает разжигать огонь, экономит на дровах, – комментировал Вотье, пока отец с сыном усаживались. – А как узнал, что за гости заселились, тут же приказал растопить камин и усадить рядом. И, я так думаю, подальше от любопытных глаз и ушей.

С этими словами всезнайка заговорщицки подмигнул Кириллу и отбыл в сторону кухни. Мальчик вопросительно смотрел на родителя, но тот не замечал этого.

Сын лишь однажды застал отца в таком состоянии. Они тогда ехали по мосту через Неман и увидели, как опрокинулась лодка, в которой плыли мужик и баба с ребёнком. Движение тут же замерло, люди повыскакивали из телег и колясок – всех интересовало, чем дело закончится.

Василий Михайлович разом оказался у перил, вот-вот – и кинулся бы спасти бедолаг. Но тут он обернулся, увидел

Кирилла и остановился. Когда сын подошёл к отцу, тот обнял его, продолжая вглядываться в речную гладь.

IX

Сейчас был момент, очень похожий на тот. Неясно лишь, кого сегодня ожидал увидеть князь. Тогда, на мосту, все ждали одного – появится чья-то голова из воды или нет. В конце концов вынырнула лишь одна – бородастая, с глазами – чайными блюдцами от испуга и линиялой мочалкой волос.

Через какое-то время в дверях появился и хозяин «*Masha*». Он вошёл с улицы, его спутник – рослый малый со щекастой ряхой – присел в кресло у дверей. Пока Дефорж не спеша шёл к их столу, князь имел возможность хорошо рассмотреть его.

За те девять лет, что минули с их единственной встречи, он довольно сильно изменился. На первый взгляд – отпустил длинные волосы и мало ухаживал за ними, погрузнел. Его шаг утратил пружинистую лёгкость. Такой бывший гвардии корнет уже не вскочил бы стремглав в карету. Вдобавок левую руку на груди удерживал синий шарф, повязанный на манер орденской ленты.

Зрелище не самое приятное, но Вере́йский не хотел выдавать истинных чувств и улыбнулся одними краешками губ. Подошедший вопросительно и недобро глянул в ответ, заподозрив насмешку.

Х

– Я просто вспомнил ваши приметы. Те, что были разосланы всем исправникам и урядникам Могилёвской и прилегающим к ней губерниям, – успокоил его князь. – «Роста среднего, лицом чист, бороду бреет, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось». Мало что изменилось из этого. Разве что особая примета появилась.

– Вы про это? – хозяин гостиницы отвёл от туловища руку на перевязи. – Так вашими стараниями, Василий Михайлович. От той пули, что вы мне всадили в день вашей свадьбы. Рана толком сразу не зажила, да и какой в лесу уход? Долго гноилась, потом вот рука болеть стала. К каким только докторам, европейским светилам, не обращался. Всё без толку. Сохнет медленно, но верно.

– Вы должны мне быть благодарны, Владимир Андреевич. Вместо унции пороха, как должно, я зарядил тогда в стволы вдвое меньше. Иначе бы руку вам пришлось ампутировать. Удар пули двенадцатого калибра в предплечье с двух шагов – очень серьёзная рана. Да вы и сами это знаете.

XI

Мужчина ушёл от ответа. Но это была не растерянность. Он тут же по-хозяйски сдвинул стул и уселся так, чтобы держать в поле зрения входную дверь. Теперь настала очередь откровенно рассматривать своего визави.

– А вот вы, мне кажется, даже помолодели, князь, – не удержался Дефорж от ухмылки. – Что стало с вашей подагрой, где мягкие бархатные сапоги?

– Не один вы умели рядиться в чужую личину.

– Да, не углядел я тогда в вас охотника... Оплошал.

– Что теперь-то вспоминать, – миролюбиво парировал Верейский. – Вы ведь тогда тоже не поздравить нас с Марьей Кириловной явились.

– А где же она? В России осталась?

– Да. Навсегда.

– Что так?

– Она умерла.

Услышав это, Дефорж разом обмяк всей фигурой, словно караульный после смены на часах. Потянулся к бутылке. Её тёмное стекло, показалось, обрело какой-то траурный отблеск. Он налил себе и князю и, не дожидаясь, когда тот возьмёт свой бокал, осушил свой до дна. И только потом заговорил.

– Извините. Мои соболезнования.

– Ничего. Уже восемь лет прошло. Сразу после родов.

Сказав это, Василий Михайлович едва кивнул на сына и представил:

– Кирилл.

Мальчик встал и склонил голову в знак приветствия.

– Дефорж... – начал было в ответ мужчина на французском, но затем, понизив голос, перешёл на русский: – Да ладно... Когда ещё доведётся побыть самим собой... Владимир Андреевич... Дубровский.

XII

Хозяин гостиницы замолчал. Появился Вотье в сопровождении повара и гарсона. Главным блюдом ужина стал фазан.

– Ничего нет лучше дичи, приправленной щепоткой шафрана, на вертеле, да ещё со спаржей! – священнодействовал Вотье. – Остаётся лишь оттенить всё это ярким букетом любимого вина Наполеона! Я поначалу сомневался – вдруг, это затронет ваши патриотические чувства. А потом решил, что вы, ваша светлость, человек просвещённый и лишены условностей и предубеждений.

Дефорж-Дубровский с нескрываемым удивлением слушал Вотье.

– Вы, Поль, очевидно, имеете в виду бургундское «Жевре Шамбертен», что изготавливают в департаменте Кот-д'Ор из винограда сорта Пино-Нуар? – отозвался с улыбкой князь.

Маска довольства сползла с лица всезнайки. У него опустились руки, и златобокий фазан едва не вынырнул из гнезда, обустроенного из спаржи на блюде Нимфенбургской фарфоровой мануфактуры.

Верейский тут же не преминул, по русскому обыкновению, подбодрить малого, терпящего фиаско:

– Полноте... На самом деле про любимое вино французского императора в России не осведомлены разве что помещики в забытых богом деревнях. В 1812 году казаки гене-

рала Платова отбили целый обоз с бутылками «Жевре Шамбертен» с печатью Наполеона. Свой трофей Матвей Иванович направил не в казну, а пустил в коммерцию, так что в Российской империи оно стало весьма известно. Говорят, что вино это востребовано в среде новомодных наших литераторов.

XIII

Но слова князя не могли утешить Вотье. Он откланялся и с прямой спиной направился к бару. Там уже исходила слюной по ямайскому рому компания морских офицеров.

– Вы упомянули про новомодных литераторов. Кто в России на слуху? – вернулся к разговору Дубровский.

Верейский поначалу развёл руками, но затем нашёлся, что ответить:

– Ну, так сразу и не знаю, что ответить... А, вот среди молодых в силу входит Пушкин. Александр, кажется... Стихи действительно встречаются толковые. Кирилл, будь добр, прочти то, что недавно мне декламировал.

Мальчик отодвинул тарелку с фазаном, которого терзал хоть и с соблюдением этикета, с повадками голодного волчонка. Вытер губы салфеткой и хотел было встать, но отец остановил его жестом руки. Промочив горло сельтерской, Кирилл принялся читать наизусть:

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пирры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубрав, на тишину полей,*

На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей тёмный сад

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,

Где светлые ручьи в кустарниках шумят...

– Это же словно про Кистенёвку мою, – прервал, не дослушав, Дубровский и тут же осёкся. – Извините, юноша. Спасибо вам.

XIV

Хозяин «*Masha*» сделал знак Вотье и распорядился подать шампанского. После хлопка пробки какое-то время лишь серебряные вилки и ножи гостей чиркали о фарфор. Фазан же перед Дубровским так и остался нетронутым.

– Я хочу увидеть, – наконец прервал молчание Дубровский.

Князь сперва вопросительно поднял брови, но затем отозвался, на свой лад истолковав просьбу:

– Вы о портрете Марьи Кирилловны? Да, у нас с собой. В номере. Кирилл может принести.

Сын в ожидании просьбы отца отложил приборы, но теперь уже Дубровский остановил его.

– В моей памяти образ Марьи Кириловны запечатлён навсегда, и вряд ли работа какого-то губернского богомаза превзойдёт его.

– Тогда не понимаю, – отстранил свой бокал Василий Михайлович.

Хозяин гостиницы выдохнул, как если бы решился осушить не легкомысленный фужер с *Veuve Clicgot*, а невозмутимый стакан хлебной водки, и произнёс:

– Сажень.

Слово щёлкнуло неожиданно резко и глухо, как удар курка армейского пистолета об огниво при осечке, и заставило

князя двинуть бровью.

Из Рюриковичей и Палеологов

I

«Господин Верейский!» – в начале XIX века в гостиных Российской империи уже редко о ком так докладывали лакеи. Повывелся род. Что до фамилии, то считали её польской либо бело- или малороссийской. Действительно, немало Верейских на тот момент относилось к польской шляхте. А между тем потомком древнего русского удельного княжеского рода и носителем титула являлся лишь Василий Михайлович.

Дорога вильнула серым ужом от поста на российской границе, и тот исчез из виду. Лишь теперь князь позволил себе расслабиться, даже спина обмякла, как если бы с неё сняли тяжёлую ношу. Быть настороже теперь ни к чему. Причин тревожиться не имелось. Но не давал покоя сон, виденный накануне. В нём министр французской полиции Савари выдал ордер на его арест и пустил по следу агентов контрразведки Наполеоновской армии.

К своим пятидесяти годам Верейский совершил немало дел на благо Российской империи. Вот только всё за её пределами, да и на те Коллегия иностранных дел и Военное министерство наложили гриф «секретно». Опять же, его работа

часто была связана с кознями, подкупам, играми на слабостях человеческих... Доброй славы ждать не приходилось.

То ли дело его далёкий прадед и тёзка с лихим негласным именем – Удалой! Хроники не раз упоминали о нём, как о правнуке самого Дмитрия Донского. Говорилось в них и о его жене Марии Палеолог, которой император Византии Константин XI приходился двоюродным дедом. О, времена! Порой Василию Михайловичу казалось, что он родился не в своё время.

В его жилах текла кровь сразу двух венценосных фамилий: Рюриковичей и Палеологов. Да, те престолы, как и знаменитая опала царя Ивана III, растворились в веках. Тем не менее благодаря этому князя с охотой принимал высший свет многих европейских стран.

II

Для своего потомка Василий Удалой являлся кумиром с юных лет. Летописи хранили данные о том, что сын удельного князя Михаила Андреевича Верейского в 1468 году в возрасте шестнадцати лет с отцом участвовал в походе русских войск на Казанское ханство. Через три года они вновь бок о бок в седле, но теперь уже в походе великого князя московского Ивана III Васильевича. Ему отец Василия приходился двоюродным дядей. Удельная дружина князей Верейских в ту пору осадила новгородский городок Демон. Его жители рассудили, что лучше сдаться на милость силе, заплатив откуп в сто рублей. Тогда-то молодой князь и обзавёлся своим прозвищем.

– Экий удалой! – воскликнул Михаил Андреевич, когда сын одним ударом сабли отсёк голову казначею Демона. Последнее, что услышал новгородец, когда при расчёте с москвичами вздумал торговаться, были слова Василия: «Сговор дороже гривен!»

Не по слухам знал княжич и о стоянии на реке Угре. Московские полки отворотили тогда войско хана Ахмата, и это стало закатом солнца Орды над русскими землями. Такой начало службы предвещал хорошее будущее троюродному брату великого князя. Расклад спутали великодержавные устремления последнего. Зачин же чёрным дням Васи-

лия Удалого и наследуемого им удельного княжества положил всё тот же достославный для Руси год избавления от ордынского ига.

III

Изначально молодой князь Вере́йский обладал иным прозвищем, чем осталось в хрониках.

– Экий ты, сын, залихват! – так на самом деле отозвался князь Михаил на расправу с городским казначеем.

«Залихват» пристало к Василию. Это вроде то же самое, что и удалой, но, как говорится, то, да не то. Слово имело двоякий смысл: с одной стороны – молодецкий, смелый и решительный, с другой – злобный и лукавый. Что для сильных мира испокон веков больше плюс, чем минус. За лих хват – такой мог хватить и лишнего за лихо. Вот таким лихом и оказалась для Василия и всего рода Вере́йских Мария Палеолог, племянница Софьи, великой княгини московской, супруги Ивана III.

Прозвище жениха сразу не легло на слух венценосной тётке. За восемь лет московской жизни приживалки та быстро вникла в суть чужой ей речи. Будущего свояка она уже мысленно видела в раскладе кремлёвского пасьянса. А вот в прозвище гречанка скорее уловила, чем распознала неприглядную двусмысленность. Устранить её наказали коломенскому протопопу Осии. Священник стал близок ко двору, обвенчав Ивана Васильевича с «деспиной» против воли митрополита Филиппа.

IV

Кремлёвские иноземки происходили из византийской императорской династии. Отец Софьи деспот Морей, как называли тогда греческий полуостров в южной части Балкан, Фома Палеолог доводился родным братом императору Византии Константину XI. Мария же была дочерью брата Софьи Андрея Палеолог. Ему после смерти отца перешёл титул деспота. Больше наследовать оказалось нечего. Византийская империя пала. Константин погиб в 1453 году во время взятия Константинополя турками. Через семь лет под ними оказалась и Морей. Фома с семьёй подался в Рим. Вскоре родители упокоились, а юным Палеологам дал кров Ватикан.

Греческой царевне активно искали супруга по всей Европе. Годы поджимали – родилась она как раз в середине века. В то время невесты за двадцать лет пользовались не большим спросом, чем овчина летом. Дело уладили в 1469 году сватовством с овдовевшим великим князем московским Василием. На обязательные в таких делах церемонии – смотрины, заочное обручение в лице князя Фрязина, дальние переезды в Рим и обратно – ушло немало времени. Лишь 12 ноября 1472 года Софья добралась до Москвы. Её окружала свита из греческой знати, послов Ватикана при большом обозе. В его возах тряслись и книги, те, что заложат основу легендарной библиотеки внука Софьи – Ивана IV Грозного.

Три года ходивший в женихах властитель Руси первую брачную ночь откладывать не стал. По прибытию невесты в Успенском соборе Кремля свершили обряд венчания, хотя для этого и пришлось нарушить волю митрополита Филиппа.

V

Следом в Первопрестольную явился брат великой княжны Андрей Палеолог в надежде на внимание к его титулу – авось чем одарят. Да так и отбыл не солоно хлебавши. Москва и тогда славному прошлому готова была лишь внимать, кивая боярскими шапками, уделов ждать – дело зряшное. Зато дочку свою наследник отставного деспота Мореи с обоза снял, всё прок – одной заботой меньше. А сестра озаботилась хлопотами насчёт выгодной партии.

Свела же Василия Верейского с Марией Палеолог напасть, что одолевала Русь уже два века – ордынцы. Очередное нашествие хана Ахмата Иван III поначалу хотел принять как неизбежное и откупиться по обыкновению данью. Дело было не столь в робости великого князя. Не робеть – одно, но на одном этом при великих делах надорвёшься. Нужен дух, вера да ум, коими наградил бог деда – Дмитрия Донского, давшего отлуп степнякам на Куликовом поле. Только та победа оказалось таковой лишь в одном бою, а не во всей войне: через два года хан Тохтамыш сжёг строптивую Москву. Героические примеры хороши лишь в летописях, жить сподручней, опираясь на здравый опыт.

Всё шло к тому, что бояре уговорят властителя Московии явить деловую суть, а не отвагу. На совете великого князя, где обсуждали требование Ахматом дани, многие склоня-

лись к тому, что лучше умиротворить нечестивого дарами, чем проливать кровь. На том бы и порешили, не вмешайся в дело великая княжна.

VI

Софья хоть и являлась королевной без двора, но гонор имела царский. Внутреннее ощущение причастности к правителям «второго Рима» не могли истребить ни годы мытарств с отцом по Европе, ни пансионства в Ватикане. Даже после четверти века замужества за великим князем московским она, вышивая в 1498 году шёлковую пелену, запечатлела себя «царевной царегородской».

Это вам не великокняжеские дочери, ничего, кроме сказок приживалок да румян с белилами, не ведающие. Такие бы сидели тихо в сторонке, ближе к печке, да чесали вспотевшие подмышки. Софья же выступила. Да как! Для начала горько разрыдалась – чем ещё вернее тронуть мужнее сердце? Затем с упрёками в малодушии принялась уговаривать супруга кончить с данничеством. Иван III не устоял. А скорее всего – просто нуждался в таких словах. Не зря, выбирая жену, исподволь держал в уме Москву как преемницу Константинополя. А далее целил, хоть и зажмурившись от робости, на статус Третьего Рима.

За что любящий муж лишний раз приголубит, того тёща не спустит. Так и двор кремлёвский – и до того не жаловал иностранку, а после и вовсе записал в чёрный список лиходеёв. Известна беседа радетеля земель русских того времени Барсень-Беклемишева с Максимом Греком. Этот монах,

канонизированный церковью в лике преподобных, оказался в Москве, будучи в свите царской невесты. Думный боярин сетовал: «Земля наша русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда Софья с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли к нам нестроения великия, как и у вас в Царьграде при царях ваших».

VII

Отправной же точкой очернения деспины стало «дело о сажанье», сыгравшее ключевую роль в судьбе князей Верейских. Приключилось же оно три года спустя.

Отказав Ахмату, действовать безоглядно Иван III позволить себе не мог. Семью в компании боярынь он вместе с государевой казной отправил подальше от столицы – в вотчину князей Верейских Белоозеро. Мера предосторожности на случай, если басурмане одержат верх да займут Москву. Тогда уж Софье было наказано двигаться ещё дальше. Север на Руси всегда представал в двух ипостасях – местом как гиблым, так и укромным.

Мудрое решение великого князя его окружение истолковало на свой лад. Кто-то судил открыто. Так, владыко ростовский Виссарион в своём послании предостерегал Ивана Васильевича от постоянных дум и излишней привязанности к жене и детям. Чаше же злословили за спиной да доносили свои мысли писчей братии – той, что во все времена себе на уме. Из хроник той поры: «...ужас найде на ны, и въсхоте бежати от берега, а свою великую княгиню Римлянку и казну с нею посла на Белоозеро»; «Великая княгиня Софья <...> бегала от Татар на Белоозеро, а не гонял никто же...».

Собаки побрехали, караван, как водится, прошёл. В октябре тумены Ахмата повернули от берегов Угры в степи.

Расчёт избалованных лёгкой наживой вымогателей просчитала южная царица, закалённая как невиданными доселе морозами, так и кознями обрётённых соотечественников.

VIII

Великокняжеская семья с казной в целости и сохранности прибыла в Москву в начале 1481 года.

За месяцы нахождения части московского двора в Белозере и решилась судьба Марии Палеолог. Мысль выдать племянницу за кого-то из ближайшего окружения супруга великая княгиня отмела сразу. Такой союз мог усилить антигреческие настроения и без того рыскающие по Кремлю, как бродячие псы по ночным улицам Москвы. Очевидное, казалось бы, укрепление влияния на Грановитую палату деспины в реальности пошатнуло бы землю под её ногами. Эта наука – из тех, где уложения таблицы Пифагора могут дать сбой: дважды два выдаст нулевой, а то и отрицательный результат.

А вот князь Михаил в супруги подходил как нельзя лучше. Не абы за кого дочь пусть и номинального деспота Морей выдавали. На тот момент Верейские оставались немногими из князей, кто сохранил удельные права на свои владения. Опять же, они приходились сродственниками Ивану III, что давало основание на равных войти в ближний к трону круг.

IX

Князь Михаил Андреевич, давая согласие на брак наследника с греческой царевной, держал в уме свои расклады. Мнение жены великий князь всё чаще брал в расчёт, особенно после событий на реке Угре. Заручиться такой поддержкой казалось нелишним, и время обратиться за ней было уже не за дальними горами и синими морями. Уж слишком ретиво Иван III искоренял уделы, не трогал лишь те, что принадлежали великокняжеской семье. Когда дойдёт черёд княжества Верейского с Белоозером – оставалось лишь гадать.

Не зря горькие думы одолевали не раз битого жизнью князя. Пока судили да рядили с женитьбой, два года минуло. А как сунулись к Ивану Васильевичу за благословением, тот и выдал – да такое, что словно мошну с пояса срезал. За согласие на брак требовал подписать договор. По нему Михаил Андреевич оставался владельцем Белоозера лишь в течение жизни, не имея права завещать его сыну Василию Залихвату. Этим уделом одарил Верейское княжество Василий II за преданность двоюродного брата Михаила в междоусобных войнах. Теперь же сын решил пересмотреть условия дарственной. Дядя счёл разумным уступить племяннику: жертвовал малым, спасая удел. Так ему казалось.

Х

В договор Василия записали уже «Удалой». Коломенский протопоп Осий оказался большим докой в летописях и недолго ломал голову над задачей от Софьи. За два с половиной века до того имя князя галицкого Мстислава Удалого на Руси с языков не сходило. А у чернецов монастырских, так у тех – на перья соринкой липло. И было от чего: трон под ним был не в одном княжестве, успешно ратничал он с половцами, мадьярами, поляками, чудью...

Мстислав воеводил и в обросшей легендами битве на реке Калке. Куда в те времена без Удалого? Хотя в тот раз мог и в своих хоромах княжеских в Галиче отсидеться. Только бы на пользу общему делу случилось. Накануне сражения Мстислав умудрился повздорить с русскими и половецкими князьями. Ни свет ни заря кинулся в бой, нарушив планы союзных дружин, чем и обрёк их на гибель. Сам же удало бежал от монгольских туменов. Что с того? Тогда строго не спросили, теперь-то уж чего было рядить.

Софья одобрила предложенный вариант. Так был Залихват да весь вышел, появился – Удалой. Осии же доверили и работу над ошибками в летописях с упоминанием прозвища молодого Верейского. Сам же он, как и родитель, отнеслись к замене безучастно, как к фляге с водой в дождливый день: Удалой так Удалой, главное – «ух!» на месте. Русской душе,

то и дело предстающей нараспашку, чаще важнее форма, а не содержание.

Последним отпрыском ветви от Марии Палеолог и Василия Удалого являлся князь Василий Михайлович Верейский. В закрытом штате Министерства военных сухопутных сил Российской империи он числился помощником министра по особым поручениям.

Американец

I

– Вот тебе и потомок Рюриковичей да Палеологов: всей свиты – один Американец, – усмехнулся князь, взглянув на графа Фёдора Толстого.

Карету изрядно потрянуло. Отчизна и не думала баюкать путешественников, а радушно тормошила своими ухабами. Толстой даже не проснулся, лишь, коротко всхрапнув и хмуря брови, как обиженный ненароком ребёнок, опять устроил затылок в изголовье сиденья.

Верейский в поездки по Европе не брал слуг. При его роде занятий не следовало допускать кого бы то ни было в личное пространство. Лишние глаза и уши волей-неволей несли угрозу секретности миссии. Что до бытовых вопросов, то в их решении с охотой за хорошие чаевые помогали служки гостиниц или меблированных комнат, где он останавливался. А вот без помощников в делах разведки обойтись сложнее. Для этих целей военное министерство и направляло князю своего рода адъютантов.

Командировали, как правило, образованных, уже зарекомендовавших себя в делах офицеров из мелкопоместного дворянства. Их отличали исполнительность и дисциплина.

Не обязательно, что все они по натуре своей были таковыми, но каждому хотелось проявить себя. Попасть в донесения самому государю было сродни получению внезапного наследства. Такие расклады открывали виды на успешную карьеру – единственный шанс выбиться из прозябания в нижних строчках табеля о рангах.

Князь и вёл себя с ними соответствующе: привечал, но не сходилась близко, как иной шеф департамента с чиновниками канцелярии из родовитых дворян или начинающих литераторов.

В этот раз всё сложилось иначе.

II

Помощник явился к Верейскому семь месяцев назад в Дрездене. Туда князь направился для встречи с русским посланником в Саксонии Василием Васильевичем Ханьковым и специальным агентом майором Виктором Антоновичем Пренделем. Необходимо было скоординировать мероприятия по дезинформации относительно положения в армии фельдмаршала Кутузова на театре военных действий с Османской империей. Василий Михайлович один из немногих знал всех агентов Особенной канцелярии в Европе, в его же полномочия входила оперативная связь с ними в случае необходимости.

По документам новоявленный помощник значился мещанином Алексеем Карповичем Ивановым, художником. Стипендиат Императорской Академии художеств направлялся на стажировку у европейских мастеров живописи. По осанке же и тому, как «художник» вручил бумаги, в нём легко угадывался офицер. Досадуя на штабных, сочиняющих нелегалам легенды, и уже не ожидая ничего хорошего, князь вскрыл пакет. Не читая бумаги, принялся водить ею круговыми движениями над зажжённой свечой.

Меж тёмных строк, выведенных крупным и аккуратным, как жемчужное ожерелье, дамским почерком, явились мелкие торопливые светло-коричневые буквы от невидимых

чернил. Адресат без труда узнал почерк директора канцелярии стратегической разведки Особенного отдела полковника Воейкова. Алексей Васильевич уведомлял помощника министра по особым поручениям, что ему, «впредь до особого распоряжения, откомандировывается для содействия в выполнении поставленных задач рядовой Преображенского полка граф Фёдор Иванович Толстой».

III

Верейский мысленно чертыхнулся. О его новом адъютанте легенды кочевали из одной столицы в другую со скоростью почтовых карет. И мало того – обрастали небылицами, как днище шлюпа водорослями и моллюсками. К двадцати восьми годам Толстого уже дважды лишали эполет. Поводов же для этого на самом деле он давал куда больше, но иные occasions удавалось замять влиятельной родне.

А всё прескверный, по общему мнению, характер знатного дворянина. Банальную размолвку он мог обернуть сатисфакцией. Хорошо развитый физически, уверенно владевший пистолетом и шпагой, граф каждую дуэль оборачивал в свою пользу. Говорят, за ним уже числилось с полдюжины мертвецов. Но у тех побед была и обратная сторона.

За год до этого Верейский наведывался в Россию. Тогда на целый день он застрял на почтовой станции у Чудова из-за метели. Главным образом коротали время около самовара и с бутылкой рома, так что, хочешь или нет, пришлось слушать анекдоты товарищей по ненастью. Один из них, чиновник Министерства народного просвещения, оказался вроде как хроникёром жизни Американца. Так что о его похождениях князь был весьма осведомлён.

По окончании морского кадетского корпуса Толстой был зачислен в Преображенский полк. Впрочем, в рядах элит-

ного подразделения он служил недолго. Как-то подпоручик опоздал на строевой смотр. Причина – летал на воздушном шаре. Кузины ликовали, полковник Дризен оказался менее впечатлительным и строго отчитал Толстого. Тот же счёл выговор за оскорбление и плюнул командиру в лицо. В итоге – дуэль и тяжёлое ранение полковника.

IV

Неизвестно, каким мог оказаться приговор трибунала, но в дело снова вмешалась родня графа. Его зачислили матросом в команду шлюпа «Надежда», отчалившего в августе 1803 года из Кронштадта в первую русскую кругосветную экспедицию. Русский язык, упорядочив все аспекты бытия, как скарעד – кухонную утварь, определял такой исход дела как «от греха подальше». Но универсальные житейские формулы в отношении некоторых людей дают сбой, при этом без каких-либо трагических последствий для них. Толстой и был такой самой ходячей аномалией.

Неуёмная энергия матроса и его скверный характер вскоре обернулись проблемой для всего экипажа. Ссоры, злые шутки не давали покоя никому на шлюпе. Досталось и корабельному священнику, и Адаму Иоганну фон Крузенштерну, на русский манер – Ивану Фёдоровичу. Корабельный поп по вине графа лишился предмета своей особой гордости – окладистой бороды. Толстой напоил его так, что тот не добрался до своей каюты и заснул у грот-мачты. Очнувшись же, не сумел поднять головы: борода оказалась припечатана к палубе сургучом. Батюшка не решился сломать казённую печать и отослал юнгу за ножницами.

Капитан же комическим образом лишился важных бумаг. Однажды в отсутствие Крузенштерна, Толстой с любимцем

экипажа орангутангом проник в капитанскую каюту, окропил из чернильницы лист бумаги и вышел. Обезьяна хорошо выучила урок и залила весь капитанский стол чернилами, испортив документы и карты.

V

Заходы в порты тоже не обходились без приключений. Миссия кругосветки могла оказаться под угрозой, и Крузенштерн принял решение избавиться от главного бузотёра «Надежды». Списали Толстого на берег на одном из островов в Русской Америке. Но прежде чем добраться до Камчатки и далее на большую землю, Фёдор ещё два месяца жил на Алеутских островах – вот откуда и прозвище. Рассказывали, что аборигены умоляли его стать их вождём, но граф соскучился по Петербургу.

На попутном корабле бывший матрос доплыл до Петропавловска. Оттуда, где пешком, где на лошадях, где по рекам – в общем, как мог, добирался до Петербурга. Так что, если Крузенштерн вошёл в историю как первый русский, совершивший кругосветное плавание, то Американец мог бы тоже рассчитывать на лавры, ведь половину той кругосветки одолел пешком. Но графа ждали отнюдь не почести.

До столицы он добрался к осени 1805 года, но прогуляться по Невскому разжалованному офицеру не довелось. Сразу же с городской заставы рядового направили в корпус его однофамильца генерала от инфантерии Петра Александровича Толстого. Русские войска по морю отправились в Шведскую Померанию. Шла русско-австро-французская война, больше известная как Война третьей коалиции. Сорвиголове та-

кой поворот дела оказался к лучшему. Толстой отличился в стычке с французами под Ганновером, получил лёгкое ранение, и по завершении кампании ему возвратили гвардейские эполеты.

Через пять лет за участие в групповой дуэли военный суд вновь разжаловал поручика Толстого в рядовые.

V

I

Князя впечатлить анекдотом – всё равно что бабку-повитуху тронуть до слёз девичьим секретом, но эта история тогда почему-то запала в память. Вот как будто к знатю, что их судьбы с Американцем пересекутся. Не иначе, Толстые вновь подсустились и добились назначения опального родственника за границу. По букве-то служба является таковой, хоть в казармах, хоть на заграничных харчах.

Верейскому стало досадно за шахер-махер в сфере разведки, словно это какой-нибудь департамент Министерства просвещения. Воейков, понимая всё это, приписал в конце: «Василий Михайлович, увы, ничего не мог поделатъ. Чернышёв отзывается о графе как человеке большой отваги, был с ним в деле под Фридландом. Используйте это».

В том сражении, названном Фридландским побоищем, Наполеон разбил русско-пруссские войска и вынудил заключить Тильзитский мир. В битве недалеко от Кёнигсберга русская армия в очередной раз явила пример стойкости и отваги. Так, британский посланник доносил в Лондон, что рус-

ские войска «победили бы, если бы только одно мужество могло доставить победу».

Почти треть русской гвардии полегла в Восточной Пруссии. Потери могли оказаться ещё больше, если бы адъютант генерала Уварова штабс-ротмистр, а ныне подполковник, спецгент в Испании Александр Чернышёв не нашёл брод через реку Алле. Так что его характеристика новому помощнику Верейского дорогого стоила.

V

II

Верейский незаметно поднял взгляд от бумаги. Иванов-Толстой с безучастным видом ждал, когда его шеф ознакомится с посланием. Лицо с крупным носом, большими чувственными губами и широко посаженными глазами вытянулось от расслабления мышц. Хотя обманываться на этот счёт не стоило: флегматичность в любой момент могла вернуться наизнанку, как шкура ежа.

– Вот что я вам скажу, Алексей Карпович, давайте до точки придерживаться легенды и настоящее ваше имя и титул забудем до возвращения в Россию, – вместо приветствия сказал тогда Верейский. —Наслышан о вашем, так сказать, непростом характере. Так что сразу предупреждаю... оставьте его за этим порогом. Ваша несдержанность может стать угрозой для нашей чрезвычайно важной и секретной миссии. Я не полковник Дризен: разносов не будет, утирать плевки не намерен, до дуэли дело не дойдёт... Я вас просто

лик-ви-ди-ру-ю.

Всё это князь произнёс без особого выражения, как если бы читал вслух газетную хронику. Помощник две-три секунды никак не реагировал на сказанное. Василий Михайлович уж было подумал, что он ещё и туг на ухо. Но затем лицо «художника» ожило и стало добродушным. Можно было подумать, что Верецкий рассказал, как бодал Феденьку «козой» в животик, когда у того ещё молоко кормилицы на губах не обсохло. А вслух произнёс:

– Князь, это лучшее из наставлений по службе, которое я когда-либо получал. Честное слово!

VIII

Владение языками, наличие информаторов и знакомств среди власть имущих или близких к ним людей – залог успешной деятельности разведчика. Но лишь чутьё придаёт им истинную ценность, без него любой агент – ни гордая птица, а лишь пернатое. Чутьё – это крылья, без них не взлететь. Хотя и полагаться исключительно на него тоже опасно: залетишь не туда, а то и голову разобьёшь. Этот урок Верейский усвоил от отца и за много лет работы за границей заучил не хуже «Отче наш».

Так вот чутьё ему сразу подсказало, что из Толстого выйдет дельный помощник, несмотря на его вздорный характер. Впрочем, таковым граф считался в обычной жизни, там же, где ценились решительность и способность генерировать неординарные решения, он проявился в ином ракурсе.

Карета в очередной раз ухнула в дорожную яму, но Фёдор Иванович снова ухом не повёл. Лишь машинально рукой коснулся левой стороны сюртука, там неизменно крепилась наплечная кобура с дуствольным пистолетом. Такая амуниция была в диковинку в Европе, обзавёлся ею матрос первой русской кругосветки в бразильском порту Форталеза. Ведавший розыском контрабандистов португальский офицер с обычной для португальцев непосредственностью решил установить личность Толстого, внешность которого

вызвала у таможенника подозрения.

Закончилось всё тем, что оба схватились за пистолеты. Хорошо, что товарищи не дали им спустить курки. В итоге разобрались, выпили мировую и обменялись презентами. Гроза контрабандистов снял наплечную кобуру, видя, с каким интересом её разглядывает русский, а тот – золотой перстень с фиолетовой шпинелью, знак особой симпатии одной из кузин.

IX

Сам Верейский считал, что если разведчик берётся за оружие, это явная недоработка или того хуже – провал. Их задача – ставить капканы, а не устраивать канонаду при облаве на волка. Хотя и одобрял готовность помощника к любому развитию событий. Тот всегда был начеку.

Бумаги, передаваемые осведомителями и агентами, князь никогда не хранил при себе. Документы тут же перекочёвывали в тайник, оборудованный в мольберте Алексея Иванова, всегда находившегося где-то поблизости. Оказалось, Толстой и в самом деле владел кистью, к чему его ещё в детстве приустраслил гувернёр-француз.

В Париже деятельность князь развернул широкую. За короткий срок ему удалось создать сеть информаторов в правительственной и военной сферах Франции. Идеи здесь не работали, а лишь деньги, и деньги немалые. Самой большой удачей стала вербовка сотрудника военного министерства Мишеля. Этот чиновник имел доступ к целому ряду сверхсекретных документов, включая донесения о состоянии русской армии.

Особую важность являл доклад, составляемый каждые пятнадцать дней на основании рапортов командиров частей. Доскональное описание положения дел французской армии готовили только в одном экземпляре для самого императора.

Но прежде чем этот документ ложился на стол Наполеона, его копия оказывалась в мольберте одного русского художника. Так что Бонапарт знакомился с документом одновременно с российским послом, после чего тот незамедлительно отправлял дипломатическую почту в Санкт-Петербург.

X

Мещанин Иванов ни разу не подвёл, всегда оказывался в нужное время в нужном месте. При этом нередко проявлял находчивость и смелость, в его действиях не было определённой схемы. Отчасти ещё и поэтому слежка французской контрразведки за Верейским не дала результатов. Нельзя было не проникнуться симпатией к этому человеку. Хотя для того чтобы сойтись близко, у них не было ни условий, ни времени. Тем не менее князю иногда казалось, что они могли бы подружиться, будь ровесниками или при других обстоятельствах.

Знать французской столицы благосклонно отнеслась к русскому князю, к тому же, пусть и дальнему, потомку императоров Византии. Он хорошо разбирался в живописи и литературе, мог живо судить и о премьере в Комеди Франсез, и о новостях из-за океана о Томасе Джефферсоне. Верейского охотно принимали в доме сестры Наполеона Каролины – королевы Неаполитанской. Другую сестру императора, красавицу Полину Боргезе, версальские сплетники записали ему в любовницы. Мало того, огненная драма на балу у австрийского посла, князя Шварценберга, сделала князя героем. Тогда в апогей раута во дворце случился пожар. Русский дворянин, в отличие от большинства находившихся в здании мужчин, действовал решительно. Вдвоём с оказав-

шимся неподалёку русским художником они спасли немало людей, в том числе жён маршалов Нея и Дюрока.

XI

В глазах высшего света Парижа князь обрёл репутацию человека образованного и храброго. Это с одной стороны. С другой — легкомысленного ценителя удовольствий, к тому же записного волокиту за хорошенькими женщинами. С таким не обязательно держать себя в жёстких рамках приличий и быть всегда начеку. Всё это играло князю на руку и облегчало доступ к важной информации и вербовку информаторов.

Французская контрразведка не могла не заинтересоваться такой особой как Верейский. За ним приставили филёров, подсылали ложных информаторов, но тщетно. Василий Михайлович ни разу не прокололся и не купился на эти уловки. Хотя для силовиков доказательная база — дело третье, они больше полагаются на внутреннюю убеждённость в том, что кругом лишь враги. Министр полиции Савари особо невзлюбил князя и стал искать возможность удалить его из Парижа. Для этого он даже инициировал статью в газете «Журналь де Деба», где недвусмысленно звучала мысль, что этот русский дворянин — шпион.

И хотя улик против Верейского французским контрразведчикам раздобыть не удалось, стало понятно, что это лишь дело времени. Потому-то военный министр и принял решение отозвать своего одного из самых ценных агентов.

X I I

Для Верейского приказ Барклая де Толли не стал неожиданностью. Он и сам понимал, что настойчивое внимание Савари добром не кончится. Князь объявил ближайшему кругу парижских знакомых о болезни матушки – на самом деле покойной уже полвека, и незамедлительно отбыл. Всю дорогу до российской границы его не оставляла тревога. Ничего конкретного, но томило ощущение, что при отъезде второпях им допущена какая-то оплошность. Любой неосторожный шаг мог обернуться ордером на арест, а кому-то и стоить жизни.

Иванов-Толстой присоединился к шефу уже после Варшавы. Восстановленное по итогам Тильзитского договора польское государство в виде Герцогства Варшавского де-факто находилось под французским протекторатом. Так что забывать о мерах конспирации на территории Польши не следовало.

Только миновав будку пограничной стражи, князь впервые обратился к Толстому по-русски и по настоящему имени и отчеству:

– С возвращением на Родину вас, Фёдор Иванович!

Тот в ответ лишь кивнул головой, пробурчав что-то вроде «*благодарюивастожсе*», и закрыл глаза.

Василий Михайлович обдумывал доклад на имя Барклая

де Толли. В нём он непременно укажет, что рядовой Преображенского полка Толстой зарекомендовал себя лучшим образом: дисциплинированный, храбрый и инициативный. Благодаря этим качествам ему удалось способствовать помощнику министра по особым поручениям в успешном выполнении его задач. Вывод – рекомендовать для восстановления в офицерском звании.

Всем нам в небесной канцелярии нет-нет да и дают шанс исправить какие-то свои ошибки. Так заплутавшего в лесу охотника случай приводит к тропке, ведущей на большак. Но большинство слепы и глухи к знакам или хуже того – не ценят открытые им возможности. Князю хотелось верить, что его помощник не из таких.

У «Ивана Ёлкина»

I

Толстой открыл глаза, как если бы мысли попутчика явились ему наяву. Мельком, словно дама в стеклянную витрину третьеразрядной шляпной лавочки, глянул в мутное оконце и потянулся. От души. Натужный звук не уступил бы тому, с коим дюжий канонир вытягивает «единорог» из склизкой ловушки прусской грязи. Упражнение отозвалось в большом здоровом теле приглушёнными раскатами грома.

Затихнув, «громовержец» нетерпеливо постучал по стенке кареты. «Тпру-у-у-у!» – немедля отозвался возница – русский мужик, севший на козлы на границе. Попутчики отошли до ветру. Остановка выдалась на краю рощи, за ней уже маячили окраины Брест-Литовска. Мужчины с облегчением изучали их сквозь ветви лип в бахроме молодых листьев. Толстой хмыкнул:

– Мы будто отливаем в строю Ольвиопольских гусар.

Князь оценил армейский юмор – гусары полка из резерва Дунайской армии носили доломаны зелёного цвета.

– Да вы и впрямь художник, граф.

По возвращении к карете рядом увидели ещё одну. Её пассажиры направлялись в обратную сторону – к границе.

Лошади стояли по разные обочины тракта и тоже воспользовались санитарной остановкой по назначению. Около дымящихся кучек, оставленных их парой гнедых, попрыгивала стайка воробьёв.

– Смотрите, Василий Михайлович, до чего в России-матушке предпочтенье всему заграничному дошло, – шутя, но с ноткой досады сказал Толстой. – Даже воробьёв лошадиное дерьмо из-за кордона манит больше, чем родимое.

– Эка вы, Фёдор Иванович, загнули, – отозвался добродушно князь и добавил с улыбкой: – А потом, может, овёс у ляхов действительно слаще.

Граф ничего не ответил и первым забрался в карету.

II

– Эх, князь, вы всю жизнь по заграницам, – обратился к шефу помощник, как только они тронулись. – И вам сложно понять моё неприятие лизоблюдства российского дворянства перед Европой.

– Вот уж не ожидал встретить в вас такого патриота. Вы так органично вписались в европейскую жизнь... Впрочем, это может быть свойством натуры. Слышал, алеуты предлагали вам стать их вождём?

Американец лишь отмахнулся, не принимая лёгкого тона разговора:

– Дело не в этом. Я действительно знаю несколько языков, не стушуюсь в любом обществе... Но не забываю, кто я есть по рождению. Прежде всего Фёдор Толстой – русский человек! Да, в опере ценю итальянца Чиморозе, в балете – француза Дидло, в живописи – испанца Гобю... А вот слезу пустить могу лишь у икон Дионисия или от казачьей песни... При Фридланде у нас с войском атамана Платова как-то биваки соседствовали. Вот когда я душу отвёл! Даже карты забросил. Ходил вечерами меж костров, всё слушал пение донских молодцов. И наслушаться не мог...

III

Толстой умолк. Казалось, он мысленно напевает что-то, не смея дать звуку воли, и от этого имел сходство с бронзовым колоколом, чьё нутро лизнул растревоженный полусонным звонарём язык. Князь не решился нарушить молчаливого пения. Для него откровением стали и многословность, и сентиментальность записного бретёра. Никак его бравый помощник захандрил? Немудрено – на днях ему опять придётся вернуться к жизни разжалованного в рядовые гвардейского офицера. Когда тот снова заговорил, Верейский даже забеспокоился: уж не читает ли он его мысли?

– Не думайте, что я приуныл оттого, что вместо боливару буду опять носить солдатскую шинель...

Через паузу Толстой ухмыльнулся и помотал головой:

– Недолго мне в ней маршировать!

Князь вопросительно поднял брови, отчего лоб разрежала большая складка. Его помощник по-своему истолковал эту мимику:

– Я не про ваш доклад командованию, Василий Михайлович, речь завёл. Пишите в отчёте что должно. Не хватало, чтобы я ещё сам за себя хлопотал. Война не за горами. А уж в баталии-то я себе эполеты верну непременно. Если, конечно, голову не сложу прежде. Ну да бог не выдаст, свинья не съест.

IV

Казалось, Толстой хотел ещё что-то добавить, но оборвал речь, прислушиваясь к сказанному. Глаза его оживились:

– Кстати, насчёт поестъ! Предлагаю, князь, отметить наше возвращение в Отчизну русским обедом. Никаких жульенов и страсбургских пирогов, а уж устриц – тем более! Знаю в этом городке одно местечко м-м-м... Ярославский купчишка один открыл. И ведь не прогадал! Кто напоследок, а кто по приезде вкусить русской еды желает. Отказа, уж как хотите, а не приму.

Верейский картинно поднял руки вверх. Граф, ободрённый этим жестом, хлопнул ладонью в стенку кареты, привлекая внимание, и громко спросил:

– Слышь, ездовая душа, знаешь, где трактир «Иван Ёлкин»?

– Как не знать, ваше высокблагородь!

– Вот и правь туда!

– Не извольте беспокоиться, доставлю в лучшем виде! Но-о-о, залётные, шевели копытами немытыми! – засуетился мужик, мечтая получить от барина на водку.

– Иван Ёлкин... Кто таков? – спросил с лёгкой иронией князь.

– О, вы не в курсе?! Сразу видно – наездами у нас. В России так кабаки называют. Мужики азбуки не знают, им хоть

какую вывеску напиши – один чёрт ни бельмеса. Целовальники и докумекали еловую ветвь над входом приколачивать. Не накладно, и лапти дорогу знают. Вот этот ярославский и решил так свой трактир назвать. Умно.

V

Карета с моста скатилась в незамысловатый лабиринт улочек Брест-Литовска. Форпост на западной границе Российской империи вошёл в её состав семнадцать лет назад при третьем разделе Речи Посполитой. К тому времени славные дни некогда торгового и ремесленного города канули в Лету, как сорвавшийся с удочки жерех в Западный Буг.

А всё опустошительные войны XVIII века: разрушенные здания уже не отстраивались, горожане побогаче съезжали в более спокойные места. Хотя с вхождением в состав России брестчане немного ожили: заработали суконная фабрика, винокуренный и маслобойные заводы... По улицам заскрипели подводы возвращенцев. Всё же Брест-Литовск можно было назвать типичным уездным городишком на полтысячи дворов. Обособляла его лишь приграничная атмосфера. Она не имела явных отличий, но незримо ощущалась во всём, даже в том, как цепные псы лаяли на бродячих: дежурно — для устава.

Но если где-нибудь на Рязанщине главной достопримечательностью уездного центра могла слыть огромная лужа, то здесь высились остатки пятиугольного Брестского замка. Верейский знал, что разрабатывались проекты по его реконструкции и возведению новых фортификационных сооружений. Теперь всё это зависело от исхода нашествия французов.

ских армий.

VI

Трактир оказался большим рубленным домом на манер избы. Одна из редких новостроек в городе выбивалась из его архитектуры европейского захолустья. Выглядело так, как если бы драгун нижегородского полка затесался в строй гусар маршала Нея. Среди внутреннего убранства главенствовали столы и лавки. Мебель в стиле а ля русс между тем была добротной. Такую не одним топором ладили в соседней улице, видно, что руку приложили истинные мастера. Получился не лубок, а изысканная стилизация. Хозяин не поспешил на обустройство, вышло так, что и гоголем прошёлся, и лицо сохранил. Толстой приветствовал его вопросом:

– А чего ты, Устин, еловых веток не приколотишь над дверью, как водится в России?

– Не к душе это. У нас, ярославских, лапник по дороге на погост за гробом кидают, – ответил трактирщик и мелко перекрестился.

Гостям поднесли две большие рюмки хлебного вина двойной очистки. К ним на серебряной тарелке – квашеной капусты с двумя вилками и ржаным хлебом на липовой узорчатой дощечке.

– С прибытием вас в Отчизну, господа! Пусть ваши дела идут слава богу! – трактирщик сказал это буднично, как деревенский поп на свадьбе.

– Вот теперь вижу, что признал меня, каб-бацкая твоя душа! – оживился Толстой.

Без церемоний он махом опрокинул рюмку и с прищуром ткнул вилкой в капусту. Приподнял руку и задержал её на весу, радостно оглядывая отливающие золотом масла белёсые пряди в веснушках семян аниса и в перламутровых искрах мелкорубленого лучка и тут же с наслаждением отправил всё это великолепие в рот. Верейский глотнул слюну и немедля потянулся к рюмке.

VII

– Как же не признать господина хорошего, – чуть обождав, залопотал хозяин. – Не каждый день сверх счёта четвертную кладут.

Князь, услышав это, даже прекратил жевать.

– Нет, Василий Михайлович, это не то, что вы могли подумать. Никаких кутежей. Как можно?! Всё-таки не за буклями в Париж ехал. А на чай оставил, так... На удачу, можно сказать. Ведь не знал, что и кто ждёт за кордоном.

– Подтверждаю, всё чинно-благородно с их стороны было-с.

Князь помягчел лицом и заработал челюстями. Затем не удержался и спросил, глядя на то, как Толстой с аппетитом подчищает капусту.

– Где же вы, Фёдор Иванович, к такой незамысловатой пище-то пристрастились? Явно не в родительском доме.

– Не поверите – в Российско-американской кампании. Вот вы улыбаетесь, а между тем никакого отношения к моему прозвищу это не имеет. Управляет тамошней канцелярией Кондратий Фёдорович Рылеев, мой хороший приятель. Так вот он и завёл у себя «русские завтраки», на них подавали очищенное хлебное вино, кислую капусту да ржаной хлеб.

– Понятно теперь, почему Аляска остаётся необжитой.

– Напрасно, Василий Михайлович. Рылеев образованный

и весьма деятельный человек. Только в этакую даль дальнюю, уж поверьте знающему человеку, колонистов толковых сосватать – большая проблема. А от сброда и проку никакого... А насчёт «русских завтраков» – так ведь кто только не съезжался к Кондратию на Мойку: и знатные особы, и литераторы, и дамы света не брезговали. Но я вас одной водкой да капустой с хлебом потчевать не собираюсь.

VIII

Толстой подозвал жестом хозяина, дающего в стороне круга соколом над лебяжьим выводком:

– Ну, сказывай, Устин, чем потчевать намерен?

– На закуску балычок рекомендую. Намедни только получили... На цвет – янтарь как есть: хоть в оправу вставляй да девок одаривай.

Граф выразительно посмотрел на князя – мол, каков экземпляр! Тот одобрительно улыбнулся.

– Икорка само собой: белужья зернистая – икринка к икринке – да паюсная ачуетская-кучугур с распахом – на срезе каждая икринка пополам аккурат, как если бы яблоко какое. Рыжики солёные имеются. Еловые. Дух такой, что зажмурюсь – и как будто у себя в ярославском лесу окажусь... Под это дело зубровка хороша будет. Сами настаиваем из полугарного хлебного вина и медком её липовым смягчаем. Катится, как салазки в Рождество...

– Полугарное? – князь, имеющий мало языковой практики, всякий раз спрашивал значение незнакомых ему слов.

– Это у нас ещё Петр Первый завёл так испытывать на качество хлебное вино, – отозвался граф. – Зажгут меру, и несгоревший остаток должен составлять ровно половину от того, что было. Отсюда и название – полугарное.

Ободрённый кивком Толстого, ярославец продолжил:

– Следом селяночку – со стерлядкой. Вчера ещё в Днепре плескалась, нагулянная – жирники злато и только! Глянeshь в тарелку – так словно кто имперялов сыпнул. Тут же рас-стегайчики с судачком да печёнкой налиమ్ей...

IX

Рядовой Преображенского полка хлопнул ладонью по массивной столешнице, не дав трактирному златоусту довести речь до конца:

– Вот что он творит, Василий Михайлович, а?! Так ведь и слюной изойдёшь, пока дослушаешь до конца. Подавай уже, ирод! Ну и всего, чего ещё полагается...

Хозяин, довольный такими словами, кивнул половому, и тот метнулся на кухню.

– А поросёнок молочный есть ли? – не удержался от дальнейших расспросов Толстой.

– Как не быть! Извольте понежней – со сметаной? Или румяного? Это так, чтобы корочка с хрупостинкой, для того водочкой смочить...

– Давай уж с этой самой хрупостинкой твоей! Да и смотри, чтобы на блюде, непременно целиком.

Устин удалился, только завидев двух половых. Молодцы несли на вытянутых руках большие подносы, каждый величиной с колесо телеги. На них уже что-то дымилось в порционных сковородочках в окружении серебряных жбанчиков с икрой и фарфоровых тарелочек, уложенных ломтиками провесной, нарезанной в толщину ассигнаций ветчины и ещё – сразу даже и не разберёшь – чем-то. Дополняла этот натюрморт золотобокая тыква с бременем неженских солё-

ных с хреном и смородиновым листом огурчиков.

– Да осилим ли всё, Фёдор Иванович? – шутливо взмолился Верейский. – У нас ведь с вами желудки не малороссийских помещиков.

– А это ничего, Василий Михайлович. Мне и полюбоваться на родную пищу отраднo. Где не живот, там глаз порадуется. Не каждый день.

X

Когда нахлынувший разом от услышанного и увиденного приступ голода ретировался под стремительным натиском закусок, беседа возобновилась. Теперь слово держал Верейский:

– Надо признать, всё действительно вкусно, – он указал на яства перед ними. – Хотя для меня всё это не имеет иной ценности, кроме гастрономической. Моих предков вынудили покинуть родину ещё при Иване III. Польский король и великий князь литовский Казимир IV обласкал беглецов. Как-никак – Рюриковичи! Ведь мой полный тёзка приходился внуком Дмитрию Донскому. На случай войны с Москвой такого валета в колоде претендентов на трон можно было удачно разыграть. Король наделил предка уделом в Смоленском воеводстве. То поместье до сих пор остаётся за Верейскими. В состав Российской империи земли вошли ещё при Алексее Михайловиче, но подлинно русскими они так и не стали. Смоленское дворянство лишь недавно перестало именовать себя шляхетством. Как и читать польские книги, и жён себе брать из Польши, а не из России. Сам же я большую часть зрелой жизни провёл в Европе. По крайней мере, с её кухней и нравами я знаком больше, чем с теми, что бытуют у дворян в русских губерниях.

Князь сделал знак половому, тот наполнил рюмки.

– Так что хочу поблагодарить вас, Фёдор Иванович, за столь наглядный и аппетитный урок русской культуры! Надеюсь, когда-нибудь смогу отплатить чем-то подобным.

– Почту за честь, Василий Михайлович.

Чоканье отозвалось тонким звоном богемского стекла. Это звук с вывертом – так отзываются в человеческих душах надежды, ведь наполнены рюмки были не только полугарным хлебным, но и ожиданиями, верой и мечтами.

Совещание в кадетском корпусе

I

Совещание агентов военной разведки Барклай де Толли изначально думал организовать в расположении одного из гвардейских полков. Казармы для них стали возводить в столице ещё при отце нынешнего императора – Павле Петровиче. До великого гвардейского переселения элитные части дислоцировались в слободах – деревянные избы в окружении огородов на весьма обширных территориях. В этих военизированных деревнях разве что пахарей было не встретить, да улицы различались по номерам и назывались то линиями, то ротами.

Теперь, после возведения на месте слобод казарм в два-три этажа, размещение гвардейцев оказалось довольно компактным. К тому же новые здания ничем не выделялись на фоне традиционной петербургской архитектуры и имели присущий стилю классицизма жёлтый цвет и белые колонны. Так что несведущий человек лишь по обилию мундиров вблизи этих зданий мог догадаться, что они какого-то особого, военного назначения.

Дислокация гвардейских частей включала в себя и жилые помещения для нижних чинов, и квартиры для офицерско-

го корпуса. Здесь же были плац, офицерское собрание, баня, лазарет, склады различного назначения, мастерские и хозяйственные помещения, огороды и конюшни. И обязательно – церкви: в элитных полках они возводились большие, доступные и гражданским лицам, в частях попроще – внутри зданий.

Данная обособленность размещения гвардейцев отвечала режиму секретности предстоящей встречи.

II

Поначалу военный министр остановился на лейб-гвардии в Семёновском полку. Обособленность его расположения казалась весьма удачной: здания примыкали к большому плацу, а фасадами выходили к Загородному проспекту, Рузовской и Звенигородской улицам, а с юга территория ограничивалась Обводным каналом. Но затеянная год назад реконструкция основных зданий 1790-х годов постройки внесла в жизнь по уставу все атрибуты большой стройки. Повсюду встречались то обстоятельные каменщики, то бойкие плотники, то ушлые подрядчики и нерасторопные возницы. Лишних глаз – не одна сотня, про каждого не дознаешься.

Неподалёку – вдоль Гороховой улицы, от Фонтанки у Семёновского моста до Загородного проспекта – квартировал лейб-гвардии Литовский полк. Однако воинская часть находилась в стадии формирования, с присущими этому процессу неурядицами. По схожим причинам отвергли и Лейб-Гренадёрский полк: удалённые от центра города казармы с выходом на берега Большой Невки и Карповки заселили ещё на этапе завершения строительства.

Даже лейб-гвардии Финляндский полк, имевший собственную территорию на Васильевском острове с 1808 года, забраковали. Причина – за три года уклад прежнего военизированного деревенства вновь заявил о себе. По соседству

с новыми казарменными зданиями на улицах-ротах появились обычные частные дома, где любой мог снять жильё. В том числе и наполеоновские агенты, накануне предстоящего вторжения их засылка, без сомнений, активизировалась. По этой же причине исключалось и здание военного министерства. В его стенах наверняка орудовала если не агентура, то уж её информаторы – вольные или невольные – точно.

III

Так или иначе все гвардейские части оказались неподходящими для проведения совещания агентов военной разведки. Даже, казалось бы, самый беспроегрешный вариант с Кавалергардским полком дал осечку. Да, казармы, построенные Луиджи Руска три года назад, в архитектурном отношении были на высоте. Один только офицерский корпус на Шпалерной с центральным зданием, украшенным портиком и скульптурами древнеримских богов войны – Марса и Беллоны, чего стоил. В то же время большое число тёмных галерей со стороны двора и крыши с низким скатом делали казармы малоприспособленными для петербургского климата.

Тут уж, как говорится, ничего не попишешь, да и для поиска нужного здания – дело третье. Открытием же для не так давно занимающего свой пост министра стало то, что внутри этого пространства было довольно тесно. В Кавалергардском полку располагались: служебные корпуса с конюшнями во дворах, госпиталь с садом, помещения для размещения семи эскадронов. Так что сами кавалергарды терпели большие неудобства и занимали дополнительные помещения вне казарм. Если гвардейцы ещё и могли утешаться пословицей: «В тесноте, да не в обиде», то в военном министерстве искали другие варианты.

IV

Когда ставка на гвардейские части не оправдалась, директор канцелярии стратегической разведки Особенного отдела полковник Алексей Воейков наведаясь в другие здания ведомства. Выбор в итоге пал на Меншиковский дворец, где размещался Первый кадетский корпус.

Усадьба фаворита Петра Первого Александра Меншикова, обвинённого в государственной измене и казнокрадстве, поступила со всем имуществом в казну. В 1731 году здание перестроили для Императорского сухопутного шляхетного корпуса. Своё нынешнее название кузница элиты офицеров русской армии получила при императоре Павле. Одним переименованием дело не ограничилось. Значительные изменения в систему образования внёс на посту директора генерал-лейтенант Михаил Кутузов. Так, вместо пяти возрастов сформировали роты – четыре мушкетёрские и одну гренадерскую, всех гражданских учителей заменили офицерами. Нововведённые занятия по тактике и военной истории проводились не только с воспитанниками, но и с офицерами.

Но в данном случае имело значение то, что первое каменное здание Санкт-Петербурга располагалось обособленно, недалеко от стрелки Васильевского острова. Четырёхэтажный фасад дворца образца архитектуры стиля барокко выходил на Неву. К тому же большинство воспитанников на-

ходились в учебных полевых лагерях для закрепления спец-дисциплин: фортификации, тактики и «фрунтовой службы».

V

Устроители совещания не зря так пеклись о его секретности. Её плотной завесой окутана разведывательная деятельность любого государства. Это вполне естественно, ведь предназначение разведки состоит в выведывании чужих тайн и сохранении собственных. Всё это прекрасно осознал Барклай де Толли, назначенный императором Александром I военным министром в начале 1810 года.

В свои пятьдесят два года Михаил Богданович являлся опытным военачальником. Один решительный и неожиданный для врага переход его корпуса по льду Ботнического залива в 1809 году чего стоил. Смелый манёвр обеспечил России победный исход войны со Швецией, а самого триумфатора «за оказанные отличия» произвели в генералы от инфантерии.

Так что новому министру чины доставались не за шарканья по паркету Зимнего дворца. Барклай де Толли знал на личном опыте цену сведениям о противнике при ведении боевых действий. Когда ему говорили о том, что разведывательная деятельность организована неважно, он с солдатской прямоотой поправлял: «Плохо». В первую очередь это относилось не к войсковой разведке, а к внешней. В её структуре и организации ещё со времён Петра Первого не происходило значительных изменений.

Сведения, поступающие от дипломатических миссий из-за рубежа, не несли ценной и оперативной информации. Одно название – «разведка», на самом деле – бюро по сбору слухов и общедоступных данных без риска для здоровья, не то что жизни. Вялотекущую форму этой «болезни» обострил недруг, какого у России не было со времён короля Швеции Карла XII – наполеоновская Франция. Понимание замыслов Наполеона могло не только стать пищей для российских штабных умов, но и спутать карты противника.

VI

Требовалось организовать системную охоту за планами грозного и мощного противника. Министр составляет докладную записку по этому вопросу на имя Александра I и вскоре получает добро на учреждение Особенной канцелярии. Эта структура вела три направления: стратегическое – добыча информации за границей, тактическое – сбор данных о войсках, дислоцированных в непосредственной близости от границ, контрразведка – работа по выявлению и нейтрализации вражеской агентуры.

Функции контрразведки легли на воинскую полицию, образованную во исполнение секретного указа Александра I. Её подразделения имелись в каждой действовавшей армии и находились в ведении начальников их штабов. Что до тактической разведки, то она не имела чёткой организации и являлась слабым звеном в общей структуре. За организацию здесь отвечали специальные агенты на границе, военные коменданты приграничных городов и командование расквартированных там частей.

В качестве агентов за кордон в основном отправляли местных жителей. Толковых сведений те раздобыть не могли, так как в военных делах имели понимания не больше, чем в лечении язвы желудка. Полковые писари плевались, записывая никчёмные, но обстоятельные сведения лапотных

агентов о ценах на воск, щетину, рожь и репу. Всё это отчасти компенсировали общие «известия о движении неприятельских корпусов».

VII

В деле же организации стратегической разведки уповать на абы каких людей непозволительно. А по большому счёту – преступно. Главная нагрузка в получении секретных данных, а также сбор и анализ общедоступной информации ложились на агентов Особенного отдела. Первый состав – семь офицеров – действовал во Франции, Австрии, Саксонии, Баварии, Швеции, Испании и Германии.

Штат канцелярии, вопреки русскому обыкновению «один с сошкой — семеро с ложкой», оказался малочислен: директор, три экспедитора и один переводчик. Что касается сотрудников, то их подбор министр никому не доверил и занимался этим делом лично. Так, руководить канцелярией поставил человека из своего ближнего окружения – флигель-адъютанта, полковника Алексея Воейкова. Военная служба этого достойного офицера началась с ординарцев у самого Александра Суворова в швейцарском походе 1799 года.

На деятельность разведывательного отдела Особенной канцелярии сразу же наложили гриф чрезвычайной секретности. Эти дела не фигурировали в еженедельных министерских отчётах. Деятельность сотрудников регламентировали «Особо установленные правила». Они предписывали агентам собирать данные «о числе войск в каждой державе,

об устройстве образовании и вооружении их... о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск». Помимо этого, «не менее ещё желательно достаточное иметь известие о числе, благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках сей империи или средствах к продолжению войны...».

VIII

Летом 1810 года специальные агенты отбыли в посольства европейских столиц. Требования к кандидатам на эту должность предъявлялись высокие, и исключительно только соответствие им являлось основанием для зачисления в штат. Оттого и состав получился весьма разномастным.

Были тут и представители известных дворянских фамилий, имевшие хорошее домашнее образование и уже боевой опыт: Григорий Орлов, Павел Брозин и Александр Чернышёв. Этих направили соответственно в Париж, Берлин и Мадрид. В их компании оказался и сын бедного лифляндского чиновника поручик Павел Граббе. Он окончил кадетский корпус и с успехом выдержал специальный экзамен, его путь лежал в Мюнхен. Прошли экзамен и два офицера свиты Его Императорского Величества: голландский уроженец барон Фёдор Тейль ван Сераскеркен убыл в Вену, а имевший шотландские корни Роберт Ренни – в Берлин.

Виктор Прендель не мог похвастаться молодостью и образованием, зато имел большой опыт. Да ещё какой! Тирольского дворянина конвент Франции приговорил к обезглавливанию на гильотине за его роялистские взгляды. Но смертнику удалось бежать и записаться в ряды австрийской армии. Там ему в 1799 году довелось воевать под знаменами самого Суворова в Италии и даже командовать казачьим отря-

дом. Покорённый духом русской армии, он стал её офицером, нередко выполнял секретные задания, некоторые – лично от императора Александра I. В сорок четыре года Пенделя назначили резидентом в столицу Саксонии Дрезден.

XI

Спустя два года все агенты получили вызов явиться в Санкт-Петербург. Те, чьи личные дела хранили истории, способные впечатлить не только генеральских дочек, но и их отцов, ехали в Россию с беспокойством. Так чувствует себя штык-юнкер, впервые званый на офицерскую попойку

Никто не знал, что именно кроется за этим приказом. Первое, что шло на ум всем, – отставка в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей. Второе и третье – носило личный характер и имело куда меньшее значение. Но когда все увидели, что обширный, как небольшой плац, кабинет начальника Кадетского корпуса заполнен соратниками, у большинства отлегло от сердца. Стало понятно – командование объявило всеобщий сбор. Друг другу их не представляли, кто был знаком прежде, обменялись рукопожатиями.

Помимо семи агентов и помощника министра по особым поручениям князя Верейского – с ним большинству уже доводилось общаться за границей – здесь были сотрудники канцелярии разведотдела и ещё несколько лиц. Среди них и Юстас Грунер, бывший министр полиции Пруссии. Эмигрировав в Австрию, он из Вены координировал действия информаторов агентурной сети в германских княжествах. Напротив его – отставной ротмистр русской армии прусский дворянин Давид Саван. Через этого двойного агента в Вели-

ком герцогстве Варшавском получали сфальсифицированную в русском генштабе информацию.

X

Все ждали Баркляя де Толли. Министр опоздал на полчаса. Оказалось, докладывал императору о совещании и получил на этот счёт высочайшие указания. Доводить же их не спешил, для начала обошёл всех, пожав руку каждому. Затем слово взял докладчик – подполковник Пётр Чуйкевич. Он руководил направлением Особенного отдела по анализу и систематизации поступавших из-за кордона донесений. Офицер, известный собравшимся больше в качестве военного писателя, в отличие от своих творений, оказался доходчив, как гусар с уездной кокоткой на летних манёврах. Есть такой тип авторов: впечатляешься услышанной от них историей, но остаёшься разочарованным от её изложения на бумаге.

Суть выступления: войны с Наполеоном следовало ожидать уже этим летом, максимум – через год. Выводы основывались на составленной отделом дислокационной карте французских частей с отметкой всех их передвижений. Разведданные даже позволяли ориентировочно оценить численность первого эшелона французских войск – до полумиллиона человек.

Исходя из этого и разрабатывалась стратегия в предстоящей вой военной кампании. Основная её идея состояла в том, чтобы как можно дольше избегать прямых крупных

столкновений.

– Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении военных действий, – резюмировал Чуйкевич. – Такие меры для Наполеона внове, для французов утомительные и союзникам их нестерпимые.

XI

– Благодарю, Пётр Андреевич, – отозвался министр. – Как видите, господа, войны не избежать. Да вы, думаю, это и без того уже поняли. Многие из вас сейчас, можно сказать, работают в тылу будущего противника. Ничего не поделаешь, господа, стратегия русской армии в начале кампании – отступить с боями. Но потеря нескольких областей не должна нас утратить, ибо целостность государства состоит в целостности его армий. Наша, в данном случае – ваша, основная задача состоит в дезинформации. Требуется донести до французов и их союзников якобы основную идею штаба нашей армии – дать генеральное сражение вблизи рубежей. Пусть они исходя из этого и разрабатывают генплан своего блицкрига, как говорят немцы. Я хотел, чтобы вы услышали это непосредственно от меня. Донести это в письменном виде рискованно. Не доверяйте информации или указаниям иного характера на этот счёт. В случае получения таковых надо твёрдо знать, что это фокусы вражеской контрразведки и вы на грани провала. В это время стоит проявлять бдительность как никогда. И да пребудет с вами Бог, и не отвернётся удача!

Барклай де Толли направился к выходу. Присутствующие встали с мест.

– Господа, – объявил полковник Воейков, когда за министром зарылась дверь. – Сейчас прервёмся ненадолго. Ря-

дом в кабинете организован буфет с закусками и самоваром. Прошу, угощайтесь. Кто-то ведь прямо с дороги. Сбор через полчаса. Подполковник Чуйкевич более детально введёт в курс общего положения дел и расклада сил в Европе. Далее с каждым из вас мы в личном порядке определим его цели и задачи.

XII

Начальник Особенной канцелярии направился к выходу из зала. Уже в дверях он повернулся, нашёл глазами князя Верейского и обратился нему:

– А вас, Василий Михайлович, прошу следовать за мной.

Князь, помедлив, двинулся следом за начальником Особенной канцелярии. Нерасторопность Верейского его коллеги офицеры приписали образу жизни штатского человека. Причиной же стало внутреннее замешательство. Смutil отнюдь не вызов на аудиенцию, а его тон. Обычно при обращении к нему начальственные нотки в голосе полковника растворялись куском сахара в горячем чае. Тут же слова хрустели на зубах чёрствым сухарём.

О, сколькими возможностями природа наделила человека для демонстрации своих чувств и эмоций! Слова что, слова – удел зависимых или прямых, как степной большак, людей. Обладающий силой либо влиянием, прежде чем заведёт речь, может извести так, что и говорить ему уже незачем. Если только для ясности. И арсенал для этого широк, словно у армии накануне прорыва обороны: мимика, интонации голоса, взгляд, жестикуляция, шаги... Когда наблюдаешь такие знаки, то на ум приходят дороги среди степей.

Почётный резерв

I

Командирские эполеты при каждом шаге вздрагивали золотой бахромой, как если бы её тревожил лёгкий ветер. Верейский, следуя за начальником, не отрывал глаз от пляски завитушек, но ум его занимали другие мысли.

Что могло стать причиной такого сухого к нему обращения? Ответа на этот вопрос князь не находил., Он вправе был ожидать поощрения или награды. В Париже в осведомители ему удалось заполучить сотрудника военного министерства. Да ещё какого! Агент Мишель – тот, кто готовил сводки по численности и дислокации французских войск для самого Наполеона.

Провал? Но судя по тому, что удалось без проблем вернуться в Россию, вряд ли. Поводов заподозрить себя в двойной игре он не давал. К тому же – будь так, вышагивал бы сейчас не по Меншиковскому дворцу, а по каземату Петропавловки. А если раскрыл себя и оказался для Петербурга источником дезинформации? Такое нельзя было исключать.

В конце концов князь отмахнулся от этих дум и лишь старался не отстать от Воейкова, уж больно тот оказался скор на ногу. Редкий пример того, как человек одинаково быстро

и двигается, и соображает. Как правило, он на чём-то экономит.

II

Внутренний замок массивной двери с медной табличкой «Инспектор классов полковник К.О. Оде-де-Сион» оказался с характером. Пока Воейков елозил ключом в замочной скважине, мысли князя переключились на брелок. Тот маячил на серебряной цепочке, вдёрнутой в ушко ключа. Врейского заинтересовали вытравленные на нефритовом овале угольник и циркуль – символы масонства. Маловероятно, чтобы полковник имел отношение к тайному обществу, тогда – хозяин кабинета, отведённого разведке на время совещания.

Обстановка резиденции инспектора классов свидетельствовала о его неприхотливости, если не аскетизме. Простая добротная мебель, на стене – лишь гравюра «Переход русскими войсками под командованием Суворова Чёртова моста» и деревянное католическое распятие. Если принять гравюру за икону, то – келья аббата небольшого монастыря, да и только.

Воейков счёл за должное пояснить.

– Карла Осиповича за глаза называют монах и солдат. Француз Шарль Оде поменял монашеский обет на воинскую присягу, и не одну: французскому, прусскому, польскому и российскому властителям.

У князя едва поднялись брови.

– Да-да... Но на русской службе он уже двадцать лет и проявил себя наилучшим образом. Хорошо зарекомендовал себя при усмирении Варшавского бунта, да и абы кому граф Александр Васильевич Суворов не доверил бы наставничество над своим отпрыском. Ну и в России Шарль Оде стал дворянином Карлом Оде-де-Сион, полковником... Для таких людей, как он, это значит куда больше, чем то, на каком языке лопотала их кормилица.

III

Полковник допускал образность речи, но лишь в разговоре со знакомыми. Прослыть за умника в армейской среде – не самый лучший вариант. Между тем Алексей Васильевич являлся не только книгочеем, но и литератором: его оды и переводы с немецкого и французского, в том числе Вольтера, охотно брали редакторы столичных журналов.

Воейков жестом предложил князю садиться. И тут же присел рядом на один из деревянных стульев. К тому же чёрствость в голосе сошла на нет. Ободрённый хорошими знаками Верейский поддержал стиль разговора.

– И на каком языке в твоих снах шумят на ветру деревья, не имеет значения?

– Имеет, Василий Михайлович, имеет, – как бы с сожалением ответил полковник и добавил: – Но не является определяющим в вопросе: можно доверять такому человеку или нет.

– А мне? – князь решил не оттягивать неминуемых объяснений.

Штиль на лбу Воейкова разрезали три штормовые морщины, так он оценил прозорливость собеседника.

– Что касается меня, то я всецело да. Но есть и другие мнения. Вы, князь, допустили большую ошибку, расставаясь с Парижем. И то, что вам удалось миновать ареста и вернуть-

ся в Россию, можно отнести промыслу Господню или счастливой звезде.

– Ах вот оно что! То-то у меня последнее время сердце не на месте...

– Ладно хоть бьётся, и голова на плечах, а не в корзине гильотины.

IV

– Алексей Васильевич, объясните уже наконец, что случилось?

– Князь, вопросы буду задавать я. Вспомните детально всё, что связано с последним донесением от Мишеля.

Верейскому скрывать было нечего. Накануне отъезда он в очередной раз получил от агента оперативную информацию о дислокации французской армии. Как обычно, зашифровал данные, вписал их невидимыми чернилами меж строк делового письма. Затем Толстой отнёс его в своём мольберте в посольство для отправки диппочтой. Всё как обычно.

– Оригинал донесения уничтожили?

– Ну конечно! Я же говорю – всё как обычно.

– Тогда объясните, каким образом в ваших апартаментах нашли часть сводки? По фактологии и почерку в ведомстве Савари определили, кто её автор.

Князь недоумённо развёл руками. Его начальник понимающе кивнул.

– В итоге самый ценный для нас информатор гильотинирован. К его товарищу, канцеляристу Фуке, трибунал оказался благосклоннее – позорный столб с железным ошейником и денежный штраф.

Верейский никак не реагировал на услышанное. Казалось, он весь ушёл в себя.

Воейков продолжал:

– Вы бы составили компанию Мишелю на эшафоте, если бы полиция обнаружила ту бумажку сразу. Но обыск апартаментов по горячим следам ничего не дал. Лишь неделю спустя хозяин переставлял мебель и за спинкой дивана наткнулся на обгоревший край бумажного листа. Памятуя об обыске, отнёс находку ажанам.

V

Верейский до этого с растерянным и озабоченным видом слушал шефа. Но от этих слов разом просветлел лицом.

– Пойдите, пойдите, Алексей Васильевич, вы сказали «обгоревший»?

– Совершенно верно. Наш информатор в Министерстве внутренних дел Франции предметно изложил все обстоятельства дела.

– Ну конечно! Теперь мне всё понятно. Я тогда, как обычно, поджёг донесение от свечи и оставил догорать на подносе. В этот момент порыв ветра распахнул окно. Наделала оказия делов: штора опрокинула один подсвечник, бумаги со стола разлетелись по кабинету... Видимо, тогда недогоревший клочок и залетел за диван. Я кинулся закрывать окно, затем прибрался. Даже пепел, где увидел, стёр... Был уверен, что донесение сгорело дотла! Выходит, нет.

– Как говорит русский мужик: и на старуху бывает проруха. На самом деле я рад, что вы смогли дать объяснение тому, что случилось. Прошу вас изложить сказанное мне письменно. Не скрою, были те, кто настаивал на вашем немедленном аресте по прибытии и учинении дознания.

– Благодарю за доверие, Алексей Васильевич.

– К сожалению, моё мнение не было решающим. Сам император не дал добро. Его величество высоко ценил вашу де-

тельность в Париже. Как-то на полях одного из донесений он даже сделал пометку: «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому человеку?».

VI

Князь позволил себе улыбнуться.

– Мне что, предложат пост министра или, для начала, его товарища?

Воейков не принял тона и снова «захрустел сухарём»:

– Не думаю, что есть повод для улыбок, Василий Михайлович. Из-за вашей оплошности командование русской армии накануне войны, когда французские корпуса вот-вот станут выдвигаться к границам, лишилось важнейшего источника информации об этих передвижениях.

– Я вполне осознаю цену своей ошибки, полковник. Слушайтесь так, что роль безутешной вдовы хоть чем-то поможет делу, то, поверьте, я исполню её так, что уже завтра буду иметь на руках ангажемент в Большом камерном театре.

Тут настал черёд улыбнуться Воейкову:

– В этом я не сомневаюсь, князь. Но лучше отправляйтесь к себе в имение. Отдохните, наберитесь сил...

– Отставка?

– Назовём это выходом в резерв. Почётный.

– Хрен редьки не слаще, опять же если обращаться к риторике мужика.

– Но вам, князь, сейчас действительно нельзя за границу. Да вы и сами это прекрасно понимаете.

– Но мой опыт мог бы пригодиться Особенной канцеля-

рии...

– Василий Михайлович, дорогой, какая Особенная канцелярия?! Если гром не грянул, это не значит, что тучи над вашей головой рассеялись. Провали вы не личного информатора, а действующую до вас агентуру, разговор у нас вышел бы определённо иной. И в Петербурге вам оставаться не след, только гусей дразнить! Будете не на глазах – история с Мишелем скорее забудется. Да и после войны, бог даст, расклад станет иным.

VII

– Ну вот и договорились, – расценив молчание как знак согласия, Воейков накрыл ладонью руку князя.

Нервные и изящные как у пианиста, пальцы Верейского наигрывали что-то на колене.

– Я даже завидую вам, Василий Михайлович. Жизнь в деревне, в тиши и покое... Какой срок до войны отпущен – не знаю, но берите от мирной жизни всё. М-м-м-м! Всё то, что нам лишь снится. Цените. А может, и судьбу там свою встретите?

Князь поджал губы.

– А почему нет? Невест, поди, в Смоленской губернии пруд пруди. Род князей Верейских надо продолжать. Наследнику передать титул, да и так, думается, есть чего – капитал, имение... Как оно называется?

Князь ухмыльнулся:

– Полагаю, вы и без того знаете: Арбатово, три тысячи душ крестьян мужеского полу. Я там не был с детства. Матушка умерла вслед за моим рождением и умерла родами. Отец, видимо, очень любил её, раз так больше и не женился. А когда я вырос достаточно для зачисления в пажеский корпус, мы уехали в столицу. И больше туда не возвращались.

– Как дела без господского надзора-то обстоят?

– По отчётам, всё довольно неплохо. Да, скорее всего, так

и есть. Управляющий именем – Харлов Степан Иванович. Кузен покойной матушки. Служил в гренадёрах, вышел в отставку майором, тогда и я предложил ему место. Из милости, если честно. Род обеднел давно... А он дельным оказался. Знаете, из таких офицеров, что слуга царю, отец солдатам. Хозяйство на европейский манер ведёт. Я ему и журналы по сельскому хозяйству из Европы высылал. Даже коров альпийских с быком отправил в Арбатovo. Они чуть не вдвое против наших шилозадых коровёнок молока дают. Харлов и маслобойню наладил, товар в Смоленск купцам отправляет.

– Вот даже как! Похвально. Вот только на Европу-то у нас сейчас равняться не особо принято. У нас Аракчеев свои порядки в деревнях наводит. Слышали, поди.

– Наслышан. Только ведь у меня не по форме порядок, а по сути.

VIII

Полковник встал, обозначив, что разговор завершён. Затем прошёл за стол, на зелёном сукне которого лежала дюжина картонных папок, и раскрыл одну из них.

– Кстати, насчёт вашего опыта. Ему вполне можно найти применение и там. Вам известна деревня Кистенёвка? Ах, да, вы же не бывали в тех краях. Она в том же уезде, что и ваше Арбатово. Так вот кистинёвский помещик Дубровский заделался разбойником. Организовал из своих крестьян шайку, грабит на дорогах, зорит усадьбы.

– Да, Харлов писал, что лиходеи спалили что-то. В усадьбу-то не сунутся, там майор такую охрану организовал, что и какой другой гарнизон позавидует. И что, управы на этого Дубровского найти не могут?

– Выходит, так. Он ещё недавно – гвардейский корнет, молод, умён, дерзок... Местному уряднику такой не по зубам. Придали роту солдат, да без толку. Да и ещё пришлют – то же самое будет. Тут надо действовать не числом, а умением. Уж кто, как не вы, Василий Михайлович, поможет словить злодея? Приказать вам уже не могу, так что прошу. Направить туда кого-то из спецагентов не имею возможности, да вы сами это знаете.

– Непонятно, при чём здесь Особенная канцелярия?

– Министр дал указание помочь смежникам из контр-

разведки. У де Санглена лишь десять оперативников, они выявляют наполеоновскую агентуру в приграничных западных губерниях. Зашиваются. Только в розыске больше сотни лиц, подозреваемых в шпионаже. Дубровский, скорее всего, не шпион, но с его бандой в наших тылах надо покончить до начала войны.

– Думаете, и Смоленск придётся сдать французам?

В ответ лишь колыхнулась бахрома на полковничьих эполетах.

XI

Пальцы князя вновь заиграли на коленке. Он знал, что Высшая воинская полиция с функциями контрразведки создана в начале года по тайному указу Александра Первого. Её представители имелись в каждой из трёх западных армий и подчинялись начальникам их штабов. Руководил контрразведчиками потомок выходцев из Франции Яков Иванович де Санглен. Помочь им... Его подмывало хлопнуть дверью. Кто-то решил, что лишь единственная невольная осечка может перечеркнуть годы безупречной службы. В конце концов, это был не Воейков и не государь.

– Ну раз так, чем сможем – поможем, – Верецкий хлопнул себя по коленке, оборвав «мазурку». – Вот только странным мне кажется сам факт того, что гвардейский офицер подался в разбойники.

– Да, там не всё просто. Насколько знаю, некто Троекуров, предводитель местного дворянства, генерал-аншеф в отставке отсудил Кистенёвку у отца Дубровского. Допускаю, что не без влияния на суд. Родитель после этого слёг да так и не оправился. После его смерти молодой человек спалил усадьбу вместе с судебными исполнителями и ушёл в лес с мужиками.

– Троекуров... Уж не Кирила ли Петрович?

Воейков заглянул в папку:

– Он самый. Знакомы?

– Были как-то представлены друг другу в Варшаве.

– Так вам и карты в руки. На правах знакомого сразу нанесёте визит, а там, глядишь, и ниточка явится, за которую можно потянуть.

– Пожалуй, так и сделаю. Только вот ещё что, Алексей Васильевич, я ведь привык один работать, так что мне и в этот раз начальников не надо.

XII

Воейков, обрадованный таким исходом дела, с готовностью поднял обе руки:

– Как скажете, князь. Получите мандат, удостоверяющий ваши полномочия, и для губернских властей, и людей де Санглена. Но без помощника трудно...

– А у меня Харлов есть. На крайний случай – пришлите Толстого. Он оказался толковым порученцем, да и оружием, говорят, отлично владеет. В Париже это, слава богу, не пригодилось, а в Арбатове, очевидно, без этого не обойтись.

– Хорошо. Шпагой да пистолетом ещё успеет на дуэлях поорудовать. Пусть уж лучше в деле. Читал ваш отзыв о его работе. Будем представлять к возвращению офицерского чина. Да и родня графа уж очень хлопочет за него.

– До отъезда ему следует пообщаться с однополчанами Дубровского. Необходимо выяснить пристрастия корнета, разные стороны характера. Важно для понимания, кто есть этот «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников». Если, конечно, такой информации ещё нет в вашей папочке.

– Да откуда, Василий Михайлович?! Сразу видно хватку опытного агента. А тут главным образом не особо толковые донесения местного урядника. Ознакомитесь, конечно, вдруг что-то важное для себя найдёте, – Воейков закрыл папку и передвинул её на край стола, потом добавил: – Вер-

но подметили насчёт Ринальдини. О Дубровском такая слава уже и идёт – как о благородном разбойнике из названного вами романа. Надо лишить бывшего корнета этого ореола.

– Нельзя исключать, что для его героизации есть основания. На суде они могут подтвердиться. Так задерживать его или?..

– Вот за что вас и ценят, князь. Действительно, лучше до суда не доводить. Пусть уж Дубровский позор с гвардии кровью смоем.

Верейский лишь кивнул. Ему не раз доводилось видеть, с какой лёгкостью и даже облегчением люди возлагают ответственность за принятие решений на тех, кто явил проницательность.

XIII

Поняв, что разговор окончен, князь собрался встать. Войков остановил его движением руки.

– Это ещё не всё, Василий Михайлович. На этот раз дело касается вас лично. Правильней сказать, вашей фамильной реликвии – саженья.

– А что с ним?!

– Ничего. Пока. Есть список ценностей, к коим французы проявляют большой интерес. Выкупают через антикваров и за ценой не стоят. Где деньги не срабатывают, там, бывает, воры да разбойники орудуют. Так вот, саженья есть в том перечне.

– И что в нём ещё?

– Главным образом регалии власти Владимирского, Тверского, Рязанского, Смоленского и других великих княжеств, Новгородской земли, Казанского, Астраханского, Крымского ханств...

– Возврат к феодальному устройству?

– Верно. Наполеон не сомневается в победе, а будущее Российской империи видит в конфедерации удельных княжеств и ханств. Символика их бывших властителей должна придать реформам исторический антураж. Поэтому французы и в методах никого не ограничивают, да и не скупаются. Например, саженья великой княжны Тверской оценено в три-

ста тысяч франков.

– Ого! Да ему красная цена – тридцать. Ко мне никто не обращался с такими предложениями. А случись, то торгашам – вот Бог, а вот порог. Хотя сумма о-о-очень заманчивая. Но ведь франки да рубли – не мерило традициям, у нас сажень на венчание надевает невеста князя. Да и мои предки от Ивана III немало лиха хлебнули за это ожерелье, так что только крайняя нужда заставит с ним расстаться.

– Где храните?

– В Арбатове, есть в доме тайная комната. Опять же у меня там Харлов. Так что лихому человеку не подобраться.

– Ну что ж, Василий Михайлович, остаётся только пожелать, чтобы сажень использовали уже по назначению, – сказал с улыбкой Воейков, протягивая руку.

Злосчастное саженье

I

Тщательная задумка Софьи Палеолог относительно брака своей племянницы Марии с Василием Удамым не оправдала чаяний. Ничьих. Василий Михайлович Верейский нет-нет да и листал скорочтением французские романы. Обычно в дороге. Быть в курсе литературных новинок требовалось для поддержания светских разговоров в обществе. Главным образом – с дамами. Лабиринты их трепетных душ и отзывчивых сердец нередко вели к государственным тайнам, хранимым их церберами-мужьями. Широк арсенал методов работы тайного помощника по особым поручениям министра внутренних дел.

Князь верил, что история его предков не менее драматична и увлекательна, чем сюжеты литературных творений, обсуждаемых в будуарах и кулуарах модных салонов. Чаше высосанные из пальца «гонорара для», эти истории казались так же далеки от жизни, как рецепт толкового лекаря – от советов записного и неудачливого донжуана.

Однажды их познакомили с главой издания «Всемирная библиотека романов» Жаном-Француа де Бастидом. Верейский попытался увлечь его драматургией истории с саже-

ншем тверских князей. Интерес к ней маститого автора заметно уступал тому, что он проявлял в тот вечер к шампанскому *Dom Perignon* и дебютантке *Comedie-Francaise*. Да и, судя по изданной вскоре книге, Бастида тогда всецело занимало подробнейшее описание убранства маленького домика аристократа-холостяка. Для европейских читателей это было куда ближе и занимательнее, чем судьбы на виражах истории жителей дикой и отсталой, по их представлению, страны.

II

Свадебное путешествие для молодожёнов Верейских обернулось бегством за границу земель русских. Полог брачного ложа Василия и Марии зацепили жернова борьбы за наследие великокняжеского трона и упразднения Иваном III местничества.

На момент женитьбы отца Ивану Ивановичу Молодому, наследнику престола – сыну от первого брака с тверской княжной Марией, исполнилось четырнадцать годков. Несмотря на юные лета, он уже числился соправителем родителя, в княжеских договорах и летописных текстах его именовали великим князем. Во время же длительного отсутствия отца в Москве замещал его в качестве верховного правителя. Позиция казалась незыблемой, как Воробьёвы горы, куда царевич часто забирался на охоту.

В таком разе молодой жене оставалось участь сплясывать, когда спрашивают: обеспечить династию запасными наследниками, если лихо какое, не дай Бог. Вот тогда всё могло встать с ног на голову. И одно только это стало костью в горле окружения Ивана Молодого, а в деспине зародило мечты о «не дай Бог». Такой случай расчистил бы путь к трону для её кровинушки.

Покуда в мир являлись дочери, страсти эти лишь шаяли – взмахами подола пожара не раздуешь. Заискрило с рожде-

нием в 1479 году княжича Василия, в 1480-м – Юрия, а в 1481-м – Дмитрия. Такой расклад обеспечивал будущность династии при любом стечении обстоятельств. Вместе с ролью Софьи в истории с отпором хану Ахмату, её позиции в царских палатах укреплялись. Так росли башни Кремля под надзором выписанных ею из Италии Аристотеля Фиораванти и Пьетро Соляри.

III

Тут уж партия Ивана Молодого решила: баста тому ходить в завидных женихах. В 1481-м начинаются переговоры с молдавским господарем Стефаном Великим о браке с его дочерью Еленой. В начале 1483 года свадьбу отыграли, а ровно через девять месяцев Волошанка, как её прозвали в Москве, родила. И сразу – сына Дмитрия. Качание судьбоносных весов затихло. На время. Тут же настал черёд прийти в движение другим качелям. Этот мир нетерпим к статике, она губительна для его природы катящегося обода.

Начало же лиху для молодых Вере́йских положили события тридцатилетней давности. 1452 год. Венчание наследника московского престола Ивана, соправителя Василия II, с Марией – дочерью великого князя Тверского Бориса. На новобрачной приданое – сажень, один из атрибутов великокняжеской власти Твери. С одной стороны – не жаль, а таковы условия договора, «которым обещался с детьми своими быть во приданое», с другой – таким образом признавалось верховенство Москвы.

По Марии Борисовне сажень перешло в казну. Вернее, в его женскую часть под началом великой княжны. Хотя владеть-то она ей владела, но распоряжаться по своему усмотрению не могла. Это вроде как новогодняя ёлка и её украшения. Софье Палеолог такие особенности национального

властьимущества понятливо не донесли. «Не убудет от казны: одним украшением больше, одним меньше», – так рассудила жена государя и выделила сажень в приданое своей племяннице.

IV

На радостях, что стал дедом, Иван III решает одарить невестку саженьем первой жены. Но не душевным порывом единым, опять же. Искал лишь удобного момента присоединить Тверь, а Ивана Молодого назначить там князем. В этом разе его супруге надлежало в должном образе явиться тверчанам. Княжеский престол Ивану Молодому достался-таки в 1485 году, а вот саженье Елене Волошанке – нет.

Посланный за саженьем боярин Михаил Телетявский, как вернулся, лишь руками развёл. Другой раз великий князь сунулся с вопросом, так отговорками сладкими да хмельными, как черничная наливка ключницы, попотчевали. Надеялась Софья, что охладет к затее муж, а его самого она умилила. Усвоила гречанка, что на Руси всё до трёх раз делается. А на третьем-то разе всё и срезалось. Речи – мол, запомнювала, куда упрятала саженье, Иван Васильевич пропустил мимо ушей, и ласки дали осечку, как аркебуза в грозовой ливень. Не зря титул «грозный» Иван IV, спустя время, перенял от деда.

Призналась Софья, куда ожерелье ушло. Чего уж, думала, запирается, да и повинную голову меч не сечёт, рассуждали все кругом. Касайся дело иного украшения, так бы и вышло. Правда, с её-то головы и волос не упал. А вот в Верею направили князя Бориса Туреней-Оболенского с людьми с пред-

писанием вернуть саженье да самому Ивану Удалому явиться пред очи государя.

V

Братьев родных Иван Васильевич не жалел, а уж троюродного-то и подавно мог сгубить ни за что, ни про что. Былые заслуги, а уж тем паче чьих-то отцов перед родителем, – не в счёт. Свои-то герои не всегда в чести. Прознав про гонцов царя, Василий Михайлович счёл за лучшее с молодой женой и казной под охраной десятка дружинников выдвинуться к Смоленску, западному оплоту Великого княжества Литовского.

Туреней-Оболенский в Верее не застал никого в княжеских палатах. Чему на самом деле лишь обрадовался. А то как воспротивился бы удельный князь, и что тогда? Не зря ведь Удалой – мог и бока намять великокняжеским посланникам. В лучшем случае. А в Москву битым да с пустыми руками явиться – себе дороже. А тут такая удача! Оставалось лишь имитировать ретивую погоню в ту степь, куда дворовый люд рукой махнул, и разворачивать оглобли.

Верейский же благополучно добрался до Смоленска и пополнил колоду имеющих право на московский трон Рюриковичей. Разыграть же её извечные враги земель московских только и ждали удобного случая.

Те потуги ляхов, известное дело, остались из серии «видит око, да зуб неймёт». А Иван III использовал выпавший ему случай по полной.

VI

За побег в Литву в Москве Василия Удалого объявили изменником, а с такими и их родными не церемонятся. Вот государь и присвоил своей же грамотой удел Верейский. Хотя через год явил милость – вновь даровал её старику, но лишь в пожизненное держание. «Клятвенною грамотою обязал не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославец, Белоозеро, Верейю по кончине своей уступить ему, Государю Московскому, в потомственное владение». Закалённый в походах славный воевода Михаил Андреевич не оправился от яда кремлёвских интриг и вскоре – в 1485-м году – скончался. А вместе с ним кануло в Лету и удельное княжество Верейское.

Для супруги же Ивана III всё обернулось сплошными потерями: и единственной родственницы возле себя лишилась, и репутацию, только было окрепшую, пошатнула. Именно с «дела о сажень» началось третирование великой княгини летописцами. Они создали ей образ расхитительницы государевой казны, что впоследствии историки приняли за чистую монету. Но главное – это «дело» стало началом войны на уничтожение между греческой и молдавской царевнами. В итоге, несмотря на изначально слабую позицию, Софья взяла верх. Елена Волошанка годы спустя умерла в заточении «нужной смертью»: её убили по указу взошедшего

на престол сына деспины Василия III.

VII

История с саженьем была довольно известна, а вот описания самого ожерелья не встречалось ни в одной из летописей. И это понятно, мало кому из знати довелось видеть его, а уж борзописцам и тем более не светило. Могло даже показаться, что ожерелье это – вообще нечто мифическое, вроде золотой бабы – идола северных народов.

Помощника же по особым поручениям военного министра Российской империи с этой драгоценностью связывали одни из ранних воспоминаний детства. Вот он елозит на коленях у отца Михаила Андреевича – имена мужчинам в роду давали не по святцам, а в честь предков. Занят парнишка важным делом – теребит ожерелье из золотых ажурных бусин и картинок с разноцветными камушками. Он пытается трясти саженьем на манер погремушки, но безрезультатно. Вася недоумённо глядит на родителя, тот же в ответ лишь заразительно смеётся.

Когда Вася подрос, родитель уже обстоятельно рассказывал ему о том, чьи образы запечатлены на трёх декорированных филигранью, самоцветами и жемчугом медальонах. Финифтью неведомый мастер изобразил лики святых, весьма значимых не только для церкви, но и для истории России. Теперь, выходило, Наполеон отвёл в ней одну из важных ролей и самому саженью.

VIII

На пути к себе в имение князь то и дело возвращался мыслями к разговору в Меньшиковском дворце. Тут же ему мысленно рисовался сам предмет речи и больше – эмалевые образки. Рассказы отца о тех, кто на них изображён, становились в детстве вроде уроков по истории Отчизны. Вот он кладёт на ладонь образ тот, что слева, – князя Владимира Святославича, прославленного в лике святых как равноапостольный. Известен как Креститель, выбравший для родного государства путь христианства, а ещё – как Красное Солнышко, представленный в былинах и сказаниях. На правом медальоне – сыновья Владимира – Борис и Глеб. Убитые братом Святополком Окаянным, они стали первыми святыми Руси. Канонизированные в лике мучеников-страстотерпцев, Борис и Глеб считаются покровителями Отечества и небесными помощниками русских князей. Центральный лик – святой равноапостольной княгини Ольги. Мать Святослава – отца Владимира Крестителя, она первая из державных русичей приняла христианство.

Саженье не было в чистом виде женским украшением, хотя центральное расположение лика Ольги косвенно это подтверждало. Но в первую очередь оно являлось одним из атрибутов власти князя Тверского.

IX

Для Верейских-Палеологов эта реликвия наполнилась ещё и особым смыслом из-за важной роли Константинополя в христианизации Руси. Ведь из многих вариантов государственной религии Владимир в 987 году выбрал крещение «по закону греческому». Сам после обряда принял имя Василий – в честь византийского императора Василия II – и взял в жёны его сестру Анну. Княгиню же Ольгу за тридцать лет до этого лично крестил на берегу Босфора император Константин VII.

К тому же все четверо святых почитались и католической церковью. Как теперь думалось Верейскому, это тоже могло повлиять на выбор саженья в качестве ритуального артефакта. Конкордат Наполеона 1801 года частично возвращал церкви утраченный в революцию 1789 года статус религии большинства и связь с Ватиканом. Революционные церковные реформы вызвали и недовольство Папы Римского, и довели до раскола в самой Франции. Требовалось как-то нивелировать эти последствия. Так что, возможно, Бонапарт, как заправский некогда артиллерийский офицер, старался одним ядром поразить две цели. А может, и три. Будь подпоручик роты бомбардиров иного склада ума, не быть ему генералом в двадцать четыре года, а ещё через десять лет – и императором.

Вообще, предсказуемый и уверенный в себе человек хорош только на работе, иссохшей от любви к дуракам. Выполнение сколь-либо ответственных задач требует куда большего, чем готовность – и уж тем паче желание – непременно разбить лоб. Не говоря про то, чтобы эти задачи толково ставить.

Разведка – дело семейное

I

Неделю Арбатово и Верейский привыкали друг к другу. Имение с трудом, как подслеповатая старуха-кормилица, опознало в импозантном, холёном, чуть лысеющем господине некогда вихрастого барчука. Ему же это далось без труда – с его юных лет здесь мало что изменилось, а внутреннее ощущение родного крова пришло не сразу.

На беглый взгляд, всё было прежним: неизменные, словно лепнина, воркующие голуби на фронтоне дома; в гостиной – кресла величиной с небольшую бричку и зеркала, морщинистые в углах от отслоившейся амальгамы; тома в библиотеке в заскорузлых, как кожа седла, переплётах с ремарками деда на жухлых страницах; людская, где любил тайком от гувернёра уплетать обжигающую рот картошку с ржаным в серых льдинках соли хлебом... Но лишь когда эти картинки наполнились потаёнными запахами и стали говорить на знакомом языке, всё окончательно встало на свои места.

Произошло это так. Василий Михайлович, уже томимый праздностью, осматривал библиотеку. В руках оказалась книга на французском – солидная, как тревник митрополита. Открыл наугад – взгляд согрели заметки на полях.

Лет сто назад, не меньше, дед Андрей Дмитриевич вывел: «Размышление сие достойно – разумно и сердечно». С улыбкой князь провёл ладонью по круглому мягкому росчерку... Тут же ноздри уловили запах шершавой бумаги – она отдавала и кислым молоком, и засушенным смородиновым листом.

II

Встревоженный таким открытием: «Не показалось ли?!», князь устремился в гостиную. Её окутывал шлейф аромата, исходящего от подоконников, где сушился липовый цвет. Сладковатый, чуть дурманящий запах – такой источают дебютантки на губернаторских балах до первой кадрили или невесты, ещё не окуренные кадиллом у алтаря.

Насладиться состоянием помешал Харлов. Управляющий обозначил себя лёгким покашливанием. Под мышкой отставной майор жимал амбарные книги, ему не терпелось уже отчитаться о делах, чего хозяин имения всячески избегал. Заверения в том, что ему всецело доверяют, не могли успокоить служаку, привыкшего держать отчёт своим командирам.

Князь же доверие к такого рода арифметике утратил ещё до первых седых волос. Куда важнее аккуратных столбцов цифр и даже регулярного поступления дохода на банковский счёт было то, что он увидел в имении. Крестьянские дворы в Арбатове большей частью основательные, соломенных крыш почти не встретишь, разве что у захудалого хозяина. Крыты хаты всё больше дранкой, а то и черепицей. Немало кто водил пчёл, жили тут и гончары, и бондари, да ещё по столярному и кузнечному делу. На всём – от круглобоких «заморских» коров до цепных собак – лежала печать основательно-

СТИ.

III

Да и жили арбатовцы подолгу – вернее признака благополучия не найдёшь. На завалинках коротали дни старики и старухи с выбеленными головами, с иссохшей, едва ли не пергаментной кожей на обветренных лицах и костистых руках.

Единственное, что могло придать им живости, – это приближающаяся гроза. Раскаты грома ускорляли кровь в их вытянутых жилах, отчего к щекам точками, на манер веснушек, приливал румянец, руки же несуразно степенности их хозяев начинали мелькать в крестных знамениях, губы – шептать, уже казалось, забытые молитвы. Всем этим ведал страх, но не страх гибели. Пугало оказаться застигнутым врасплох и не успеть исповедаться у суетного от нескончаемых хлопот батюшки.

Этим Василий Михайлович казался схож с арбатовцами. Быть застигнутым врасплох для охотника за чужими секретами – хуже нет. Картины этого видятся в тревожных снах, они гонят прочь забытьё с мятых подушек и устраивают рандеву с бессонницей. Случись такое наяву, только и останется, что исповедоваться. Есть в чём. Работа помощника по особым поручениям военного министра сводилась к потаканию чужим порокам, игре на слабостях человеческих, лощению надежд. Всё это рядом не стояло с добродетельностью.

Но Верейский перед кончиной скорее предпочёл бы выковыривать говядину меж зубов, допивая херес, чем исповедоваться в грехах, долгие годы принимаемых им за служение Отчизне.

IV

Вот на такие мысли наводили князя амбарные талмуды упарвляющего, испещрённые столбцами расчётов-перерасчётов. Скучные, надо отметить, мысли. Верейский тут же позвал «дядю» пить чай, где запретил говорить о делах, так как «это мешает усвоению пищи». Из-за стола же напрямиком отправился гулять по усадьбе, оставив Харлова с его отчётами не у дел.

Каменный дом в британском стиле построил ещё отец его родителя, тот в свой черёд разбил английский парк. В пик моде обустройства на французский манер с выраженной геометричностью и симметрией *rara* создал некое единство с окружающим пейзажем. Сыну тоже было по душе равновесие между вмешательством в природу и её неупорядоченным естеством.

В этом проявлялось врождённое неприятие Верейскими абсолютного контроля как такового, а не только человека над природой. А ещё – нежелание быть как все. Те же, кто мог себе позволить обустроить парк, желали видеть этакий мини-Версаль, затейливо стриженные деревья и кустарники, высаженные по шаблону и образующие симметричные узоры.

И всё же тщательно созданная особая атмосфера поместья не удержала здесь родителя. Внезапная кончина любимой жены для Михаила Андреевича стала решающим фак-

тором переезда в Петербург. Этому способствовало и неприятие мира смоленской шляхты, её цепкости к умирающим традициям. Да и та не могла простить князю обособленности и женитьбы на незнатной и бедной дворянке из Московии.

V

Праздная жизнь в столице князю была по карману, но не по душе. Связи и имя помогли определиться на службу в Коллегию иностранных дел. Тогда она совмещала дипломатическую деятельность и внешнюю разведку. И тут попеременно Верейского, к тому же знающего латынь, польский, французский и немецкий языки, пришлось ко двору. Князь довольно быстро стал одним из помощников главы ведомства – канцлера графа Никиты Петровича Панина. В частности, отвечал за сбор и анализ наблюдений дипломатических миссий за турецкими войсками, прогнозировал их действия.

Эти докладные попадали на стол императрицы Екатерины и вкупе с другой информацией формировали основу стратегического планирования. Оно вылилось в манифест 1783 года «О присоединении полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под державу Российскую». Полуостров и другие земли Таврии империя обрела скорее силой дипломатии, чем оружия.

Коллегия иностранных дел также намечала политические шаги князю Григорию Александровичу Потёмкину. С её подачи ведавший крымскими делами светлейший обязал являть миролюбивое, дружелюбное отношение войск к населению и знаки уважения татарской знати. Это оказало должное воздействие и привело к «бескровному» присоединению

Крыма. Мирно же в состав империи вошли Кубань и две крупнейшие ногайские орды – Едисанская и Джамбулущкая присягнули на верность России. Имелась в этой политической виктории и толика князя Михаила Андреевича Верейского.

VI

Всё это сыну открылось позже. В молодости ему хватало знать и то, что отец служит «по дипломатической линии». Родитель между тем исподволь готовил сына в помощники. Для этого дал ему возможность получить многоплановое образование. Самому-то пришлось уповать главным образом на природный ум и характер. Наследник оказался не обделён ни тем ни другим, знания же, как катализатор, должны были их раскрыть более полно и в лучшем свете.

Образование для Василия началось в пажеском корпусе. Полученные там знания достаточны тем, кто видел себя в будущем камер-пажом. Верейские же рассчитывали на иное служение. По выпуску молодой человек отправился изучать юриспруденцию в Лейпцигский университет. Окончив учёбу в Германии, бакалавр права собирался вернуться в Россию, но родитель направил его во Францию. Там княжич детально познавал экономику в Страсбургском университете. Лишь два диплома стали достаточным основанием для отцовского благословения вернуться на родину.

Но и тут Михаил Андреевич не спешил приобщить сына к делам. Для начала определил его в Санкт-Петербургскую таможенную службу. Служба здесь могла помочь Василию установить связи в коммерческих кругах Европы – очень важного источника информации. Вести с торговых судов нередко

оказывались и оперативнее, и конкретнее тех, что прибывали диппочтой. К тому же командовал столичной таможней большой приятель князя Александр Николаевич Радищев.

VII

В конце концов эта дружба обернулась для Верейских большими проблемами. Михаилу Андреевичу доводилось бывать в доме Радищева на Грязной улице. Нередко хозяин в близком кругу устраивал читку своих произведений. Они носили дух вольнодумства, товарищи – такие, как князь – могли и не разделять всецело позицию автора, но ценили образ его мыслей.

Иную оценку сочинениям главного таможенника дала императрица. Автора «Путешествия из Петербурга в Москву», изданного в 1790 году, Екатерина назвала «бунтовщиком, хуже Пугачёва». Подобная рецензия может как обессмертить любого сочинителя, так и укоротить его жизнь, открыв дорогу на плаху. Радищева арестовали. На допросах он не выдал никого из тех, кто посещал читки, и этим уберёг их от беды. Самому ему рассчитывать на милость не приходилось. По уложению о «покушении на государево здоровье», о «заговорах и измене» Радищева приговорили к смертной казни. Но именной указ Её Величества «по милосердию и для всеобщей радости» заменил высшую меру десятилетней ссылкой в Илимский острог.

Молчание каторжника не уберегло от неприятностей Верейского. Нашлись завистники его положению в Коллегии иностранных дел, тем более что князь смог занять это ме-

сто без высокого положения в обществе и фавора. Донос лёг на стол шефа – Ивана Андреевича Остермана, назначенного главой Внешнеполитического департамента после смерти Панина. Если бы бумага ушла в Тайную экспедицию, «доброхоты» потирали бы руки.

Граф не дал пасквилю ход. К тому же, зная, что это не остановит доносчиков, настоял на отставке князя и выезде его на лечение за границу.

VIII

Президент Коллегии в своё время также едва не пострадал от интриг. После восшествия императрицы Елизаветы на трон его родителя – графа Андрея Ивановича Остермана, вице-канцлера при Анне Иоанновне, обвинили в государственной измене. Колесование уже на лобном месте заменили «вечным заточением в Берёзове». Сына же лишь перевели из гвардии в армию. Мало того, разрешили выехать по делам за границу. Цель такой милости – завладеть капиталом семьи, его отец благоразумно перевёл в голландский банк с непременным условием выдать их лично ему или сыну.

Русскому министру при Генеральных штатах направили указание: по получении Остерманом денег арестовать его под благовидным предлогом и выслать домой. Посланник, возмущённый таким коварством, посоветовал молодому человеку не настаивать на выдаче капитала, а совершить заграничное путешествие. Благодаря этому будущий главный дипломат империи объехал почти всю Европу, изучил несколько языков и существенно пополнил своё образование. Всё это по возвращении на родину позволило ему сделать блестящую карьеру по дипломатической линии.

Советом Верейскому немедля ехать в Карлсбад на лечение Остерман возвращал долги провидению.

IX

Глава Коллегии иностранных дел оказался прав. Вскоре после отъезда Михаила Андреевича по его душу явились агенты Тайной канцелярии. Остерману пришлось лишь руками развести, а людям главы политического сыска Шешковского – возвращаться в казематы ни с чем.

Желудок у князя и вправду, как у любого работающего день-ночь человека, давал сбои. Год нахождения на водах Карлсбада и хлопоты местных эскулапов настроили желудочно-кишечный тракт не хуже механизма Пражских курантов – средневековых часов с астрономическим циферблатом. Именно Прагу князь выбрал следующим местом жительства. Здесь Верейский открыл бюро по консультации желающих вести торговые дела в России среди подданных австрийских Габсбургов. Таких оказалось немало, так что дела у конторы *Vereisky&Co* шли хорошо. В компаньонах ходил сын, для чего Василию Михайловичу пришлось выйти в отставку и уехать из России. Тут-то пригодились и его знание языков, и европейской жизни, а также опыт работы и связи на таможене.

После смерти императрицы Екатерины и коронации Павла I наметились изменения и в политической жизни. Радищеву вышла амнистия, ему разрешили вернуться из Сибири – пока лишь в своё имение в Калужской губернии. Только

при Александре I его призовут в столицу и назначат членом
Комиссии для составления законов.

X

Коснулись эти изменения и Верейских. Остерман не забыл укрытого за границей до поры до времени козыря. Михаилу Андреевичу предложили вернуться на работу в Коллегию иностранных дел, но уже на нелегальном положении. Бюро Верейских оказалось отличным прикрытием и местом сбора информации. Человек с репутацией пострадавшего «за вольнодумство», да ещё и знатный, в чьих жилах текла кровь двух царственных родов, вызывал доверие недругов России. От них-то и шли наиболее важные сведения политического, экономического и военного характеров.

Тут уж отцу пришлось вводить в курс дела и сына. Тот легко усвоил непростые правила жизни тайного агента. Оба оказались причастны к секретному договору между Австрией и Россией о военной помощи в случае, если Пруссия нападёт на какое-нибудь из союзных государств. Позже младший Верейский отправился в Англию открывать представительство *Vereisky&Co*. Основной же целью поездки в Лондон стала добыча сведений, необходимых для заключения трактата между Россией и Англией о дружбе, торговле и мореплавании. Это стало для Василия Михайловича проверкой на зрелость. Успешной, надо сказать.

Бюро Верейских после этого стало работать на два направления – английское и французское. Главный офис теперь на-

ходился в Париже. Здесь, с узурпацией власти Бонапартом, находился главный центр противостояния и угрозы России.

XI

Казалось бы, для Верейских и дела, и обстоятельства начинают складываться наилучшим образом. Но в 1797 году, ссылаясь на возраст и «болезненные припадки», испросил себе увольнение Остерман. За этим последовал целый ряд едва ли не ежегодных назначений на руководство Коллегией иностранных дел: Безбородко, Ростопчин, Панин, Кочубей.

До этого у кормила внешней политики люди стояли по десятку лет и более: тот же Остерман – шестнадцать. Вся эта чехарда не сулила ничего хорошего и сказала на деятельности ведомства как в штатном, так и в особом режимах. Не жди доброго сидра, когда трясут несозревшие яблони. В итоге в 1802 году Коллегию высочайшим указом подчинили только что учреждённому Министерству иностранных дел.

В эти годы задания Верейским из Петербурга фактически сошли на нет. О том, что их не забыли напрочь, говорило лишь жалованье, исправно поступавшее на банковские счета. В этих франках не было ни радости, ни нужды: доходы от коммерции с имения и так позволяла жить, ни в чём себе не отказывая. Михаил Андреевич, воспрянувший духом от того, что снова в строю, пусть и невидимого фронта, сник. Хотя продолжал собирать информацию, анализировал её в надежде, что когда-нибудь она будет востребована.

XII

Позднее сын думал, что именно жажда действий заставила отца броситься в холодную воду ноябрьской Сены. О том, как русский князь спасал пассажиров рухнувшего с моста Менял омнибуса, говорили на всех рынках. Но не одни торговки языки чесали, заметки о происшествии опубликовали *La Gazette, Journal de Paris, Journal des Debats*.

Плавал Михаил Андреевич, чьё детство прошло на берегах Днепра, отлично. А вот от закалки с годами не осталось и следа. Пневмония сожгла его лёгкие за неделю. Париж не забыл своего недавнего героя. Сообщения о его кончине в столичных газетах располагались рядом с некрологами о Шарле Леклерке, генерал-капитане Сан-Доминго, муже сестры Наполеона.

Сын не успел из Лондона на похороны. Отца упокоили на недавно открытом кладбище Пер-Лашез. Наследнику оставалось лишь позаботиться о памятнике. От печальных мыслей отвлекали заботы. Василий Михайлович денно и нощно пропадал в конторе *Vereisky & Co*. Приходилось вникать в суть дел парижского офиса и его «тайной бухгалтерии».

Во многом помогли записки отца, составленные им перед смертью. Понимая, что не выкарабкается, князь, пока мог, записывал наставления сыну. Каждый новый лист запирали в сейф, код от него знали только Верейские, опасался, что в

какой-то момент обессилеет или впадёт в беспамятство. Тогда секретная информация окажется доступна кому угодно, хоть гробовщику, когда он придёт снимать мерки.

XIII

Вскоре наступил 1805 год. Он положил начало открытому российско-французскому противостоянию. Здесь-то и проявился военный гений Наполеона, злой для россиян и их союзников. Противостоять ему можно было отнюдь не числом, а умением. И разведка в этом значила не меньше, а то и больше, чем тактика со стратегией.

Осознавал это и граф Виктор Павлович Кочубей, последний руководитель Коллегии иностранных дел и первый – Министерства внутренних дел Российской империи. По его указанию активизировалась работа с Верейским. Уже скоро получаемая от него информация оказалась в категории «особо важная». Успешная работа поначалу во многом зиждилась на тайном наследстве отца. Но много ли хлеба испечёшь на старой закваске? И вот уже «выпечка» сына по-своему могла поспорить с лучшими булочными Люксембургского сада.

Сознавали это и в Петербурге. Довольно быстро там перестали употреблять слово «сын», когда речь заходила о Верейском. Свой почерк в работе молодого князя узнавался без труда, а положение его упрочнялось. Не повлияла на него и отставка Кочубея с поста министра по собственному желанию в знак несогласия с Тильзитским миром. Даже наоборот, в результате князя назначили на должность помощника

министра внутренних дел по особым поручениям.

Сохранился этот пост и с передачей функций внешней разведки Министерству военных сухопутных сил. Незадолго до отъезда из Франции Верейского сообщили о присвоении ему чина статского советника. В армии он занимал положение между чинами полковника и генерал-майора.

XIV

Отец мог бы быть доволен сыном, так же как тот гордился им. Конечно, Михаил Андреевич обязательно бы выговорил наследнику за провал ценного французского агента. Василий Михайлович будто даже слышал родительский голос – именно здесь, в Арбатове, он звучал как наяву. Вместо же отеческой хулы представился эпизод детства: родитель зовёт его с крыльца: «Васили-и-и-и-й, ты где?» Они должны ехать к соседям на именины их дочери. С одной стороны, там угостят разными вкусностями, коими не баловали дома, с другой – надо говорить что-то доброе вредной, плаксивой и некрасивой девчонке. Вася ещё не готов к компромиссам, а потому не откликается. Замер и наблюдает за отцом из-за зелёной ограды сада – кустов акаций. В какой-то момент ему показалось, что они встретились глазами. Душа юзнула в портки в ожидании нагоняя. Вася сам бы нырнул следом, но не представлял, как это можно сделать. Лишь зажмурил глаза. Когда же открыл их, то увидел, как отец садится в бричку и трогает.

Сын ждал расспросов по его возвращении, но и их не последовало. Его не раз подмывало спросить родителя, видел он тогда его или нет. Но всё откладывал, а может, и боялся задать этот вопрос. От твёрдого «нет» идеальный образ отца мог дать трещинку. Уже тогда он мог видеть не очень хорошо. Само по себе не страшно, но не имеет отношения к

добродетели. Человек сам может и не обладать ею, но непременно хочется видеть её в других.

Дело соседское

I

Харлов всегда объявлял своё явление грохотом каблуков у двери и покашливанием. Мог и не стараться. Едва он ступал на этаж, половицы под гренадёрским телом начинали истошно жалобить, не хуже баб на отпевании вдового деревенского старосты. «Опять со своими амбарными книгами явился», – под нос буркнул Верейский и закрыл предмет на столе газетой «Московскія Вѣдомости». Князь придал взгляду строгости, но когда устремил его на дядю, тут же улыбнулся.

– Степан Иванович, вы прямо щёголь записной! Вот бы никогда не подумал...

Щёки отставного майора зарделись, как если бы полковые товарищи уличили его в вышивке бисером. Харлов носил неброскую, близкую к военному крою одежду, разве что медные пуговицы не сверкали. В такой лишь эполеты на плечи да кивер на голову – и хоть сразу в строй. А тут – сюртук цвета его любимой малиновой наливки с подпирющим уши воротом, жилет чёрного атласа с цветочным орнаментом по бархату, жёлтый галстук тонкого шёлка, облегающие бежевые панталоны, остроносые сапоги... Но главное – из его седеющей густой шевелюры надо лбом вздымала завитая

прядь.

Харлов тяжело выдохнул, как если бы одним махом решил принять стакан зубровки.

– И вы туда же, Василий Михайлович. Вся дворня уж за глаза потешается. Ну не выдержал осады старый вояка! Капитулировал. Снарядила-таки Анна Фёдоровна петухом. Говорит, князь из-за границы приехал. Привык быть в обществе, а у нас – словно казарма... Заказала себе да мне наряды – мол, в Париже все так ходят. А портной самому Троекурову шьёт. Баста! Пойду сыму и больше не надену.

II

Харлов семьёй обзавёлся в Арбатове. Избранницей стала гувернантка дочерей помещика Спицына. Уже не мечтавшая о замужестве старая дева пленила вояку за отсутствием красоты манерами, обхождением и бойким лопотанием на французском. Захваченный плацдарм укрепила рождением двух сыновей, а теперь вот шла в наступление. Воспитателей и наставников уход в иную деятельности не меняет, как и унтер-офицеров – отставка.

Князь рассмеялся, встал и, протянув руки, шагнул к управляющему.

– Вот уже и на смех подняли, – ещё больше расстроился Харлов.

Верейский обнял родственника, усадил рядом на диван и лишь потом заговорил.

– Дорогой мой Степан Иванович, у меня и в мыслях не было потешаться над вами. А рассмеялся оттого, что вы упомянули петуха. Этот вихор называется кок, от французского – *coq*, что означает петух. Вот и всё.

Харлов снова выдохнул, но уже коротко, как перед рюмкой анисовки.

– Что касается вашего гардероба, то Анна Фёдоровна права – в Европе действительно все так ходят...

Верейский не сдержал улыбки:

– Ну, или лет пять назад ходили...

И закончил, пока Харлов не набрал воздуха в грудь:

– Да полноте вздыхать! Ещё запьёте, чего доброго. Костюм вполне достойный. Просто не вяжется с вашим э-э-э... образом. Не страшно. Всё прирастает к нам через неприятие и умение с этим жить. Может, стоит дать время и себе, и окружающим?

III

Харлов неопределённо двинул широченными плечами.

– Снова с отчётами пожаловали? – Верейский кивнул на папку в руках управляющего.

Укоризну в вопросе он смешал с иронией – так крепость рома в гроге понижают чаем.

Харлов обрадовался смене темы разговора:

– Нет. Это, как велели, справка об отношениях помещиков Троекурова и Дубровского. Всё, что удалось собрать.

– Вот за это спасибо, Степан Иванович!

Харлов резко встал. По нему было видно, что готов гаркнуть: «Рад стараться, ваше высочородие!» Хотя про чин не знает, тогда – «ваше сиятельство!» Но нет, удержался.

Управляющий мельком взглянул на газету. Хозяин кабинета это заметил. До появления дяди он разглядывал саженье, накрыл же его интуитивно, в силу выработанной годами привычки. Двоюродный брат матери вправе знать о семейной реликвии.

Василий Михайлович подошёл к столу и убрал газету. Вышло как приглашение. Харлов с минуту разглядывал ожерелье с высоты своего роста, затем не удержался и протянул руки. В его огромных ладонях, привыкших сжимать двухфунтовые гранаты, ажурные золотые бусины выглядели ещё более хрупкими. Бывший гренадёр и держал их так, как отцы

– своих младенцев-первенцев – чуть отстранив и в до одер-
венения напряжённых ладонях.

Князь решил дать пояснение:

– Главная семейная драгоценность нашего рода. Ваша
кузина надевала его на венчание. Этой традиции уже больше
трёх веков.

IV

Харлов поднёс затёкшие руки к столу и развёл их, а после того как лики святых глухо брякнули, с трудом перекрестился.

– Батюшка ваш, Михаил Андреевич, дай бог ему царствия небесного, сильным и отважным был человеком. Шёл бы по военному делу – быть ему генералом, а то и фельдмаршалом. Харловы – ведь одно название, что дворяне – ни кола, ни двора, а он не погнушался, взял сестру в жёны. Супротив общества пошёл. Французов опять же этих треклятых кинулся спасать... Кто они ему? Тонули бы, как котята в ведре, так нет...

Князь внимал дяде с удивлением. От него не слышал больше двух-трёх предложений зараз. Да и те сухие, как доклады по команде.

– А вы, Василий Михайлович, никак надумали жениться? Верейский даже опешил, что случилось с ним крайне редко.

– С чего это вы взяли?

– Так сами говорите – традиция в ожерелье этой будущей княжне под венец идти. Вот и подумал... А если вы насчёт возраста сомневаетесь, так напрасно. Я годков на пятнадцать вас старше, так и то осечки не дал.

Вопрос сбил князя и с толку, и с благодушного настрое-

ния.

– То, что вы, Степан Иванович, думаете, меня радует. И надеюсь на это впредь. Что до устройства моей личной жизни, то благодарю за совет. Пока без надобности. Что касемо саженья, то на него могут найтись охотники. Так что усильте по ночам охрану поместья.

– Вот оно как! Уж не Дубровский ли?

– А хоть бы и он. Что тогда?

– Так нам без разницы, кого крутить. С этой стороны будьте покойны.

V

Верейский открыл папку. Харлов понял, что разговор окончен, развернулся, словно по команде «Кругом!», и вышел. Князь слушал охи половиц в коридоре и винил себя за эмоциональность. Расслабился он в Арбатове, так, не ровён час, станет краснеть, как Харлов, от неудобных вопросов. Надо брать себя в руки. И самое лучшее – исполнить просьбу Воейкова о содействии в ликвидации Дубровского.

Листов в папке оказалось не так много, но главное – были составлены толково и дополнили копилку сведений. Так что помощник военного министра по особым поручениям в отставке спустя час имел общую картину о деле, интересном каждому жителю губернии.

Предводитель местного дворянства Кирила Петрович Троекуров, генерал-аншеф в отставке, знатного рода и с большими связями. Избалован, даёт волю порывам крутого нрава и затеям довольно ограниченного ума. Соседи и губернские чиновники рады угодить его прихотям.

Мужчина необыкновенно силён физически, пару раз в неделю страдает от обжорства и каждый вечер «навеселе». В одном из флигелей барского дома в имении Покровское содержится дюжина горничных. Окна пристроя загорожены решетками, двери запираются замками, ключи от них хранятся у Троекурова. Время от времени кого-то из них он

выдаёт замуж, и новые поступают на их место. Крестьяне и дворовые, невзирая на своенравность барина, преданы ему. Вдобавок тщеславны могуществом господина и сами дерзки в отношении соседей, надеясь на его покровительство.

VI

– На старый лад живёт Кирила Петрович, – резюмировал для себя князь и продолжил изучать дело.

Обычные занятия Троекурова состоят в разъездах по обширным его владениям, в продолжительных пирах и в изобретательных чудачествах. Их жертвою бывал какой-нибудь новый знакомец, хотя и старинные приятели не избегали этой участи. Не касались они лишь Андрея Гавриловича Дубровского. Отставной поручик гвардии и ближайший сосед владел лишь семьюдесятью душами крестьян. Несмотря на такую захудалость, Троекуров – надменный в отношении людей и высшего звания – уважал Дубровского.

В молодости они водили дружбу в гвардии, и Троекуров знал нетерпеливость и решительность его характера. Разлучил их 1762 год. Троекуров, родственник княгини Дашковой, участницы дворцового переворота, возведшего на престол Екатерину II, пошёл в гору. Чуждый же интриг Дубровский расстроил состояние. Нужда заставила его уйти в отставку и поселиться в деревне Кистенёвка. Узнав об этом, Троекуров хотел стать покровителем товарищу, но Дубровский лишь благодарил его. Предпочёл остаться бедным, но независимым.

Спустя годы отставной генерал-аншеф приехал в своё поместье. Здесь они с радостью окунулись в прежнее товари-

щество и едва ли не каждый день бывали вместе. Кирила Петрович, редко достаивающий кого своим посещением, запросто навещался в домишко соседа. Их многое спланивало – ровесники, одного сословия и воспитания. К тому же оба вдовцы и любящие родители, схожие отчасти характерами.

VII

Развёл в непримиримые враги товарищей нечаянный случай. Перед выездом на охоту один из псарей Троекурова надерзил Дубровскому. Хозяин Покровского, вместо того чтобы одёрнуть холопа, громко засмеялся, а следом захохотали и все гости. Дубровский не сказал ни слова и незаметно уехал домой. Троекуров послал за ним, грозя, в случае отказа, явиться и рассориться с ним навеки. В ответ получил лишь записку с условием выслать ему дерзкого псаря для наказания. Было там указание на то, что терпеть шутки от холопов, как и их барина, старинный дворянин не намерен. Это требование привело всеильного Кирилу Петровича в бешенство.

Вражда лишь крепла благодаря усердию тех, кто доносил злословия соседей – исправленные и обогащённые – в адрес друг друга. Если и был шанс на примирение, то лишь до нового случая. Дубровский застал покровских мужиков, когда те воровали у него в лесу. Прежде они не осмеливались шалить в его владениях. Охочих до чужого крепко высекли, а лошадей приписали к барскому скоту.

Огонь вражды, поутихший было, вспыхнул с новой силой. В первые минуты гнева Троекуров хотел со своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку, разорить её и осадить помещика в его усадьбе. Такие подвиги были ему не в

диковинку. Но месть вскоре приняла другое направление.

VIII

Некто заседатель Шабашкин взялся «по закону» отнять Кистенёвку у её хозяина. На руку оказалось то, что имение Троекуровы некогда уступили отцу Дубровского, но купчая сгорела во время пожара. Вскоре Андрей Гаврилович получил из города уведомление доставить надлежащие объяснения насчет его владений. Изумлённый запросом Дубровский написал в ответ довольно грубое отношение. В нём объявлял, что «сельцом Кистенёвка» он владеет по праву наследства и что Троекурову до него дела никакого нет, а всякое притязание на его собственность есть «ябеда и мошенничество».

Поостыв, он ответил на запросы заседателя более обстоятельно. Но даже вполне дельная бумага впоследствии оказалась недостаточной. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало беспокоился о деле, не видел нужды «сыпать около себя деньги». Даже зная о продажной совести «чернильного племени», не мыслил оказаться его жертвой.

Троекуров тоже мало заботился о выигрыше им затеянного дела, но за него хлопотал Шабашкин. Действуя от имени заявителя, он страдал и подкупал судей, толковал вкривь и вкось указы. И преуспел-таки.

Дело о спорном имении между поручиком Дубровским и генерал-аншефом Троекуровым решал земский судья. Для

выслушивания его решения обоим предписали явиться в
Смоленск.

IX

После того как секретарь зачитал постановление суда, Троекуров подписал его немедленно. Дубровский же стоял неподвижен, потупя голову. Ему ещё раз указали выразить своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие данным решением. И тут Дубровский сорвался: топал ногою, оттолкнул секретаря, пустил чернильницу в заседателя. К тому же выкрикивал несуразности вроде: «Слыхано дело, псари вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...».

Сторожа насилу овладели буяном, вывели и усадили в повозку. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на воображение Троекурова и отравило его торжество. Прошла радость и мимо судей. Они надеялись на благодарность генерала-аншефа, но не удостоились даже одного приветливого слова.

На постое у знакомого купца Дубровскому вызвали лекаря. По счастью, тот оказался не совершенный невежда. К вечеру больному стало легче, к нему вернулась память. На другой день Андрея Гавриловича повезли в Кистенёвку, более ему не принадлежащую. Потому и родные места не помогли ему воспрянуть духом. Хоть припадки сумасшествия и не возобновлялись, силы бедолаги заметно ослабевали. Он не помнил былые дела, редко выходил из комнаты и уходил в

задумчивость на целые сутки.

Сын Владимир, вызванный письмом кормилицы, в кои-то веки наведася в отпуск, но и это не улучшило состояния отца.

Х

Между тем отведённый для апелляции срок прошёл, а её не подали. Кистенёвка отошла Троекурову. Шабашкин явился к нему с поздравлениями, а также узнать, когда его высокопревосходительство изъявит желание вступить в права на имение.

Тут Кирила Петрович смутился. Желание мести завело его далеко. Он обладал немалым числом пороков, но корыстолюбие среди них не значилось. Радоваться победе, зная, в каком состоянии находится товарищ его молодости, Троекуров не мог. Он грозно спровадил заседателя и велел запрячь дрожки.

Ехал в Кистенёвку – решил помириться с соседом и возвратить ему его достояние. Желая скорее облегчить душу благим делом, Кирила Петрович пустил лошадей рысью к усадьбе. На скорости и въехал прямо на двор.

В это время хозяин сидел в спальне у окна. Он узнал гостя, и ужасное смятение изобразилось на лице его – яркий румянец пришёл взамен обыкновенной бледности, глаза за сверкали, с губ слетали невнятные звуки. Владимир, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поразился состоянию отца. Тот указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Тут же, запахнув халат, собрался встать с кресла, приподнялся и вдруг упал. Сын бросился к нему – старик лежал

без чувств и дыхания, разбитый параличом.

Таким вышел конец многолетней дружбы двух соседей. Впрочем, это стало началом другой истории, в которой Вейскому предстояло поставить точку.

Шито белыми нитками

Харлов провёл большую работу, собрав максимум информации об отношениях Троекурова и Дубровского-отца. Князь не ожидал такого результата, когда давал ему ещё из столицы письмом указание выяснить обстоятельства дела. Среди бумаг оказалась даже копия постановления суда.

Верейский прочёл его два раза. Хотя магистру права сразу же на ум пришла французская поговорка *coudre avec du fil blanc* – шито белыми нитками. Так говорят о чём-то неловко скрытом, ведь именно белыми нитками портные намётывают раскроенную ткань. Решение земского судьи являлось по сути образчиком того, как в Российской империи можно лишиться имения, на владение которым имеется неоспоримое право.

*18... года октября 27 дня ** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским именем, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кистенёвке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин. Из коего дела видно: означенный генерал-аншеф Троекуров прошлого 18... года июня 9 дня взошёл в сей суд с прошением в том, что покойный его отец коллежский асессор и кавалер Пётр Ефимов сын Троекуров в 17...м году августа 14 дня, служив-*

ший в то время в ** наместническом правлении провинциальным секретарём, купил из дворян у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицына имение, состоящее ** округи в упомянутом сельце Кистенёвке (которое селение тогда по ** ревизии называлось Кистенёвскими выселками), всего значащихся по 4-й ревизии мужеска пола ** душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, санными покосами, рыбными ловлями по речке, называемой Кистенёва, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом, и словом всё без остатка, что ему после отца его, из дворян урядника Егора Терентьева сына Спицына по наследству досталось и во владении его было, не оставляя из людей ни единыя души, а из земли ни единого четверика, ценою за 2 500 р., на что и купчая в тот же день в ** палате суда и расправы совершена, и отец его тогда же августа в 26-й день ** земским судом введён был во владение и учинён за него отказ.

17... года сентября 6-го дня отец его волей Божиею помер, а между тем он проситель генерал-анишеф Троекуров с 17... года почти с малолетства находился в военной службе и по большой части был в походах за границами, почему он и не мог иметь сведения как о смерти отца его, равно и об оставшемся после его имении. Ныне же, по выходе совсем из той службы в отставку и по возвращении в имения отца его, состоящие ** и ** губерниях **, ** и ** уездах, в разных селениях, всего до 3 000 душ, находит, что из числа тако-

вых именій вышеписанными ** душами (коих по нынешней ** ревизии значится в том сельце всего ** души) с землёю и со всеми угодьями владеет без всяких укреплений вышеписанный гвардии поручик Андрей Дубровский, почему, представляя при оном прошении ту подлинную купчую, данную отцу его продавцом Спицыным, просит, отобрав помянутое имя из неправильного владения Дубровского, отдать по принадлежности в полное его, Троекурова, распоряжение. А за несправедливое оного присвоение, с коего он пользовался получаемыми доходами, по учинении об оных надлежащего дознания, положить с него, Дубровского, следующее по законам взыскание и оным его, Троекурова, удовлетворить.

По учинении жэ ** земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имени гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имя, состоящее в означенном сельце Кистенёвке, ** души с землёю и угодьями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына Дубровского, а ему дошедшее по покупке от отца сего просителя, прежде бывшего провинциального секретаря, а потом коллежского асессора Троекурова, по доверенности, данной от него в 17... году августа 30 дня, засвидетельствованной в ** уездном суде, титулярному советнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть от еного на имя сие отцу его купчая, потому

*что во оной именно сказано, что он, Троекуров, всё доставшееся ему по купчей от канцеляриста Спицына имение, ** души с землёю, продал отцу его Дубровскому, и следующие по договору деньги, 3200 рублей, все сполна с отца его без возврата получил и просил одного доверенного Соболева выдать отцу его указную крепость.*

А между тем отцу его в той же доверенности по случаю заплаты всей суммы владеть тем покупным у него имением и распоряжаться впредь до совершения оной крепости как настоящему владельцу, и ему, продавцу Троекурову, впредь и никому в то имение уже не вступаться. Но когда именно и в каком присутственном месте таковая купчая от поверенного Соболева дана его отцу, ему, Андрею Дубровскому, неизвестно, ибо он в то время был в совершенном малолетстве, и после смерти его отца таковой крепости отыскать не мог, а полагает, что не сгорела ли с прочими бумагами и имением во время бывшего в 17... году в доме их пожара, о чём известно было и жителям того селения. А что оным имением со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, то есть с 17... года, а по смерти отца его с 17... года и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на окольных жителей – которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением начали владеть помянутые г.г. Дубровские назад сему лет с 70 без всякого от кого-либо спора, но по ка-

кому именно акту или крепости, им неизвестно. – Упомянутый же по сему делу прежний покупатель сего имения, бывший провинциальный секретарь Пётр Троекуров, владел ли сим имением, они не запомнят. Дом же г.г. Дубровских назад сему лет 30-ть от случившегося в их селении в ночное время пожара сгорел, причём сторонние люди допускали, что доходу означенное спорное имение может приносить, полагая с того времени, в сложности ежегодно не менее как до 2000 р.

Напротив же, сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров 3-го генваря сего года взошёл в сей суд с прошением, что, хотя помянутый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учинённом следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилом Дубровским титулярному советнику Соболеву доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертью самого дателя оной, отца его, по указу 1818 года мая... дня, совершенно уничтожается. – А сверх сего – велено спорные имения отдавать во владения – крепостные по крепостям, а не крепостные по розыску.

На каковое имение, принадлежащее отцу его, представлен уже от него в доказательство крепостной акт, по ко-

тому и следует, на основании означенных узаконений, из неправильного владения помянутого Дубровского отобрать, отдать ему по праву наследства. А как означенные помещики, имея во владении не принадлежащего им имения и без всякого укрепления, и пользовались с оного неправильно и им не принадлежащими доходами, то по исчислении, сколько таковых будет причитаться по силе ... взыскать с помещика Дубровского и его, Троекурова, оными удовлетворить.

По рассмотрении какового дела и učinённой из оного и из законов выписки в ** уездном суде **ОПРЕДЕЛЕНО**:

Как из дела сего видно, что генерал-анишеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистенёвке, по нынешней ... ревизии всего мужеска пола ** души, с землею и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским асессором, в 17... году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупатель, Троекуров, как из učinённой на той купчей надписи видно, был в том же году ** земским судом введён во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена доверенность, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского, но по тако-

вым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу ... воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертию дателя оной совершенно уничтожается. – Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, то есть с 18... года и по сие время, не представлено.

А потому сей суд и полагает: означенное имение, ** души, с землёю и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефом Троекурова о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него как дошедшего ему по наследству, предписать ** земскому суду. А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправо владение наследственным его имением воспользовавшихся с одного доходов. Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у г.г. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были какие-либо до сего времени прошения о таком неправильном владении Дубровскими одного имения, к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то същется допрямо, тогда правому отдавать

тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением, а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемя из оногo ничегo. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставляя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо.

Каковое решение наперёд объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подлиски удовольствия или неудовольствия чрез полицию. Каковое решение подписали все присутствующие того суда.

Верейский решил, что сохранит эти бумаги, независимо от того, как сложатся обстоятельства дела. Такое бы пригoдилось для сюжета его бывшему начальнику Радищеву. Жаль – ныне покойному, но возделывать ниву сочинительства всегда есть немало охотников. Даже если проку от этого им никакого.

Маскарад в единственном числе

I

Прежде чем определиться с действиями, следовало узнать больше того, что имелось в документах Воейкова и Харлова. Можно сколь угодно смотреть на лес в подозрную трубу, но, не войдя в него с ружьём, тетёрку не добудешь. Требовалось сделать первый ход. У военных это называется рекогносцировка – визуальное изучение командиром противника и местности в целях уточнения решения. «Разведка о расположении и силах неприятельских войск...», – вспомнилось ещё из курса пажеского корпуса. Князь пожалел, что Харлов не слышал его рассуждений, они бы ласкали слух бывалому вояке.

Майор пришёл на ум не зря. Хозяин имения направился к управляющему в гости. Во флигеле застал лишь супругу, она тщетно пыталась накормить упитанных вихрастых мальчуганов двух и трёх лет. Те сжимали рты и вертели головами. Анна Фёдоровна обрадовалась гостю, так как сыновья при его появлении пооткрывали рты, и она упихала в них остатки каши.

– А Степана Ивановича нет дома, он с мужиками в рощу поехал, выбирать лес под рубку. Ремонт конюшни затеял, –

заявила Харлова после обмена приветствиями.

– Да он мне, по правде говоря, и не нужен. Я к вам, Анна Фёдоровна.

Эти слова заинтриговали хозяйку. Она кликнула дворцовую девку убрать со стола и, извинившись, удалилась привести себя в порядок.

II

Пока шустрая девица брякала посудой, князь осмотрелся. Взгляд задержался на новом костюме Харлова: сюртук, жилет и рейтузы оказались небрежно брошены на кресле.

Харлова, войдя, заметила, куда смотрит гость и решила выговориться.

– Вот ведь, пришёл от вас давеча, скинул всё это и сказал, что больше ни в жизнь не наденет. И кок расчесал. Я ведь как лучше хотела. А то всё ходит в своей «казарме» – тошно смотреть уже. Надеюсь, вы меня, ваша светлость, поддержите. А оно вон как всё обернулось...

Князь отметил, что она зачесала волосы, припудрилась, сняла фартук и надушилась чем-то сладковато-приторным.

Верейскому сегодня отвели долю утешителя. Нёс он её достойно и с улыбкой.

– Анна Фёдоровна, помилуйте! Не заслуживаю я таких упреков. Наоборот, я увещевал Степана Ивановича дать время и себе, и другим на то, чтобы привыкнуть к новому образу.

– Такой вот он упрямец. Получается, его, как горбатого, только могила и исправит, – горько вздохнула супруга и добавила: – Ладно бы с неба свалилось, а то ведь трат-то сколько! Материя, да ещё и портной цену заломил. Ходит гоголем, раз самого Троекурова Кирилу Петровича обшивает.

– Тут я готов помочь. Возмещу траты, а вы мне отдайте эту одежду.

– Спаси вас Господи, Василий Михайлович! Да только на кой она вам?! Видела я ваш гардероб. Таких нарядов, поди, и на Кузнецком мосту в Первопрестольной не сыщешь.

– Ну, это уж моя забота, зачем. И ещё пошлите за этим портным. Как его звать, говорите?

– Мишель.

III

Мишель оказался Михайло – оброчным крепостным, знавшим несколько слов на французском. Да и те не понял бы ни один марсельский гарсон, спутав их с цыганской речью. Между тем он оказался толковым *couturiere*. И зарабатывал хорошо. Рассказал, что предлагал барину за вольную пять тысяч рублей ассигнациями, а тот двадцать запросил.

Довольно скоро и ладно Мишель-Михайло подогнал наряд Харлова на Верейского. К тому же роста мужчины были одного, пришлось лишь уменьшить размер. К тому же заказал ещё один подобный наряд, ещё более вызывающих расцветок. Кок взялась начесать Анна Фёдоровна. Весь этот маскарад князь затеял ради визита в Покровское. Когда он увидел Харлова, да ещё оказалось, что портной «самому Троекурову шьёт», решил – именно в таком виде и следует явиться на глаза всесильному генерал-аншефу.

Но одного этого Василию Михайловичу показалось мало. Решил предстать изнеженным аристократом, старым волокитой и кутилой, обзавёдшимся на этом деле подагрой. Склонность к преображению жила в нём ещё с юных лет. В пажеском корпусе он даже участвовал в спектаклях домашнего театра графа Румянцева. Как-то довелось выйти на сцену в роли княжны Оснельды в пьесе Сумарокова «Хорев».

Пригождался лицедейский опыт и за границей, когда хо-

телось сохранить в тайне свои контакты. Тогда-то и натренировался ходить, как подагрик – ступая на бок стопы, и обзавёлся мягкими бархатными сапогами.

IV

Троекурову, конечно, донесли о приезде Верейского. Сосед как-никак – его поместье находилось в тридцати верстах. Между тем никакого сношения между Покровским и Арбатовом не существовало. Оно и понятно – князь долгое время находился в чужих краях, а имением его, говорили, управлял отставной майор. Но в конце мая князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, где не бывал с малолетства. Известно было, что, привыкнув к развлечениям, он непрестанно скучал. Так что Кирила Петрович не удивился, когда через две недели дворецкий известил о прибытии князя.

Скорее бы удивился обратному, ведь когда-то в Варшаве они водили знакомство. Пусть и шапочное, но спустя годы и нынешние обстоятельства, оно обрело иное звучание. Иногда мужчин единит только приключение с куртизанками в Булонском лесу, а встретившись в Рязани, они ведут себя, как два ветерана альпийского похода Суворова.

Князь произвёл впечатление, на которое и рассчитывал. Все увидели пятидесятилетнего человека, но казался он гораздо старше: излишества всякого рода изнурили его здоровье и наложили явственную печать. На лице её тщательно скрывала пудра. Несмотря на это, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе при-

давала ему любезность, особенно с женщинами.

V

Кирила Петрович оказался чрезвычайно доволен этим визитом, принял его знаком уважения от знатного человека, известного в обществе. По обыкновению устроил смотр своих заведений. На псарне князь чуть не задохнулся и спешно вышел вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Сад с его остриженными липами, четырёхугольным прудом и ровными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался. Слуга доложил, что кушанья поданы. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от ходьбы, но ничем не выдавал своего раскаяния.

В зале их встретила семнадцатилетняя дочь Троекурова Марья Кириловна. Старый волокита не скрывал очарования её красотой. Он уже мог позволить себе не обращать внимания на то, что красота девушки казалась столь же очевидной и маловыразительной, как и у неглазированных головок изделий «Синдиката французских фабрикантов игрушек». Отец посадил гостя возле дочери. Князя оживило присутствие молодой девушки, он был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами.

После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но гость отказался, указывая на бархатные сапоги и шутя над своею подагрой. «Да и не хочется разлучаться с милой сво-

ей соседкой», – признался он. Троекуров распорядился заложить линейку. Мужчины и девушка поехали втроем. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые речи нового знакомого.

VI

На какое-то время Верейский отвлекся от беседы и огляделся. Они как раз проезжали неподалёку от Кистенёвки, посреди деревни чернел остов сгоревшей усадьбы. Самое время перейти к главному.

– Кирила Петрович, а что это за погорелое строение? И не вам ли принадлежит?

Троекурова вопрос князя слегка расстроил. Он нахмурился – воспоминания, рождаемые погорелой усадьбой, были ему неприятны, но отмалчиваться не стал.

– Земля теперь моя, но когда-то принадлежала Дубровскому.

– Дубровскому, – повторил Верейский. – Как, этому славному разбойнику?!

– Отцу его... Да и отец-то был порядочный разбойник.

– Куда же девался этот Ринальдо? Не знаете, жив ли он, схвачен ли?

Троекуров досадливо скривился.

– И жив, и на воле. И пока у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман. Говорят, князь, Дубровский побывал и в Арбатове?

– Да, кажется, что-то сжёг или разграбил... Но Харлов, это мой управляющий, со своими молодцами здорово потрепал его людишек. Больше не совались.

Верейский сказал об этом как о чём-то малозначимом и обратился к спутнице:

– Не правда ли, Марья Кириловна, было бы любопытно познакомиться ближе с этим романтическим героем?

Девушка, когда речь зашла о Дубровском, потеряла интерес к разговору. Хотя князю показалось, что скорее делала вид. Вот и с ответом на вопрос замешкалась.

VII

На помощь дочери пришёл отец.

– Чего тут любопытного! – сказал Троекуров. – Она знакома с ним. Этот разбойник учил её музыке. Слава богу, не взял ничего за уроки. Скажу вам больше, князь, мы ведь с его отцом в товарищах одно время ходили. Так вот Дубровский этот с Машей – она двумя годами лишь его моложе – знали с детства, игравали не раз. Я как-то даже говаривал отцу: «Слушай, Андрей Гаврилович, коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Он же качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович, мой Володька не жених Марье Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки». Гордый. А вот до чего гордость его, да и сына тоже, довела.

Далее Кирила Петрович рассказал о том, как Дубровский явился к ним под видом француза-учителя Дефоржа. Целые три недели жил в их доме, в то время как губернская полиция сбилась с ног, разыскивая его.

Верейский слушал с глубоким вниманием. Не укрылось от него и то, что Марья Кириловна сидела как на иголках во время повествования. По его окончании ему только и оставалось заявить, что это весьма странная история.

VIII

Видя, что тема неприятна хозяевам, гость тут же сменил её. Рассказал, как в Карлсбаде на лечении водами у него пропала булавка для галстука – золотая с бриллиантом. Подозревали в воровстве слуг, постояльцев гостиницы. Но полиция так ничего и не выяснила. Хотя заявления о случаях хищения были и прежде. Верейский сам нашёл злодея, правильнее – злодейку. Ею оказалась... сорока.

– Как же вам это удалось, князь? – Марья Кириловна снова проявила живой интерес к разговору.

– Поймал на живца.

– Вот уж не поверю... Сорока вам щука, что ли? – приснула собеседница.

Князь рад был вернуть доброе расположение духа своим попутчикам. Всё, что он рассказал им, не было выдумкой или прочитано в газетах. Такой случай действительно имел место, хотя и не с ним, а с его отцом.

Обращался князь к девушке:

– Марья Кириловна, живец в данном разе имеет переносный смысл. В роли наживки выступили мои запонки. Я их оставил на столе. Сам вышел из гостиницы, а потом незаметно вернулся в номер через окно. Притаился за ширмой и стал ждать вора. И он явился, но не из дверей, а тоже через окно. Когда сорока объявилась на подоконнике, я сразу всё

понял. А она огляделась, перепорхнула на стол, схватила одну из запонок и была такова. Хорошо, что недалеко улетела. Я успел заметить, что она исчезла в ветвях липы во дворе гостиницы. Консьерж по моей указке забрался на дерево и обнаружил гнездо в дупле.

IX

– Вернули пропажи? – это уже спросил Троекуров с присущей ему хозяйственностью.

– Да. И не только свои. Чего только пернатая воровка не натаскала себе в гнездо: броши, кулоны, даже луидор и брегет с цепочкой! Не говоря уже о разных стёклышках и бусинках.

– Ловко это вы, князь, придумали. На живца... Вот и Дубровского бы, разбойника, этак. Да кто только возьмётся? Уж точно не наш бездельник исправник.

– Может, обойдётся?

– Князь, вы, очевидно, в каких-то делах и знаете толк, но не в военных и не в охоте. Извините уж, но по вам сразу видно. А тут именно такой склад ума и нужен. Ну да ничего, с божьей помощью управимся со злодеем. Написал уже военному министру. Михаил Богданович ведь под моим началом служил ещё батальонным командиром в Санкт-Петербургском гренадёрском полку. Ответил, не забыл старика, обещал толкового агента прислать. Да что-то не видать, не слышать.

По возвращении князь распорядился подать свою карету. Кирила Петрович увещевал гостя остаться ночевать, но тот уехал тотчас после чаю. Но до того просил Троекурова наведаться к нему в гости с Марьей Кириловной, и тот обещался.

Хозяину Покровского приглашение льстило, учитывая княжеское достоинство, известность в обществе и три тысячи душ родового имения. Всё это позволяло почитать Верейского равным себе.

Х

Мысли Василия Михайловича на обратном пути занимал анализ увиденного и услышанного сегодня. Ниточка, потянув за которую увидеть можно было выход на Дубровского, определённо находилась в усадьбе Троекуровых. Имелся тут у Владимира Андреевича интерес, и очевидно – сердечный.

Оттого и виновник всех злосчастий корнета оставался цел и невредим. На удивление всех троекуровские поместья разбойники щадили, не ограбили ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Кирила Петрович приписывал это исключение страху, который он умел внушить всей губернии.

Поначалу соседи посмеивались меж собой над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, что незваные гости нагрянут в Покровское, где им было чем поживиться. Но наконец все вынужденно согласилось с его хозяином и признали, что разбойники оказывают ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести об очередном «подвиге» Дубровского насмехался над губернатором, исправниками и ротными командирами, от коих главарь шайки уходил всегда невредимым.

XI

Меж тем Верейский сразу понял, что безнаказанностью генерал-аншеф обязан своей дочери. Того, чьё имя заставляло трепетать даже ожиревшие сердца дородных помещиц, можно было понять. Красота Марьи Кириловны в её семнадцать лет только распустилась и очаровывала своим первоцветом.

Но каков этот Дубровский! История, когда он выдал себя за француза-гувернёра, делала ему честь. Корнет, видно, тоже знал толк в маскарадах. Князь почувствовал уважение к своему противнику. И это только обрадовало: вместо заурядной облавы предстояло разыграть драму, вынудить неуловимого бандита выйти из-за кулис на сцену.

Что до Марьи Кириловны, то Василий Михайлович сам едва не поддался её очарованию. Увлечься не дали манеры девушки. От неё впряме было ожидать непосредственности, живости суждений, не заиленного течением жизни ума. Но вместо этого она укрылась за мировоззрением, сформированным главным образом чтением посредственных романов.

Верейскому показали огромную библиотеку – наверняка там имелись и достойные труды. Отец же, не читавший ничего, кроме «Совершенной Поварихи», не мог руководствовать её в выборе книг, и Маша естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на французских

романистах XVIII века.

«Впрочем, это поправимо при должном наставничестве», – подумал князь и тут же погнал от себя эту мысль. Вначале проникнуться симпатией к жертве, потом – к наживке, а именно такую роль уготовил он Троекуровой, так и охоту можно сворачивать, не начав. Разве сбить с толку гончую, взявшую след, букетом полевых цветов?

Роман Марьи Кириловны

I

Приезд князя Верейского сделал день Троекуровых насыщенным, как вишнёвый сок до того, как обратиться компотом. Марье Кириловне он стал в удовольствие, но и расстроивал, перво-наперво – воспоминаниями о Дубровском. Ещё долго она не могла уснуть, хроника их встреч, частью тайная от всех, как страницы замысловатого романа, будоражила девичий ум.

Отец любил её до безумия, но обходился с ней с типичным ему своенравием. Он то старался угождать её малейшим прихотям, то пугал суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в привязанности дочери, никогда не мог он добиться её доверия. Она привыкла скрывать от отца свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они истолкованы. Не имея подруг, Маша выросла в уединении. Жёны и дочери соседей редко наезжали к Кириле Петровичу, его обыкновенные разговоры и увеселения требовали компании мужчин, а не присутствия дам. Оттого красавица редко являлась среди пирующих гостей.

Чтением романов она завершила своё воспитание, начатое под руководством *mademoiselle* Мими. Этой францужен-

ке Кирила Петрович оказывал благосклонность и в конце концов выслал тихонько в другое поместье, когда следствия его особых чувств стали явными. Мадмуазель оставила по себе хорошую память. Добрая девушка не употребляла во зло своё влияние на барина, чем отличалась от других наперсниц, сменяемых то и дело. Сам он, казалось, любил её более прочих. Кареглазый мальчик девяти лет, полуденными чертами напоминающий *mademoiselle*, воспитывался при нём сыном. Меж тем немало босых ребятишек, как две капли воды похожих на помещика, мелькали грязными пятками за его окнами и считались дворовыми.

II

Троекуров выписал из Москвы для Саши учителя-француза. Кириле Петровичу Дефорж понравился своей наружностью и обращением. Аттестаты и письмо одного из родственников, у которого он жил в губерниях четыре года, дополнили картину. Всё устраивало хозяина Покровского, недовольство вызывала лишь молодость француза. Генерал-аншеф не считал, что она несовместима со званием учителя, но у него имелись сомнения, которые тотчас и решился объяснить.

Кирила Петрович по-французски не говорил и велел позвать к себе дочь.

– Подойди сюда, Маша. Скажи ты этому мусье, что так и быть —принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... Переведи это ему, Маша.

Дочь покраснела и, обращаясь к учителю, сказала, что её отец надеется на его скромность и порядочность.

Француз поклонился и отвечал, что надеется снискать уважение, даже если ему откажут в благосклонности.

Маша слово в слово перевела ответ.

– Хорошо, хорошо, – сказал Кирила Петрович, – не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи

это ему.

Марья Кириловна смягчила в переводе грубые выражения отца. Тот отпустил теперь уже Сашиного гувернёра, и он удалился обживать комнату, выделенную ему во флигеле.

III

Машу воспитали в аристократических предубеждениях, оттого она никак не отметила молодого француза. Учитель для неё что? Род слуги или ремесленника, а такие не казались ей мужчинами.

Она не заметила и впечатления, произведённого ею на *monsieur* Дефоржа: ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней кряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая внимания.

Но вдруг неожиданным образом девушка получила о нём совершенно иное понятие. На дворе у покровского хозяина росли обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из его главных забав. В первое время зверей ежедневно приводили в гостиную, где Кирила Петрович часами возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. По возмущению животных их садили на цепь в ожидании настоящей травли.

Изредка же косолапого выводили под окна господского дома и сводили с порожней винной бочкой, утыканной гвоздями. Медведь обнюхивал её, затем тихонько дотрагивался, колол себе лапы, осерчав, толкал её сильнее – усиливалась и боль. От этого зверь приходил в совершенную ярость, с рёвом кидался на бочку – и так, пока у него не отнимали взбесивший его предмет.

Бывало, что в телегу впрягали пару медведей, гостей сажали в неё, чаще насильно, и пускали их скакать на волю бо-
жию. Но лучшею шуткой почиталась у Кирилы Петровича
другая.

IV

Голодного медведя запрут, бывало, в комнате, привязав верёвкой за кольцо в стене. Верёвка длиной почти во всю комнату, так что один только противоположный угол оставался безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты и неожиданно вталкивали туда, двери запирались, и жертва оставалась наедине с косматым зверюгой. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, отыскивал дальний угол. Избавления же приходилось ждать иногда целых три часа, а до того стоять, прижавшись к стене, и видеть, как в двух шагах разъярённый зверь ревел, становился на дыбы и силился до него дотянуться.

Несколько дней спустя как приехал учитель, Троекуров вспомнил о нём и решил испытать его медвежьей комнатой. Для этого, вызвав его однажды утром, повёл с собою тёмными коридорами. Вдруг боковая дверь отворилась – слуги втокнули в неё француза и заперли её на ключ. Опомившись, *monsieur* увидел медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приближался, Дефорж вынул из кармана небольшой пистолет и выстрелил в ухо голодному зверю. Медведь повалился. Все сбежались, двери от-

ворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкой своей шутки.

V

Троекуров хотел непременно объяснения. В первую очередь – кто предупредил Дефоржа или зачем у него в кармане заряженный пистолет. Послали за Машей, она явилась немедленно и перевела французу вопросы отца.

– Я не слышал ничего о медведе, – отвечал Дефорж, – но я всегда ношу при себе пистолет, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова отцу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом обратился к своим людям:

– Каков молодец! Не струсил, ей-богу, не струсил.

С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уже его испытывать. На таких медведей не напасёшься.

Но случай этот произвел ещё большее впечатление на Марию Кириловну. Её живое воображение поразила картина: мёртвый зверь у ног Дефоржа, а он сам спокойно разговаривает с ней. Только тут она впервые рассмотрела его. Молодая дворянка увидела не только приятные черты лица, но и открыла для себя, что храбрость и самолюбие принадлежат не исключительно одному их сословию и героям зачитанных романов.

С той поры она стала оказывать учителю достойное его уважение. День ото дня оно только росло, а у молодых людей зарождались некоторые отношения.

VI

Маша имела прекрасный голос и музыкальные способности, Дефорж вызвался давать ей уроки. Он и в этом оказался мастер. Тут уже Маша не устояла и открыла сердце, сама ещё того не сознавая.

Прошло несколько дней. В жизни обитателей Покровского не случилось ничего примечательного. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и особенно музыкальные уроки занимали Марью Кириловну. Она начала понимать собственное сердце и осознала с невольной досадой, что оно равнодушно к достоинствам молодого француза. Он, в свою очередь, не выходил за рамки почтения и тем успокаивал её гордость и боязливые сомнения.

Марья Кириловна всё с большей и большей доверчивостью предавалась своему увлечению. Она скучала без Дефоржа, искала его общества, то и дело оказываясь рядом, обо всём хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Возможно, она ещё не влюбилась, но препятствие или внезапное гонение судьбы могло воспламенить страсть.

Разобраться сама в своих чувствах девушка не могла. Ни в одном из множества прочитанных ею романов не оказалось готовых ответов. Даже почитаемые за кладезь мудрости фолианты не всегда годятся в качестве руководства к действию, что уж говорить о сочинениях, чьи авторы плодовиты лишь

на буквы.

VII

Однажды, придя в зал, где ожидал её *monsieur*, Марья Кириловна с изумлением увидела смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, взяла несколько нот, но Дефорж, ссылаясь на головную боль, прервал урок. Он извинился и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Девушка, не успев обдумать, приняла её и тут же раскаялась, но француза не было уже в зале. Марья Кириловна уединилась в своей комнате, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Эти слова возбудили в ней крайнее любопытство. Она давно ожидала признания – желала и опасалась его. Конечно, ей лестно будет услышать наконец-то подтверждение того, о чём она догадывалась, вместе с тем чувствовала, что ей неприлично слышать такое объяснение от мужчины, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку.

Она даже не раздумывала, пойдёт или нет на свидание. Это как если бы в руки попала захватывающая книга с вырванными на самом интересном месте страницами. Колесилась лишь в одном – каким образом примет признание учителя: с аристократическим негодованием, с обещанием дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием.

Каждая сцена ей виделась одинаково живо и с интересом.
Жаль, нельзя было свидание растянуть на четыре раза.

VIII

Между тем Марья Кириловна поминутно взглядывала на часы. Смеркалось. Подали свечи, отец сел играть в бостон с гостями. Столовые часы пробили без четверти семь. Девушка тихонько вышла на крыльцо, огляделась и побежала в сад.

Вечер был тёмным, небо покрыто тучами – в двух шагах от себя ничего не видать. Но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут она остановилась, чтобы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но француз уже стоял перед нею.

– Благодарю вас, – сказал он ей тихим и печальным голосом, – что не отказали в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

– Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

– Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, – сказал он наконец. – Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Мария Кириловна не отвечала ничего. Эти слова она расценила как предисловие к ожидаемому объяснению в любви.

– Я не тот, за кого себя выдаю, – продолжал он, потупив

голову. – Я не француз Дефорж, я Дубровский.

От услышанного все сцены, тщательно выстроенные в девичьей голове, смешались, ни одна из них теперь не подходила. Так дуновение ветра в окно сметает тщательно разложенный пасьянс. Она даже не знала, досада или страх заставили её вскрикнуть.

IX

Дефорж-Дубровский сложил в мольбе руки и заговорил по-русски:

– Не бойтесь! Ради бога, вы не должны страшиться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отчего дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надо бояться – ни за себя, ни за него. Всё кончено.

Молодой человек произнёс это на одном дыхании. После уже стал излагать спокойнее:

– Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первой моей кровавой жертвой должен был стать он. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнет пожар, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству... Но тут вы прошли мимо, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священен, что никто, связанный с вами узами крови, не подлежит моей каре. Я отказался от мщения как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, крадясь от куста к кусту, счастливый мыслью, что охраняю вас, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели обернулись для меня днями

счастья. Воспоминание о них будет отрадою печальной моей жизни...

Тут раздался лёгкий свист и прервал эту пламенную речь.

X

Молчание длилось секунды, но обоим оно показалось утомительным. Простые влюблённые способны на такое обращение со временем, которое затмило бы «регенерации» графа Калиостро.

– Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться, – снова заторопился Дубровский. – Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Свист повторился. Дубровский умолк, схватил девичью руку и прижал к пылающим губам.

– Простите, меня зовут, минута может погубить меня.

Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

– Если когда-нибудь, – сказал он ей нежным и трогательным голосом, – если когда-нибудь несчастье постигнет вас и вам не от кого будет ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаете ли вы не отвергнуть моей преданности?

Мария Кириловна молча плакала. Свист раздался в тре-

тый раз.

– Вы меня губите! – закричал Дубровский. – Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаете вы или нет?

– Обещаю, – прошептала девушка будучи сама не своя.

XI

Взволнованная свиданием Марья Кириловна шла из сада. Но на этот день душевные волнения ещё не исчерпали себя. Казалось, вся усадьба на ногах: во дворе много народа, у крыльца стоит тройка, издали слышен голос отца... Она поспешила войти в комнаты, чтобы не заметили её отсутствия.

В зале встретил её Кирила Петрович, гости окружали исправника и осыпали его вопросами. Полицейский чин в дорожном, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

– Где ты была, Маша? – спросил отец. – Не встретила ли где мусье Дефоржа?

Маша насилу могла отвечать отрицательно.

– Вообрази, – продолжал Кирила Петрович, – исправник приехал его схватить и уверяет, что это сам Дубровский.

– Все приметы налицо, ваше высокопревосходительство, – отвечал уважительно исправник.

– Покажи мне твои хвалёные приметы, – нетерпеливо отозвался хозяин.

Исправник подал ему бумагу, и тот стал читать нараспев:

– Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей. От роду двадцать три года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых

не оказалось.

– Г-м-м, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает, – прервал чтение Кирилла Петрович. – Эх, братец, убирайся знаешь куда со своими приметам! Я тебе моего француза не выдам, пока сам не разберу дела.

XII

Исправник меж тем не думал уступать:

– А как же показания Спицына?

– Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну?!

Троекуров не забыл обстоятельства дня храмового праздника в Покровском. Гости начали съезжаться ещё накануне. Обедня в новом каменном храме собрала такое множество почётных богомольцев, что крестьянам места не хватило. Выходя из церкви, Кирила Петрович пригласил всех к себе обедать. В зале накрывали стол на восемьдесят приборов. Хозяин наслаждался счастьем хлебосола. Только в это время объявился Спицын, что не похоже было на богомольца и чревоугодника. Оказалось, у него сломалась коляска, на ремонт ушло время, а ехать ближним путём – через кистенёвский лес – не решился. Антон Пафнутьич не скрывал, что боится мести разбойника за то, что показал в суде, что Дубровские владеют Кистенёвкой «безо всякого на то права».

Из страха же и напросился спать во флигель к Дефоржу после рассказа об его отваге в истории с медведем. Наутро же спешно откланялся и, несмотря на увещания хозяина, тотчас уехал. Теперь заявил, что француз ночью разбудил его и представился Дубровским. После этого опустошил кожаную суму с деньгами, которую Спицын всегда носил на груди под

рубашкой.

– А может, ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова? – спрашивал Кирила Петрович.

– Француз застращал его, ваше превосходительство, – отвечал исправник, – и взял с него клятву молчать...

XIII

Веры тем, кто лжесвидетельствовал, пусть даже и в твою пользу, никогда уже не будет.

– Враньё, – решил Кирила Петрович. – Сейчас я всё выведу на чистую воду.

– Где же учитель? – спросил он у вошедшего слуги.

– Нигде не найдут-с, – отвечал слуга.

– Так сыскать его! – закричал Троекуров.

Его начали одолевать сомнения. Вспомнилось, что Спицын последним вышел к завтраку и казался так бледен и расстроен, что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Гость отвечал невпопад и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чём не бывало. А когда слуга объявил, что коляска его готова, Антон Пафнутьич тут же уехал. Никто так и не понял, что с ним сделалось, и Троекуров решил, что он объелся.

Отец наконец-то заметил, что дочь ни жива ни мертва.

– Ты бледна, Маша, тебя напугали?

– Нет, папенька, – отвечала девушка, – у меня голова болит.

– Поди к себе и не беспокойся.

Дочь поцеловала у папеньки руку и ушла скорее в свою комнату. И только там дала волю чувствам – бросилась на постель и зарыдала в истерическом припадке. Служанки раз-

дели её и насилу успокоили холодной водой и нюхательной солью.

Теперь Марья Кириловна вспоминала об этом с улыбкой. Ей казалось, что это они с Дубровским и проучили Спицына, и оставили в дураках урядника. В свою исключительность и отвагу легче всего уверовать под тёплым одеялом при потушенных свечах.

Портрет дамы с саженьем

I

Князь навестил Покровское в среду. В пятницу Троекуровы отправились в гости с ответным визитом. Подъезжая к Арбатову, Кирила Петрович не мог налюбоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным бодрым господским домом в английском стиле. Обширный же английский парк окружал дом со всех сторон. Перед въездом в усадьбу расстился густо-зелёный луг, на нём паслись швейцарские коровы. Звук колокольцев на их шеях сливался в благостный перезвон доброму хозяйствованию арбатовцев.

Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Марье Кириловне он показался более моложавым, чем в первую встречу. Во всяком случае, пудры на его лице было сейчас куда меньше. Она снова отметила, что костюм Верейского и его причёска очень уж гармонируют с тем, как выглядят смоленские модники. Ей представлялось, что их вкусы далеки от европейских, князь заставил сомневаться в этом.

Василий Михайлович провёл за собой Троекуровых в великолепную залу со столом, накрытым на три прибора. Здесь князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид.

Днепр нёс свои воды перед окнами, по реке шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли пейзаж.

II

Затем настал черёд рассмотреть картинную галерею. Основу собрания представляли работы широко известных художников. Приобретались картины отцом князя, а потом уже им самим за границей. На особом месте на входе в галерею располагался портрет молодой дамы, её грудь украшало большое золотое ожерелье. Но Верейский не стал обращать внимание на эту картину и провёл гостей мимо неё.

Хозяин объяснял Марье Кириловне их содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки картин. Он говорил о живописи не языком педантичного знатока, а с чувством и вдохновением. Всё это живо отзывалось в развитом чтении воображении девушки. Она ярко представила себе Веласкеса. Мастер портретного искусства боролся с ханжеством и моральной косностью соотечественников. В католической Испании запрещалось писать обнажённую натуру, и мастер втайне от инквизиции создавал шедевры в Италии. И при этом умудрялся оставаться востребованным придворным живописцем.

Испытала трепетное благоговение к Рубенсу. Слова о смешении идей венецианской школы и новаторского реализма прошли мимо, но тронул явственный во всём его драматизме библейский сюжет. Слышимые впервые фамилии не цеплялись за память: Хальс, Ватто, Маньяско...

Запомнился ещё лишь Хёйсум. На его картине необычайно живо предстал букет в светлых тонах с нагромождением фруктов и изысканным узором изгибающихся лоз. Но больше всего впечатлила муха на одном из плодов. Насекомое голландец выписал с такой реалистичностью, что Марья Кириловна поймала себя на желании ударить по картине веером.

III

Хозяин по-своему истолковал внимание девушки к натюрморту и позвал гостей отобедать. Прошли за стол. Трокуров отдал должное винам, предложенным князем, и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства в беседе с тем, кого видела лишь второй раз в жизни. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Кофе пили на берегу широкого озера с островами. Атмосфера в беседке напоминала уже семейную.

Вдруг раздалась музыка духового оркестра, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке. Мужчины и девушка отправились на водную прогулку. Посещали и острова: на одном увидели мраморную статую, на другом – замысловатую пещеру, на третьем – памятник с таинственной надписью. Последнее растревожило в Марье Кириловне девическое любопытство, учтивые недомолвки князя не вполне его удовлетворили.

Меж тем уже смеркалось. Князь предложил возвратиться домой, где их ожидал горячий самовар. Василий Михайлович просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она с готовностью принялась разливать чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна. Вдруг в небо с треском взмыла ракета и осветила его. Князь подал девушке шаль, и все вышли на балкон. В тёмном небе вспы-

хивали, крутились, угасали и снова вспыхивали разноцветные огни – колосьями, пальмами, фонтанами, дождём, звездами...

Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейский радовался этому, а отец самодовольно принимал хлопоты за знаки уважения и желание ему угодить.

VI

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду.

После трапезы гости отправились в устроенные для них комнаты. Сны в эту ночь не тревожили покой ума – когда явь умеет несказанно впечатлить, в них нет нужды.

На следующий день, после завтрака, Верецкий попросил отца и дочь пройти в его кабинет. Там он обратился к Марье Кириловне:

– Я заметил вчера, как вы обратили внимание на портрет дамы с ожерельем, хотя мы прошли мимо него.

– Он показался мне интересным, – ответила девушка, смутившись, как будто её уличили в чём-то неблаговидном.

– Наверное, мне следовало, не откладывая, удовлетворить ваше пусть и невольное любопытство. Но я счёл, что день и без того выдался насыщен событиями, поэтому решил отложить объяснение на сегодня.

– Да уж, Василий Михайлович, потрафил ты вчера гостям так потрафил, – одобрительно молвил Кирила Петрович.

Хозяин откликнулся учтивым наклоном головы, затем продолжил:

– Очевидно, вы отметили, что портрет не обладает высокими художественными качествами, как другие работы.

– По мне, князь, так мазня мазнёй – похоже, и ладно. Уж прости за прямоу старика, – откликнулся с военной непо-

средственностью генерал-аншеф.

– Мне действительно так показалось, но я поняла, что он ценен вам чем-то иным, – призналась девушка.

– Вы совершенно правы, Марья Кириловна. На нём изображена моя мать.

С этими словами Верейский шагнул к бюро у стены и откинул ткань с картины, поставленной на него.

V

Взгляду гостей открылось женское изображение в свадебном наряде. Утончённые черты лица и выразительные глаза не портил немного больший, чем требовала полная гармония, нос. Хозяин кабинета встал рядом, и проявилось их сходство с матерью.

– Будь время, возможно, матушку запечатлел бы кто-то из первейших художников. Увы, она умерла вскоре после моего появления на свет. Её могилу вы и видели на одном из островов. Отец так скорбел об утрате жены, что пожелал захоронить её в усадьбе, чтобы иметь возможность ежедневно посещать могилу.

Марья Кириловна молчала, впечатлённая представшей в её фантазии картиной. Отец же отозвался почти сразу:

– Свидетелем этой истории я не был, но помню по разговорам. Батюшке вашему нелегко тогда пришлось. Пошёл наперекор традиции, женился на девушке из Московии, да ещё и бедного незнатного рода. Это после мы уж среди шляхты местной наши исконно русские порядки завели. А уж како-во это – одному, без жены, ребёнка вырастить, знаю не понаслышке.

Девушка сама не ведала, что такое материнская ласка, поэтому услышанное тронуло её сердце.

– Соболезную, князь, – вымолвила она. – Очень печальная

история.

Верейский решил сменить тему разговора:

– Зато, не будь этой трагедии в жизни отца, он бы, возможно, никогда не покинул Арбатова. А так – сделал блестящую карьеру в Коллегии иностранных дел. Затем путешествовал по Европе и меня к этому делу определил. Так что, как говорят в России, нет худа без добра.

VI

Троекуров подошёл поближе к холсту, но интерес его, оказалось, привлёк отнюдь не женский облик.

– Знатное, однако, ожерелье на вашей матушке! Думаю, немалых денег стоит.

– Вы, как всегда, правы, Кирила Петрович. Стоимость его немалая. И, говорят, есть те, кто готов выложить за него целое состояние.

– И сколько, если не секрет?

– Секрет, но вам могу открыть. Я уверен, генерал-аншеф умеет хранить тайны.

У Кирилы Петровича от этих речей выпятилась грудь и стала заметна на фоне объёмного, как ведёрный самовар, живота.

– Почти треть миллиона, – обозначил наконец цену Верейский.

– Рублей? Ассигнациями или серебром?

– Франков.

– Да-а-а... Серьёзное предложение, – сумма впечатлила даже такого богатея, как Троекуров. – И что же не уступите? Неужто опасаетесь продешевить?

– У того, о чём идёт речь, нет цены.

– У всего есть цена, Василий Михайлович, не всегда только она названа.

Верейский не стал спорить. Вместо этого прошёл к столу и, как уже было в случае с Харловым, убрал с него газету.

VII

– Сажень великих князей Тверских, – представил реликвию гостям князь, когда те, влекомые любопытством, подошли к столу.

Пока хозяин рассказывал наполненную драматизмом историю украшения, Троекуровы внимательно изучали его, передавая друг другу.

– Да, занимательная повесть, что и говорить, – первым нашёл что сказать Кирила Петрович, когда князь умолк. – Значит, вы у нас потомок сразу двух царственных родов – Рюриковичей и Палеологов. Вот это для меня новость. Правда, слышал что-то такое, но думал, обычная провинциальная молва – слышат звон, да не знают, где он.

Марья Кириловна не нашла что сказать. Не понять было, что впечатлило её больше – рассказ о сажень или его вид. Она зачарованно водила указательным пальчиком по ажурным бусинам, едва касаясь их, как будто опасалась, что золотые кружева растают. Так, не дыша, рассматривают искристые снежинки на холодной перчатке.

Кирила Петрович, влекомый какой-то своей мыслью, взял из рук дочери сажень и приложил к её груди. Та растерялась, застигнутая всем этим врасплох, и не перечила. Троекуров остался доволен увиденным.

– А что, Маша, к лицу тебе это царское сажень. Как пить

дать – к лицу! Как думаете, князь?

После этих слов девушка и зарделась отступила назад, отстраняясь от драгоценности.

– Вы, как всегда, правы, Кирила Петрович, – только и нашёлся что ответить Верейский.

Чуть погодя гости и хозяин распрощались, обещая друг другу вскоре снова увидеться. Кто из нас с лёгким сердцем не давал таких обетов, чтобы столь же искренне забыть их, шагнув за родной порог.

Он же Дефорж, он же...

I

Троекуровы ещё не отбыли, а слуга уже доложил о визите господина Иванова. Верейский, занятый мыслями о гостях, особенно – юной соседке, не стал вникать, о ком может идти речь. Подумалось: «Скорее всего, какой-нибудь местный помещик», – велел отвести его в беседку и подать чая. За проводами гостей это забылось, и лишь когда мажордом напомнил о визитёре, хозяин сам решил пройти к нему.

Беседка оказалась пуста. О Иванове напоминали лишь чашка с желтоватой лужицей на дне и тарелка в крошках от печенья. Князь пошёл на берег, и тут его окликнул знакомый голос:

– Простите, сударь, не знаете, князь Верейский освобо­дился?

Василий Михайлович сделал вид, что не услышал, и зако­вылял шажками подагрика далее.

– Вот глухая тетеря! – выругался гость, и его шаги по пес­ку дорожки за спиной.

– Простите, сударь... – раздалось громогласное уже над самым ухом.

Тут уже князь не сдержался и резко обернулся. Граф Тол-

стой запнулся, как если бы у него поперёк горла встал кусок жирной баранины, а под рукой не оказалось бокала вязкого и терпкого *Petit Verdo*.

Через пару секунд он пришёл в себя и дал волю чувствам:

– Василий Михайлович, вы ли это?! Вот бы не узнал, повстречав на Фонтанке или в Люксембургском саду.

Казалось, он готов был обняться и даже поднял руки, но тут же опустил их. Не знал, уместно ли столь бурное проявление чувств с учётом разницы в возрасте и звании.

II

Но тут уже князь не сдержался – улыбаясь, протянул руку, а затем обнял своего помощника.

– Фёдор Иванович, рад вас видеть! Мне доложили, что Иванов какой-то прибыл. Я ведь, грешным делом, уже и думать забыл про художника Алексея Карповича, стипендиата Императорской Академии художеств...

– Подумал, что не следует пока себя афишировать. У Дубровского, поди, везде есть глаза и уши. А что это за, позвольте узнать, маскарад?! Вот бы не подумал, что вы такое на себя напялите...

– Всё по той же причине, граф. Играю комедию, чтобы, во-первых, не выделяться среди местной знати, во-вторых, чтобы усыпить бдительность разбойника. Соглядатаи, вы правы, у него имеются. Иначе давно бы уже сидел Дубровский в остроге или на виселице болтался. Ну да ладно, вы-то как? Восстановлены в офицерском звании?

– Разрешите представиться, князь: подпоручик Преображенского полка Толстой! – последовал ответ.

При этом граф так картинно и выразительно щёлкнул каблуками сапог, что князю почудился звон несуществующих шпор.

– Рад-рад, Фёдор Иванович, что и говорить. Вы способный и решительный молодой человек, такие нужны на служ-

бе государю. Жаль, если разменяете свой талант исключительно на бретёрство.

– Василий Михайлович, я ведь зарок дал: пока под вашим началом – тише воды, ниже травы.

– С одной стороны, похвально, с другой – мне ведь кандидаты в святые тоже не нужны.

– Тут уж можете быть покойны. Меня больше заботит, как бы попы анафему не наложили.

III

Продолжили разговор в кабинете. Верейский уже успел переодеться.

– Князь, вы, очевидно, ждали меня раньше, но пришлось задержаться. На то были основания.

– Вы прибыли как нельзя вовремя. События только начинают развиваться. Выкладывайте, что удалось собрать на Дубровского.

– Думаю, вы и сами многое узнали, но изложу свою картину. Итак, Владимир Андреевич Дубровский. В описании местного исправника указано: «От роду двадцать три года...». На самом деле он на три года моложе. В возрасте семи лет родитель определил его в Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, ныне – Первый кадетский. Выпущен корнетом в гвардию. Место службы до убийства в отпуск – лейб-гвардии Егерский полк.

– Вот, значит, где он так умело научен действовать в лесу. Егерские отряды ведь формируются из ловких и метких стрелков. Эти молодцы способны действовать как поодиночке, так и мелкими группами, – прервал адъютанта Верейский.

– Совершенно верно, князь. В рядовые туда определяют сыновей лесничих и охотников, так что есть у кого набраться полевой науки. Впрочем, Дубровский не только о службе

радел. Отец не жалел средств, и молодой человек получал из дому большие суммы, хотя мог рассчитывать на меньшее. Был расточителен: играл в карты и входил в долги. Его товарищи говорят, что Дубровский не заботился о будущем. В разговорах не скрывал, что надеется рано или поздно поправить дела за счёт богатой невесты.

IV

– Не в родителя пошёл, – отметил князь и объяснил: – Андрей Гаврилович считал, что бедному дворянину лучше жёниться на бедной дворяночке да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки. Выходит, столица наследника в свою веру обратила. Такое сплошь и рядом. А каков характером?

– Все отмечают его честолюбие и вместе с тем – душевную ранимость. Всё это стало поводом не для одной дуэли. Хотя и без последствий. Говорят, в отсутствие Американца ему прочили славу первого бретёра столицы, – при этих словах Толстой улыбнулся. – Что ж, тем интересней будет встреча с несостоявшимся преемником.

Князь решил пропустить мимо ушей последние слова:

– Да, всё говорит о его ранимой и вместе с тем решительной натуре. Один пожар родительского дома чего стоит. Представьте: он возвращается с кладбища и застаёт в усадьбе судебных чиновников. В день похорон отца они явились вводить Троекурова в права на Кистенёвку. При этом даже не удосужились объявить помещику отрешение от власти, мало того – советовали «иных прочих убираться подобру-поздорову».

Стоило Дубровскому лишь глазом моргнуть – и судебных бы подняли на вилы. Но он и мужиков успокоил, и разрешил

«подьячим» ночевать у себя, так как те побоялись ехать затемно, опасаясь гнева верных крепостных «молодого барина». Вот и пойми теперь – то ли это искренний порыв был, то ли злой умысел. Ведь он не просто дом сжёг, да ещё с людьми, но и мосты, отрезав пути возвращения к обычной жизни.

V

Гость кивнул головой:

– Я склонен думать, что первый вариант. Дубровский не мыслил казнить распоясавшихся законников таким страшным образом. Что пошло не так и причастен ли сам корнет к убийству или нет, можно лишь предполагать. Исчерпывающих и достоверных свидетельств происшествию нет.

Далее Толстой изложил уже знакомые Верейскому из бумаг, переданных Воейковым, сведения. Василий Михайлович останавливать адъютанта не стал, так как надеялся – вдруг мимо уха не пролетит то, что скрылось от глаз.

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяными на похоронах, зажгли дом по неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселье.

Некоторые же утверждали, что виновником ужасного бедствия является сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров сам приехал вести следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий и писарь, Владимир Дубровский, его камердинер Григорий, няня Егоровна, дворový, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда.

Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отрыты. На кузнеца Архипа все указывали как на главного, если не единственного, виновника пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всего происшествия.

VI

Вскоре другие новости дали новую пищу любопытству и толкам. В Смоленском уезде появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства следовали одно другого примечательнее. Не было безопасно ни на дорогах, ни в деревнях. Несколько троек с разбойниками разъезжали спокойно среди бела дня по всей губернии. Лиходеи останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Предводитель шайки славился умом, отважностью и каким-то необъяснимым великодушием.

Как-то он, явился под видом генерала к вдовой помещице Глобовой. За три недели до того она велела приказчику отправить две тысячи рублей своему сыну, офицеру гвардии. Человек отправился с утра на почту, а вернулся к закату оборванный и пеший. Поведал, что разбойники ограбили и чуть не убили – сам Дубровский хотел повесить его, да отпустил, зато обобрал и увёл лошадь с телегой.

А тут явился в гости такой важный чин – вот помещица и поделилась с ним бедой. Генерал велел явить ему приказчика. Тот как увидел его, так задрожал и повалился в ноги. Ка-ялся, что виноват, мол, грех попутал: решил прикарманить ассигнации. Когда Дубровский узнал, что деньги предназна-

чены гвардейскому офицеру, то вернул их, а приказчика отпустил с богом.

Шельмеца генерал увёз с собой. В ближайшем лесу приказчика раздели и привязали к дубу. Таким он и предстал через день собирающим хворост бабам.

VII

У Верейского оставались вопросы.

– А что насчёт документов француза Дефоржа? Выходит, всё же грабежом добыты?

– Именно поэтому я и задержался в Смоленске, выяснял обстоятельства этого дела. Отыскать Дефоржа не составило труда. Для ограбленного он жил довольно прилично. В ожидании пока восстановят документы, снял номер в гостинице, обедал в лучшем трактире. Если бы исправник хотел, он бы и сам выявил это. Но, видимо, дела ему до службы особого нет. Припёр я этого французишку к стенке – тот всё и выложил как на духу.

Далее Толстой поведал князю историю, рассказанную Дефоржем. Французик застрял на почтовой станции. Смотритель никак не хотел подмазывать его бричку и давать лошадей. Тут подъехала коляска, бравый малый соскочил с козел, отпер дверцы. Простучали каблуки, к смотрителю вошёл молодой человек в военной шинели и в белой фуражке. Вслед за ним слуга внёс шкатулку и поставил её на окошко.

– Лошадей, – сказал офицер повелительным голосом.

– Сейчас, – отвечал смотритель. – Пожалуйста подорожную.

– Нет у меня подорожной. Разве ты меня не узнаёшь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Мо-

лодой человек стал расхаживать взад и вперед по комнате. Зашёл за перегородку и спросил тихо у смотрительницы на-счёт проезжего.

– Бог его ведаёт, – отвечала та, – какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

– Куда изволите вы ехать? – спросил первым делом.

VIII

– Пойдите, Фёдор Иванович, – прервал Толстого князь. – Ради бога, извините, но вы рассказываете, словно лично были свидетелем всему.

Американец рассмеялся:

– А ведь так почти и есть, Василий Михайлович! Француз так разволновался, что толком не мог говорить. Потому дал мне свои записки, где подробно изложил ту встречу. Пришлось обещать ему, что в полиции они не окажутся. История так живо написана, что я перечитывал не раз, и она невольно отложилась в памяти. По-моему, из этого Дефоржа мог бы выйти толковый романист.

– Продолжайте, граф. Я крайне заинтригован.

– В ближний город, – отвечал француз, – оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но смотритель, кажется, судит иначе. В этой земле трудно достать лошадей, господин офицер.

– А к кому из здешних помещиков определились вы? – спросил офицер.

– К господину Троекурову...

– К Троекурову?! Что вы знаете о нём?

– *Ma foi, mon officier...* я слышал о нём мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в

обращении со своими домашними. Никто не может с ним ужиться, все трепещут при его имени. Ещё – что с учителями он не церемонится и уже двух засёк до смерти.

– Помилуйте! И вы решились определиться к такому чудовищу?

– Что ж делать, господин офицер? Он предлагает хорошее жалованье – три тысячи рублей в год на всём готовом. Быть может, я буду счастливее других. У меня на родине осталась старушка-мать, половину жалованья буду отсылать ей, из остальных денег в пять лет могу скопить капитал, достаточный для будущей моей независимости. И тогда вернусь во Францию! Займусь коммерцией или открою гостиницу где-нибудь у моря.

IX

– Так-так... – одобрительно отозвался Верейский.

И граф продолжил:

– Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? – спросил офицер.

– Никто, – отвечал учитель, – меня он выписал из Москвы через одного из своих приятелей. Тому же меня рекомендовал его повар, мой соотечественник. Надобно вам знать, что я готовился не в учителя, а в кондитеры, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее.

– Послушайте, – прервал офицер, – а что, если вместо этой будущности вам предложили бы десять тысяч рублей на руки, чтоб вы сей же час отправились обратно в Париж?

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и недоверчиво покачал головою.

– Лошади готовы, – сказал вошедший смотритель.

– Сейчас. Выйдите вон на минуту, – отвечал офицер и продолжил: – Я не шучу, десять тысяч могу выдать сейчас же, мне нужны только ваше отсутствие и ваши бумаги.

При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций. Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

– Моё отсутствие... мои бумаги, – повторял он с изумлением. – Но вы шутите, зачем вам мои бумаги?

– Вам дела нет до того. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё ещё не веря своим ушам, протянул свои бумаги офицеру. Тот быстро их пересмотрел.

– Ваш паспорт... Хорошо. Письмо рекомендательное... Посмотрим. Свидетельство о рождении... Прекрасно.

После этого передал ему деньги:

– Это ваше, отправляйтесь назад. Прощайте.

Х

Несостоявшийся учитель не мог до конца осознать случившегося. Офицер неожиданно воротился.

– Я едва не забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что всё это останется между нами. Честное ваше слово.

– Честное мое слово, – отвечал француз. – Но мои бумаги, что мне делать без них?

– Заявите, что вас ограбил Дубровский. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, желаю скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здравии.

Благодетель вышел из комнаты, сел в коляску и был таков. Француз стоял посреди комнаты, как вкопанный. Договор с офицером, деньги – всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций оттопыривали его карманы и живо твердили о реальности удивительного происшествия.

Дефорж нанял лошадей до города. Ямщик повёз его шагом, и ночью они дотащились до заставы. Француз, не доезжая до неё, велел остановиться, вылез из брички. Знаками объяснил ямщику, что повозку и чемодан дарит ему, и пошёл пешком. Ямщик был в таком же изумлении от такой щедрости, как и сам француз от предложения Дубровского. Мужик, решив, что «немец» сошёл с ума, отблагодарил его усердным поклоном и тут же развернул оглобли. Мало ли – вдруг чудик передумает! А того грели мысли, что ямщик на

вырученные от продажи брички и чемодана деньги накупит семье подарков.

Князь, слушая это, представил себе иную картину: ямщик направился в кабак и лишь утром на порожней тройке ехал восвояси налегке, но с опухшим лицом и красными глазами. Ничто так не питает иллюзии, как незнание природы.

Сватовство его сиятельства

I

– Хорош рассказец, – откликнулся Верейский, когда Американец умолк. – Хоть сейчас в «Московский журнал» отправляй. Но обождём, наша повесть ещё только в самом начале. Давайте-ка подведём черту. Что за противника мы имеем?

– Молод, но, несмотря на это, опытен в военном деле, – взялся перечислять Толстой. – Дерзок, решителен, готов рисковать. Изобретателен в методах действий. Неравнодушен к деньгам и вместе с тем способен на великодушие. Вдобавок к этому не лишён актёрского дарования. Сумел и молодым учителем предстать в доме Троекуровых, и генералом – «лет тридцать пять, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде» – к Глобовой явился.

– Надо учитывать, что Дубровский хорошо информирован. Простолюдины с готовностью выказывают ему участие. В их глазах это благородный разбойник, защитник обездоленных и униженных.

– В целом положительный образ вырисовывается.

– В этом-то как раз, а не в этом, а не в разбоях, его главная опасность. Потому нас с вами, граф, и направили на это

дело. Здесь угроза устоям общества, а не его отдельным индивидуумам. Крепкий орешек, и такой местным ищейкам не по зубам.

– И как будем его колоть? А для начала – где сорвём?

– Сам явится. Достаточно лишь приманить.

– Лакомой должна быть та приманка, иначе безоглядно не сунется в капкан.

– Уже имеется. И даже две – любовь и желание обогатиться. И всё это помноженное на уверенность в свой фарт. Для людей рискованных он заменяет веру, тем более что ни жертвенности, ни послушания она не требует. «Верь и дерзай!» – вот их «Отче наш».

II

– Вот это я понимаю, сразу виден класс помощника министра по особым поручениям! – Толстой и не думал скрывать своего восхищения.

– Был помощник, да весь вышел... В почётную отставку. Думаю, вы уже в курсе.

– В курсе-то в курсе, но сути дела это не меняет. Вы лучший в своём деле. Уверен, вас ещё попросят вернуться в строй.

Верейский с благодарностью принял слова Толстого, хотя и не подал виду. Сразу перешёл к делу показал сажень, рассказал его историю и то, что французы назначили за него большую цену.

Толстой внимательно слушал и рассматривал княжеское украшение, потом лишь откликнулся:

– Однажды выпало подержать шапку Мономаха, мой родственник имел должность при сокровищнице императора. Так вот сейчас испытываю похожие чувства. Да и, пожалуй, впервые держу в руках сразу треть миллиона. Не скупится Бонапарт. Значит, думаете, Дубровский клюнет на такую наживку?

– На его месте я бы особо и не думал. Он же знает, что рано или поздно его разбойная вольница кончится. Если срежёт голову на плечах, надо будет обустраивать где-то но-

вую жизнь. И лучше безбедную, к которой он привык. Саженье для него – подарок небес. Оставалось лишь известить Дубровского об этом. Троекуровым уже показал-рассказал. Кирила Петрович не утерпит, обмолвится соседям, те – другим. Вы в свою очередь, где будете, тоже хвастайтесь, какую редкую и ценную вещицу довелось тут увидеть.

Толстой кивнул.

– А что, если всё-таки Дубровский не позарится?

– Такое, конечно, нельзя исключать. Но вряд ли. Каким бы он ни был романтиком или не старался таковым предстать, деньги для него важны. Человек разом нутро не поменяет, это не исподнее, хотя напридумывать про себя может бог весть что. К тому же и саженье явится ему на блюдечке – только руку протяни.

III

– Я уже не завидую этому Дубровскому, – Толстой вернул ожерелье на стол и обратился в слух.

– Марья Кириловна Троекурова. Дубровский от неё без ума. Только влюблённый мог пойти на такой риск и заявиться под чужим именем в дом своего врага. И только любовь уберегает его от кровавой мести, хотя сам Кирила Петрович приписывает это исключительно своей всеильности.

Думаю, объяснение уже состоялось, и красавица приняла его благосклонно. Она, как и многие, очарована Дубровским, видит в нём героя романического. А уж особенно такая пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужа-сами романов Анны Радклиф. А тут ещё сам герой всех смоленских барышень является к ней с признанием. Это посильнее «Мария и граф М-в, или Несчастливая россиянка» будет. Не читали?

Толстой едва ли не с возмущением покачал головой.

– И не советую. Сам заинтересовался, лишь увидев книгу подле Марьи Кириловны. Она, конечно, тоже влюблена, пусть и тайно, в Дубровского. Но у него нет шансов. Он изгой. У Людовика XVI больше надежды было на помилование Конвента, чем у этой пары – на родительское благословение. Дочь же не решится идти против воли отца. Тем более тако-го!

– Простите, князь, но нам какая от всего этого выгода?

– Я сказал «не решится», но не сказал «никогда».

– И что же заставит её это сделать?

– Угроза оказаться женой старого мужа. Я намерен сделать Марье Кириловне предложение.

IV

Американец в изумлении глядел на князя, не зная, как реагировать на его слова.

– Что так смотрите, Фёдор Иванович? Верно, думаете, а не сошёл ли князь с ума? Уверяю вас, нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти.

– А-а-а... Понимаю, вы хотите спровоцировать Дубровского!

– Я, граф, собираюсь пойти под венец с Марьей Кириловной Троекуровой.

Американец вновь оказался сбит с толку.

– Дело нешуточное, – только и нашёлся что сказать.

– Да уж, какие шутки. Мне пятьдесят, когда ещё жениться, как не теперь? Последний шанс, можно сказать. Невесте семнадцать, голова забита разным вздором, но определённо умна, остальное приложится. Что до возраста, то мой отец на двадцать с лишним годков был старше матери. Отряхну пудру, расчешу дурацкий кок, вылезу из бархатных сапог и камзола от *couturiere* Михайло – глядишь, ещё и ничего окажусь...

– Вы в полном порядке, Василий Михайлович. При таком раскладе – совсем другое дело! Ещё и на свадьбе, выходит, погуляю.

– Будем надеяться. На днях еду к Троекуровым делать

предложение. Главное – получить согласие отца. Впрочем, не думаю, что он будет против. С Марьей Кириловной придётся играть втёмную. Ничего не попишешь.

– Какой будет план наших действий?

– Если я всё верно рассчитал, Мария Кириловна, поняв, что уговоры не выдавать её замуж напрасны, будет искать защиты у своего рыцаря. И герой её романа непременно откликнется.

V

Толстой всё ещё не был уверен в правильности решений своего шефа. И не скрывал этого.

– Но как мы будем знать, когда и где объявится этот спаситель?

– По дороге с венчания. Почему не раньше? Потому что под венец будущая княгиня Верейская должна пойти в саженье. Такова наша семейная традиция. По пути в храм он не решится напасть на свадебную кавалькаду. Нет у него таких сил. А вот когда новобрачные поедут в свой дом через кистенёвскую рощу, тут-то засаде самое и место. Дубровский нападёт с расчётом, как говорится, убить сразу двух зайцев: и даму сердца получить, и обеспечить будущее.

– Рискованно. Я не за себя говорю. Марья Кириловна тоже ведь подвергнется опасности.

– Отчасти. Хотя ей угрозы будет менее всего. А вот нам действительно придётся несладко. Нас будет трое – ещё Харлов, мой управляющий, майор в отставке. Разбойников – минимум с дюжину.

– Тут я угрозы большой не вижу, несмотря на численный перевес. Это же мужики лапотные. Кто там в первых рядах? Камердинер Григорий, кучер Антон да кузнец Архип... В кулачной драке – стенка на стенку, шансы у них могли быть хорошие, но не в ближнем бою. Ваш Харлов где служил?

– В гренадёрах. Он хоть и в возрасте, но троих, по крайней мере, стоит.

– Тогда порядок. Опять же за нас эффект неожиданности. Харлов – за кучера, я – за форейтора, в карете – старик, – Толстой подмигнул. – Разбойникам мы покажемся лёгкой добычей. Князь, мне уже не терпится их огорчить до невозможности!

VI

Верейскому такой настрой помощника был по душе, несмотря на излишнюю горячность. Словно желая охладить её, хозяин предложил гостю сидра.

– Вы что, из Франции эту кислятину заказываете? – в вопросе Толстого слышалось неодобрение.

– Нет, это Харлов винокурением увлёкся. Хотя сам он и не охотник выпить. Как сидр делать, у поляков выведал, когда бунт Костюшко умирал под началом Суворова. А тут оказалось, что арбатовские яблоки – весьма подходящее сырьё для этого напитка. Рекомендую, к моему удивлению, не хуже нормандского, – с этими словами Василий Михайлович подал стакан Толстому и с улыбкой добавил, – Фёдор Иванович, вы так быстро и со знанием дела отвели каждому его роль, что показалось, что у вас есть театральный опыт.

– Все мои театральные знания ограничиваются посещением премьер и ухаживаниями за хорошенькими актрисами. Хотя нет... В который раз, Василий Михайлович, удивляюсь вашей прозорливости. Ведь и правда, имею некий опыт ломать комедию. Есть желание, могу рассказать.

– Сделайте одолжение.

– Это на Алеутских островах случилось.

– Извините, прерву, я как-то задавал вам вопрос, но вы тогда от него отмахнулись. Это правда, что вас алеуты хотели

своим вождём избрать?

– Если быть точным, то женить на дочке вождя. Вокруг этой истории столько анекдотов ходит, что я порой уже и сам не знаю, что из них правда, а что нет. У алеутов не из праздности задержался. Хотя чего таить, их обычай уступать гостю на ночь свою жену пришёлся по душе только что списанному на берег матросу.

Приятные воспоминания заставили графа улыбнуться. Он машинально хлебнул сидра, и тут же выражение довольства сменила мина человека, жующего лимон.

VII

Отставив стакан, Толстой продолжил свой рассказ:

– Так вот, решил оказать услугу начальнику канцелярии Российско-американской компании Кондратию Рылееву. Я уже как-то говорил, что мы с ним приятельствовали. Сами они в столице имели представление о том, как обстоят дела на русских землях Америки, только из докладов. А понаписать что угодно можно, бумага всё стерпит. Два месяца я мотался по островам, общался и с русскими промышленниками, и с алеутами, конечно. С последними даже больше. Уж больно интересный народ.

– Да уж, с такими-то обычаями, – подтрунил князь.

Толстой кивнул, хотя мыслями уже унёсся дальше.

– Да, обычаи прелюбопытнейшие! В одном из них мне и пришлось играть роль дьявола.

– Фёдор Иванович, не по-христиански это, – только и нашёлся что сказать хозяин и тут же, вспомнив про бороду корабельного батюшки, припечатанную сургучом к палубе, снова улыбнулся.

– В тех краях это не имеет ровным счётом никакого значения. Да и христианин из меня в самом деле никудышный. Так вот на острове Уналашка мне довелось участвовать в обряде *куган агалик*, в переводе – являются дьяволы. Исполняется с целью сильнейшего воздействия на жён для удержания

их в послушании и верности, а дочерей для научения добродетели. Тайна действия известна одним только взрослым мужчинам. Хранят её под угрозой смерти, не смея открывать ни жене, ни матери, ни любовнице. В противном случае, ничто и никто не может спасти предателя, даже отец сына и сын отца может и должен убить безнаказанно, если узнает, что тот передал эту тайну женщинам. Посвящают в это таинство молодых алеутов при достижении совершеннолетия.

VIII

– Вы меня заинтриговали, граф, давайте уже к сути! – Верейского неожиданно для его самого увлекла эта история.

– Когда алеуты видят надобность данного представления, то заблаговременно распределяют каждому роли и место в действе. Утром в день обряда одна часть мужчин, коим надлежит представлять дьяволов, уезжает из селения на два дня, а то и более под видом добычи зверя.

Те, что остаются дома, с наступлением позднего вечера у общего очага вдруг с тревогой и испугом начинают прислушиваться к чему-то. Изображают предчувствие худого и тем наводят страх на женщин. Один мужчина осмеливается-таки выйти на улицу, но тут же вбегает назад и говорит в величайшем страхе и ужасе: «Скоро явятся дьяволы!».

Спустя некоторое время после этого на улице возникает необыкновенный шум. Тогда мужчины избирают храбреца и отправляют узнать, что там происходит. Тот сразу же возвращается назад и говорит в величайшем страхе и ужасе: «Скоро явятся дьяволы!». Тут же на улице со всех сторон начинаются стуки и шум, так что кажется, что юрта вот-вот рассыпется в прах. И вместе с тем слышны необыкновенный рев и крики отвратительными голосами. Тогда все мужчины приготавливаются к обороне, говорят друг другу: «Держись! Крепись! Не поддавайтесь!». И тут кто-то страшный,

необыкновенного роста, с ужасным свистом и ревом спускается в юрту из дымного отверстия в крыше.

Страшилище – человек, нарядившийся в травяное огромное чучело. Тогда мужчины кричат: «Скорее гасите огни!». И как только делается темно, то в юрте и вне её начинается ужасный стук, вой, писк, свист, крики. Такая кутерьма продолжается, пока будто бы мужчины не одолеют чертей и не выгонят их вон. Потом пускаются в погоню за нечистой с таким же шумом и криками. Но вот помалу всё затихает и, наконец, смолкает.

IX

– Да уж, таким артистам впору в *Comedie-Française* лицедействовать, – отозвался Верейский.

– Верно. При этом не только никто не подает ни малейшего вида к подозрению в обмане, но на всех лицах видны точно те выражения, каких требует действо. Но это ещё не занавес. По возвращении изгонители чертей велют засветить огня. Когда же юрта осветится, начинают оглядываться, смотреть, все ли живы и целы. Обыкновенно не находят одного.

Тогда кричат: «Давайте скорее женщину на выкуп утащенного!». С этими словами хватывают женщину, уже прежде для того назначенную, и вытаскивают её на улицу почти неживую от страха. Спустя какое-то время приносят пропавшего мужчину, будто бы мертвого, и возвращают женщину. Тотчас начинается оживление мертвого: его бьют надутым пузырем сивуча, приговаривая: «Вставай, ты теперь у нас!». Мнимый труп постепенно оживает и наконец встаёт на ноги. Тогда родственники одаривают его той женщиной, которая собой избавила его из рук чертей.

– Ну, это-то, надо полагать, всё?

– Не совсем. Через несколько дней возвращаются мужчины с промысла. Им рассказывают о случившемся в их отсутствие явлении чертей, и те слушают с необыкновенным вниманием и ужасом. Всё это заставляет легковых алеуток

искренне верить, что к ним являлась истинная нечисть.

– Вы никак в дымоход чучелом являлись в этой комедии? Уж извините, роль как раз по вам.

– А вот и нет. Изображал живого трупа. А избавила меня из лап чертей дочь вождя. Хорошо, что на следующий день причалил французский бриг, и его капитан согласился взять меня на борт до Камчатки.

Когда Верейский и Толстой жали друг другу руки, граф произнёс:

– У меня такое ощущение, что мне снова предстоит участвовать в *куган агалик*.

Х

Спустя три дня Марья Кириловна в своей комнате вышивала на пяльцах у открытого окошка. Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, но, несмотря на это, её мысли не следовали за работой, они уносились далеко. В это время слуга вошёл в комнату и позвал её к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верецкий сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством, для него необыкновенным.

– Подойди сюда, Маша, – сказал Кирила Петрович, – скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Марья Кириловна остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с заметным волнением спросил, согласна ли она сделать его счастливым. Ответом снова было молчание.

– Согласна, конечно, согласна, – сказал Кирила Петрович, – но знаешь, князь, девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Марья Кириловна стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, и вдруг слёзы побежали по бледному лицу девушки. Князь слегка нахмурился.

– Пошла, пошла, пошла, – сказал Кирила Петрович, – осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, – продолжал он, обращаясь к Верейскому, – это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле – то есть о приданом.

Х

I

Меж тем события развивались именно так, как предвидел Верейский.

Марья Кириловна побежала в свою комнату и дала волю слезам, воображая себя женою старого князя. Он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным. Только после обратила внимание на сложенный вдвое лист бумаги на полу под окном. Письмо заключало только: «Вечером в 10 час. на прежнем месте».

– Я всё знаю, – встретил её Дубровский тихим и печальным голосом. – Вспомните ваше обещание.

– Вы предлагаете мне своё покровительство, – отвечала Маша, – но оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

– Я мог бы избавить вас от этого ненавистного человека.

– Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Не хочу быть виной какого-нибудь ужаса...

– Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя вас. Но как же спасу вас от жестокого отца?

– Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но так меня любит.

– Пустое: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, обычные для молодых девушек, когда они идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта. А что, если насильно повезут вас под венец...

– Тогда... тогда делать нечего – я буду вашей женой.

X

II

Дубровский затрепетал, бледное лицо его вспыхнуло и тут же стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупив голову.

– Представить не могу весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика.

– Он мне не показался сначала таким. Даже вызвал симпатию: образован, учтив, хороший рассказчик. Интересна история его рода. Не один век Верейские хранят и передают занятную реликвию – саженье, из-за которого немало претерпели ещё при Иване III...

– Что за саженье? Как выглядит? – тут же резко спросил Дубровский.

Марью Кириловну удивил такой интерес, она ответила без охоты:

– Золотое ожерелье с образами святых. Его передают невесте князя в день свадьбы. Тогда показалось, что разговор об этом зашёл случайно. Теперь думаю, что с намёком.

Дубровский взял Машу за руку.

– Я думал предложить вам бежать со мной тотчас. Но давайте попробуем решить всё миром. Соберитесь со всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам. Будьте настойчивы и решительны, скажите отцу, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту.

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задышался. Девушка плакала... Он обнял стройный стан девушки и осторожно привлёк её к себе. Та доверчиво склонила голову ему на плечо. Оба молчали.

– Пора, – сказала наконец Маша.

Дубровский как будто очнулся от забытья. Он взял её руку и надел на палец кольцо.

– Когда решитесь прибегнуть к моей помощи, – сказал он, – то опустите это кольцо в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

XIII

Меж тем сватовство князя Верейского не было уже тайною для уезда – Троекуров принимал поздравления, свадьба готовилась. Марья Кириловна день ото дня отлагала решительное объяснение. Обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился, довольный безмолвным согласием.

Но время шло. Марья Кириловна наконец решилась действовать и написала письмо князю. В нём она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имеет к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя.

Письмо незаметно передала во время обеда. Князь Верейский прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу, для того почёл необходимым показать письмо будущему тестю.

Кирилу Петровича взбесил поступок дочери. Насилу князь уговорил его не показывать виду, что он в курсе её письма. Отец согласился молчать, но назначил быть свадьбе на третий же день.

Князь счёл это весьма благоразумным. Сам же пошёл к невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что

он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль лишиться её слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ни слова о решении Кирилы Петровича.

X

IV

Но едва жених выехал со двора, как явился отец и напрямик велел дочери быть готовой через день. Марья Кириловна, и без того взволнованная объяснением князя, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

– Папенька, – закричала она жалобным голосом, – папенька, не губите меня! Я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

– Это что значит? – сказал грозно Кирила Петрович. – До сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, вздумала капризничать?! Прекрати дурачиться.

– Не губите меня, – повторяла Маша, – за что гоните от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому, разве я вам надоела? Я хочу остаться с вами. Папенька, вам без меня будет грустно, еще грустнее, когда подумаете, что я несчастлива.

Кирила Петрович был тронут, но скрыл смущение и, оттолкнув дочь, сказал твёрдо:

– Всё это вздор. Я лучше знаю, что нужно для твоего счастья. Слезы не помогут, послезавтра твоя свадьба.

– Послезавтра?! – вскрикнула Маша. – Боже мой! Нет-

нет, невозможно! Папенька, послушайте, если уж вы решились погубить меня, то я найду защитника. И такого, что вы ужаснётесь от того, до чего меня довели!

– Что-что? – сказал Троекуров. – Угрозы! Мне? Дерзкая, ещё смеешь меня пугать каким-то защитником! Кто ещё таков?

– Владимир Дубровский, – вымолвила Маша в отчаянии. Кирила Петрович глядел на неё с изумлением.

– Добро, – сказал он после некоторого молчания, – жди себе кого хочешь в избавители, но в этой комнате. Из неё ты не выйдешь до самой свадьбы.

После этих слов отец ушёл, спокойно заперев дочь в её комнате на ключ. Что толку хлопать дверьми до оханья косяков, когда вот такое молчаливое, но твёрдое решение куда страшнее и безысходнее.

Кольцо из дупла

I

Слова отца ожесточили молодую затворницу: кровь приступила к вискам. Она решила известить обо всём Дубровского и стала искать способ отправить кольцо в заветное дупло. В это время камушек ударился в окно, стекло зазвенело. Марья Кириловна взглянула на двор и увидела брата Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Отворила окно.

– Здравствуй, Саша, – сказала она, – зачем ты меня зовешь?

– Я пришёл, сестрица, узнать, не надобно ли вам чего-нибудь? Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться. Но велите мне сделать что вам угодно, и я для вас всё исполню.

– Спасибо, милый мой Сашенька! Слушай, ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

– Знаю, сестрица.

– Если ты меня любишь, сбегай туда немедленно и положи в дупло вот это. Да смотри же, чтоб никто тебя не видел.

С этими словами она бросила ему кольцо. Мальчик поднял его, и во весь дух пустился бежать и через три минуты

очутился у заветного дерева.

II

Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело, хотел было возвращаться. Вдруг рыжий и косо́й оборванный мальчишка кинулся из-за беседки к дубу и запустил руку в дупло. Саша бросился к вору и схватил его обеими руками.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он грозно.

– Тебе како́ дело? – отвечал мальчишка, стараясь освободиться.

– Оставь кольцо, рыжий заяц. Или я проучу тебя как следует! – крикнул Саша.

Вместо ответа он получил кулаком в лицо, но не ослабил хватки и закричал уже во всё горло:

– Воры, воры! Сюда, сюда...

Рыжий мальчишка силился вырваться. Он был старше и гораздо сильнее Саши, но тот – увёртливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий одолел. Он повалил Сашу на землю и схватил его за горло. Но в это время сильная рука вцепилась в его огненные вихры. Садовник Степан приподнял драчуна на пол-аршина от земли со словами:

– Ах ты, рыжая бестия, да как ты смеешь бить маленького барина!

Саша успел вскочить и оправиться.

– Ты меня схватил под силки, – сказал он, – а то бы нико-

гда не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

– Как не так, – отвечал рыжий и вдруг, перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от Степановой руки, и пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину. Мальчишка упал – садовник опять его схватил и связал кушаком.

– Отдай кольцо!

– Погоди, барин, – сказал Степан, – мы сведём его на расправу к приказчику.

III

Садовник повёл пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

– Это что? – спросил он Степана.

Садовник в коротких словах описал всё происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

– Ты, повеса, – обратился он к Саше, – за что ты с ним связался?

– Он украл из дупла кольцо. Папенька, прикажите отдать кольцо.

– Какое кольцо, из какого дупла?

– Да мне сестрица ... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

– Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём – или так отдеру тебя розгами, что ты и своих не узнаешь.

– Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне она ничего не приказывала, папенька.

– Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую берёзовую розгу.

– Пойдите, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал

по двору, а сестрица открыла окошко. Я подбежал, иона, не нарочно, уронила кольцо, а я спрятал его в дупло, и... этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть.

– Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Так, Степан, ступай за розгами.

– Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал, и положил кольцо, а этот скверный мальчик...

IV

Кирила Петрович обратился к «скверному мальчику» и спросил его грозно:

– Чей ты?

– Я дворовый человек господ Дубровских, – отвечал тот. Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

– Ты, кажется, меня господином не признаёшь, – отвечал он. – Добро. А что ты делал в моём саду?

– Малину крал, – отвечал мальчишка с равнодушием.

– Ага, слуга в барина: каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Рыжий промолчал.

– Папенька, прикажите ему отдать кольцо, – сказал Саша.

– Молчи, Александр, – отвечал Кирила Петрович, – не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. А ты, косою, мне кажешься малым не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Рыжий ржал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

– Если ты мне во всём признаешься, так я тебя не высеку, дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчишка не отвечал ни слова и стоял, потупя голову с видом настоящего дурачка.

– Добро, – сказал Кирила Петрович, – запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчишку на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафью.

– Сейчас ехать в город за исправником, – сказал Кирила Петрович, проводив рыжего глазами, – да как можно скорее.

V

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь?», – думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

«Может быть, я наконец попал на горячий след Дубровского, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу, колокольчик, слава богу, это исправник».

– Гей, привести сюда мальчишку пойманного! – воскликнул он вслух.

Между тем тележка въехала на двор, и исправник вошёл в комнату весь запылённый.

– Славная весть, – сказал ему Кирила Петрович, – я поймал Дубровского.

– Слава богу, ваше высокопревосходительство, – ответил исправник с видом обрадованным, – где же он?

– То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев мальчика довольно слабой наружности. Он с недоумением обратил взор на Кирилу Петровича и ждал объяснения. Тот стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось вокруг него.

– Позвольте, ваше высокопревосходительство, переговорить с вами наедине, – сказал наконец исправник.

Кирила Петрович пригласил его в кабинет и запер за собою дверь.

VI

В кабинете их ждал Верейский. Князь выглядел непривычно: без кока, в дорожной, удобной на все случаи одежде, на ногах – короткие сапоги на толстой подошве для длительной ходьбы по лесным тропам. Даже пудры, столь уже привычной, не оказалось на его щеках. От чего черты лица стали резче, а сам жених выглядел куда моложе.

– Прошу меня извинить, Кирила Петрович, не хотелось афишировать своё появление. Сказал мажордому, что мы условились о встрече, и он провёл меня в кабинет. Прошу не взыскивать с него строго.

Троекуров глянул на исправника, тот никак не выказывал удивления.

– Кто мне объяснит, что всё это значит?

– Его сиятельство командирован Военным министерством для помощи в ликвидации Дубровского, – откликнулся начальник уездной полиции.

Верейский протянул хозяину кабинета мандат, заверенный Барклаем де Толли. Троекуров пробежал по нему глазами – сначала наскоро, затем вчитываясь внимательней. Лишь после этого вернул документ.

– Думал, меня уже трудно чем-то удивить в этой жизни, а у вас, князь, получилось, – сказал он наконец. – Наведался сегодня граф Толстой, известный как Американец, намекал,

что имеет некие полномочия насчёт Дубровского. Я, признаюсь, удивился, что такое дело поручили этому бретёру и фанфарону. Теперь вижу, Михаил Богданович отнёсся к моему письму подобающим образом.

– У гвардии поручика Толстого в нашей команде такая задача – привлекать внимание, – счёл нужным объяснить князь. – Но, поверьте, человек он не пустой.

VII

– Надеюсь, Василий Михайлович, ваше предложение руки моей дочери не является частью игры? – сухо спросил Трокуров.

– В своих чувствах к Марье Кириловне и намерениях породниться с вами я абсолютно искренен.

Князь положил на стол футляр синего бархата.

– Вот, привёз саженье. Марья Кириловна должна надеть его завтра на венчание. Не следует нарушать традиций. Что касается самого обряда, то в этом абсолютно полагаюсь на вас. Из церкви же мы сразу отправимся в Арбатово. Прошу вас довериться мне.

– Так тому и быть! Раз уж сам Михаил Богданович Барклай де Толли у вас в поручителях. А знаете, я даже рад, что всё обернулось таким образом, а вы, князь, – молодцом. Теперь за дочь я могу быть абсолютно спокоен. А то ведь, поверите ли, волноваться начал. Сомневаться – правильно ли насильно отдаю замуж?

– Вот и славно, что мы объяснились. Надеюсь, Марья Кириловна со временем всё примет и умом, и сердцем.

– Дай бог, дай бог. Испокон веков так заведено...

– И ещё, Кирила Петрович, мальчонку этого – шпиона Дубровского – надо отпустить.

– Да пусть катится на все четыре стороны. Раз так надо...

– И слезки за ним никакой посылать не надо.

Троекуров, как застигнутый врасплох за чем-то срамным, осёкся. Но тут же хохотнул и протянул руку своему будущему зятю.

Через полчаса Троекуров и исправник вернулись в зал, где рыжий пленник ожидал решения своей участи.

– Барин хотел, – сказал ему исправник, – посадить тебя в городской острог, высечь плетью и сослать потом, но я вступился за тебя и выпросил прощение.

Затем обратился к садовнику:

– Развязать его.

VIII

С мальчишки сняли верёвку.

– Благодарю же барина, – сказал исправник.

Рыжий подошёл к Кириле Петровичу и поцеловал у него руку.

– Ступай себе домой, – сказал ему помещик, – да вперёд не кради малины... по дулам.

Мальчик вышел, лихо спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку.

Добежав до деревни, остановился у первой с края избышки и постучал в окошко.

В нём показалась старуха.

– Бабушка, хлеба, – попросил рыжий, – я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

– Ах, это ты, Митя, да где ж ты пропадал, бесёнок? – отвечала старуха.

– После расскажу, бабушка... Ради бога, хлеба!

– Да войди уж в избу.

– Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба!

– Экой непоседа, – проворчала старуха, – на, вот тебе, – и сунула в окошко ржаной ломоть.

Внук жадно откусил от него и, нажёвывая, тут же зашагал далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в кистенёвскую рошу. У двух сосен – передовых стражей леса – он остановился, оглянулся по сторонам и, запустив два пальца в рот, отрывисто и пронзительно свистнул. Лёгкий и продолжительный свист послышался в ответ. Кто-то вышел из роши и стал приближаться. Закат червонил его образ.

Мы никогда не узнаем, кто идёт нам навстречу в закатной мгле, пока не столкнёмся с ним. Часто золотая радость таит черты библейского всадника на огненном, как сентябрьский ясень, коне. Так торжественно въезжает в нашу жизнь и рушит все планы раздор.

Свадебные хлопоты

I

Настал день свадьбы. Кирила Петрович расхаживал по зале и громче обыкновенного насвистывал «Гром победы, раздавайся!». Весь дом напоминал растревоженный улей: слуги бегали, девки суетились, кучера закладывали экипажи, перед окнами толпился народ.

В комнате барышни дама в окружении служанок убирала бледную, сидящую неподвижно перед зеркалом Марью Кириловну. Голова её клонилась под тяжестью бриллиантов, девушка слегка вздрагивала от неосторожных уколов спижек, но не проронила ни звука, глядя сквозь своё отражение.

– Скоро ли? – раздался у дверей голос Кирилы Петровича.

– Сию минуту, – отвечала дама. – Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Невеста поднялась и только тут обратила внимание на сажень. Переданное накануне женихом украшение закрыло собой декольте. Крупные ажурные золотые бусины и медальоны с образами святых не только укрывали девичью грудь, но придавали успокоения. И всё же невеста, поддавшись внезапному чувству, решительно избавилась от дорогого украшения – сняла и бросила на туалетный столик. Марье Кири-

ловне показалось, что если бы не это злосчастное саженье, то они с Владимиром были уже вместе и далеко. Перед глазами встала картина замешательства Дубровского, когда он услышал от неё о семейной реликвии Верейских, и как их разговор сделается иным.

Дама решила было настоять и вернуть на шею невесты украшение, но тут снова зазвучал суровый голос Троекурова:

– Так скоро ли?

И женщина, раз ей не было дано неопровержимых указаний на этот счёт, решила не испытывать терпение всемогущего барина. Марья Кириловна накинула пелерину из горноста. Белый в крапинках мех скрыл её плечи и грудь.

II

Наконец двери комнаты отворились.

– Невеста готова, – сказала дама Кириле Петровичу. –

Прикажете садиться в карету?

– С богом! – отвечал Кирила Петрович и взял со стола образ.

– Подойди ко мне, Маша, – сказал он дочери едва дрогнувшим голосом, – благословляю тебя...

Марья Кириловна в ответ упала ему в ноги и зарыдала.

– Папенька... папенька... – твердила она в слезах, и голос её замирал.

Кирила Петрович поспешил благословить невесту, которую, почти бездыханную, отнесли в карету. Рядом с ней устроилась посажёная мать и одна из служанок. Все поехали в церковь.

У крыльца храма их уже ожидал жених. Князь вышел навстречу суженой и был поражён её бледностью и отстранённым видом.

Марья Кириловна даже не взглянула на него. Хотя, если бы соблаговолила поднять глаза, вид жениха удивил бы её. Василий Михайлович, как и накануне вечером, был уже без маскарада. Фрак по парижской моде плотно облегал всё ещё дюжую фигуру князя. Два ордена дополняли картину: святого Владимира первой степени на ленте через плечо и святого

Георгия третьей степени на шейной ленте.

Следа не осталось от того престарелого, моментами нелепого и любезного подагрика, явившегося к Троекуровым всего две недели назад.

Кирила Петрович с изумлением оценил награды своего без пяти минут зятя, и поэтому рукопожатие его оказалось крепче, чем обычно.

Невесте же до этого всего не было дела. Она упивалась своим горем.

III

Новобрачные и их близкие вошли в холодную пустую церковь. Двери за ними заперли. Петли издали жалобный стон. – Чёртов поп, масла жалеет, – ругнулся Троекуров и быстро перекрестил лоб.

Посажёная мать сняла с невесты меховой ворот. Жених с первого заметил отсутствие саженья, но решил не задавать вопросов. Да и не до того уже было. Священник вышел из алтаря и тотчас же скороговоркой повёл обряд.

Марья Кириловна ничего не видела, ничего не слышала, думала об одном. С самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту не покидала её, но, когда поп обратился к ней с обычными для венчающихся речами, она содрогнулась и обмерла – но ещё медлила, ещё ожидала. Батюшка же по-своему расценил молчание невесты и, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова. Обряд венчания состоялся.

Марья Кириловна почувствовала холодный поцелуй немилого супруга, слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её с этого момента навеки окована, что Дубровский не примчался освободить её.

Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла. Молодожёны вышли из церкви, на паперти толпи-

лись крестьяне из Покровского. Взор новобрачной быстро их обежал и снова обрёл прежнюю бесчувственность.

Супруги Верейские сели вместе в карету и поехали в Арбатово. Туда же, но с заездом в Покровское, отправился и Кирила Петрович с гостями.

IV

В пути, наедине с молодой женой, князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать ей приторными изъяснениями и смешными восторгами. Слова его были просты и не требовали ответов. Она же так и не взглянула на супруга.

Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро, пассажиры кареты, благодаря английским рессорам, не чувствовали колдобин просёлка. Их ожидали впереди ухабы куда серьёзней. Со стороны экипаж казался вполне обычным. Лишь трое его седоков знали, какие неожиданности приготовили они шайке разбойников, устроивших засаду в ближайшем лесу.

Харлов правил тройкой, как заправский ямщик, да и выглядел соответствующе: армяк, подпоясанный кушаком, войлочный грешневик и недельная щетина сделали своё дело. Дымящая казацкая трубка-люлька в зубах лишь дополняла образ. На запятках кареты покачивался гайдук в расшитой серебром ливрее и шёлковой шапке с большою спадающей на грудь кистью. В этом молодце даже столичные знакомцы с трудом опознали бы графа Толстого-Американца. Прямо у него под носом – в чемодане на крыше кареты – побрякивал целый арсенал оружия, его хватило бы для целого рейда по неприятельским тылам. Наплечная кобура в этот

раз была на Верейском, даже пришлось настаивать и едва ли не силой надеть её на шефа.

Харлов же то и дело оправлял две гранаты за пазухами; за голенищами его укрытых полами армяка сапог было засунуто по пистолету. Под сиденьем лежали ещё два заряженных пистолета и гренадёрский тесак – самый надёжный товарищ при штурме вражеских редутов.

V

Но вот наконец-то разбойники обнаружили себя – поперёк дороги лежала срубленная берёза. Харлов натянул вожжи. Тут же, как только карета остановилась, к ней из кустов метнулся Григорий. Вскочив на козлы, камердинер Дубровского направил пистолет на Харлова:

– Приехали, дядя. Давай, только не дуришь, – сказал он и остался доволен испуганным видом ямщика.

Гайдук под дулом охотничьего ружья кузнеца Архипа тоже вёл себя смиренно. Вокруг кареты образовался круг вооружённых чем попало людей. Настал черёд Дубровскому выйти на авансцену. Человек в полумаске отворил дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, и сказал ей:

– Вы свободны, выходите.

– Что это значит? – холодно спросил князь.

Главарь разбойников даже не удостоил его взгляда, неотрывно смотрел на Марию Кириловну. К первоначальному обожанию добавилось разочарование – на груди любимой не было саженья.

– Эй, я с тобой говорю! – вновь подал голос князь. – Кто ты такой?

– Это Дубровский, – сказала княгиня.

Князь выхватил из наплечной кобуры пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с

ужасом закрыла лицо обеими руками.

В руке Верейского тут же оказался второй пистолет, но стрелять в осевшего к колесу Дубровского он не стал. Пуля остановила кучера Антона, когда он кинулся подхватить своего господина.

VI

Первый же выстрел послужил Толстому и Харлову сигналом к действию. Майор долбанул растерявшегося Григория по голове чугунной гранатой, и пока тот оседал с козел на землю, успел при помощи трубки подпалить фитиль и кинул «гренаду» в самую гущу разбойников. Следом полетела и вторая.

Толстой тоже не зевал. Действовал со сноровкой карточного шулера, только вместо карт в его руках оказалось по дуальному пистолету. Первая пуля угодила в голову Архипу, вторая – в грудь мужику, подхватившему было ружьё кузнеца.

Разбойники – те, кто остался ещё жив и цел, – обескураженные таким неожиданным поворотом дела и потерявшие самых лихих товарищей, бросились врассыпную по лесу. Харлову даже не пришлось пускать в дело свой любимый, ещё помнящий штурм Измаила, тесак. До рукопашной дело так и не дошло. Харлов и Толстой падали вслед отступавшим.

Князь вышел из кареты (Марья Кириловна осталась сидеть, закрыв глаза руками, ни жива ни мертва) и наклонился к Дубровскому.

– Он жив? – спросил Харлов.

– Конечно, я же стрелял в плечо. Это болевой шок. Ещё

немного и наш Рональдини придёт себя.

Из кареты вышла новобрачная. Она словно впервые увидела мужа, хотя, учитывая перемены в его облике, так почти и было. Дубровский пришёл в себя, но так и остался сидеть, привалившись к колесу кареты. Он не хотел верить тому, что открылось его взгляду.

VII

Казалось, Дубровскому безразлична его дальнейшая судьба.

– Мне не удалось вас освободить, – только и сказал он княжне.

Та покачала головой и отвечала:

– Вы опоздали в любом случае. Я обвенчана, я жена князя Верейского.

– Что вы говорите?! – в отчаянии закричал Дубровский, морщась от боли. – Нет, вы не жена его, вас принудили, вы никогда не могли согласиться...

– Я согласилась, я дала клятву, – возразила она с твёрдостью. – И я не обманывала вас, ждала до последней минуты... Но даже если бы дело обернулось иначе, я сказала бы вам то же самое.

Сверху прозвучал звук взводимого курка. Толстой целился Дубровскому в голову.

– Князь, я прошу вас! – вскрикнула Марья Кириловна. – Прикажите своим людям не стрелять более. Дубровский обещал мне не губить вас. Будьте и вы милосердны. Если хотите, пусть это будет вашим свадебным подарком мне.

– Опустите пистолет, граф, – уступил жене Верейский.

– Василий Михайлович, у нас на этот счёт есть определённое распоряжение.

– Ну, во-первых, не распоряжение, а рекомендации. Задачу мы выполнили, разбоям Дубровского положен конец. Остальное – детали. Во-вторых, я не могу отказать жене в её первом желании. Опустите пистолет. Не приказываю – прошу.

Толстой повиновался.

– В конце концов, я не расстрельная команда. Повезло вам, Дубровский, жаль, что мы не встретились у барьера. Слышал, в моё отсутствие в Петербурге вы едва ли не первым бретёром там стали.

Раненый с интересом взглянул на «гайдука».

– Граф... Так вы, стало быть, граф Толстой, тот самый Американец?! В таком разе мне тоже жаль.

VIII

В это время очнулся и Григорий, оглушённый Харловым. Он так же, как и его господин, с недоумением смотрел на происходящее.

– Вы свободны, – обратился Верейский к Дубровскому. – Вот и камердинер ваш пришёл в себя. Поможет убраться во-свояси. Да и другие сообщники, думаю, недалеко разбежались. Только мой вам совет: бросайте разбойничье ремесло. Самое время скрыться, да и лечиться необходимо. Вот уж не думал, что когда-нибудь скажу вам это. Благодарите Марью Кириловну.

– Мне ваши милости, князь, хуже приговора трибунала, – только и ответил Дубровский.

К нему уже подошёл Григорий, помог встать на ноги, и они двинулись в лес.

.....

Вскоре, как отмечалось в полицейских отчётах, солдатам удалось поймать несколько человек из шайки Дубровского. От них и узнали, что атамана между ними уже не было. После того как немного оправился от раны, Дубровский собрал всех сообщников и объявил им, что намерен навсегда их оставить. Советовал и им переменить образ жизни.

– Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в ка-

кую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло.

После этой речи он покинул шайку, взяв с собою одного Григория. Никто не знал, куда он подался. Сначала сомневались в истине этих показаний – верность разбойников атаману была известна. Полагали, что они старались его спасти. Но последующие события их оправдали – грозные набеги на усадьбы, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границей.

Трое мужчин

I

Ветер с материка наведалься к обеду следующего дня. Поначалу робкий – так юный стюард заглядывает в каюту к новобрачным – к вечеру муссон заматерел. Его порывы разорвали туман в клочья. Он напоминал теперь песцовую горжетку беспечной хозяйки – жертву усердного щенка.

Капитаны отправили боцманов собирать загулявших матросов по кабакам и борделям. В Кале лишь хозяева этих заведений огорчились, что море вновь подпустило к себе людей.

Вотье за ужином сообщил князю, что шхуна на Дувр отшвартуется в семь часов утра.

– А где же ваш любезный хозяин? Я думал, он составит нам компанию.

– *Monsieur* Дефорж просил засвидетельствовать вам своё уважение. К сожалению, он не имеет возможности разделить с вами трапезу. Каждый раз с изменением погоды у него обостряются боли в руке. Он надеется утром явиться в порт, проводить вас.

– Было бы любезно с его стороны. Мы с Кириллом желаем ему быстрейшего облегчения его страданий.

– О, князь, непременно передам. Мне думается, хозяину будет приятно это слышать. Должен вам сказать, что впервые он оказал такие знаки внимания нашим постояльцам.

– Просто у нас с ним общие воспоминания.

– Я так и понял. – Вотье решил, что на этом хватит продемонстрировать свою наблюдательность, и с поклоном удалился.

За стойкой бара как раз объявились два шкипера, решивших сделать остановку перед возвращением на борт.

II

Рядом, за шатучим столиком, неряшливый гувернёр исто-во, как если бы дело касалось урока богословия, втолковывал жуящему омлет мальчику – ровеснику Кирилла – природе туманов:

– На побережьях морей они образуются при медленном выносе с моря влажного и тёплого воздуха на холодную су-шу. Туман над морем обычно устойчивый и длительный: здесь постоянно смешиваются холодные и тёплые воздуш-ные потоки и течения. Именно поэтому такое природное яв-ление можно наблюдать в течение нескольких дней.

Кирилл сначала вслушивался в разговор, затем бросил – это оказался всего лишь пересказ из учебника географии. Мальчика занимали мысли куда более для него важные, чем непогода.

– Папа, *monsieur* Дефорж знал мою матушку? – наконец он решился задать не дававший ему покоя вопрос.

Василий Михайлович, даже если и удивился, то не выдал этого. Его, случалось, пытались озадачить куда более неожиданными вопросами. С ответом не медлил и озвучил его же без скидки на возраст:

– Ты прав, Кирилл, твоя мама и *monsieur* Дефорж были знакомы прежде. Среди людей такое случается, но это не да-ёт им права думать, что они знают друг друга. Как ты понял

про прошлое?

– Мне показалось.

– Так бывает – покажется что-то, а затем не знаешь, как с этим жить. Правильно, что спросил.

– Я, к сожалению, мало знаю о маме. Так что любой человек, кто с ней общался или, тем паче, был знаком, кажется мне необыкновенным.

– Понимаю. И уверяю тебя, я не стал бы возражать против вашего с Дефоржем разговора. Но, как видно, он сам не особо желает этого.

III

Отец и сын помолчали. Сегодня еда не впечатляла. Князь заказал спагетти с сыром. Удивило наличие их в меню ресторана при французской припортовой гостинице. Вотье объяснил, что их повар Жак участвовал в итальянском походе Бонапарта. На Апеннинском полуострове он очаровался не только жгучими, как кайенский перец, девушками, но и местной кухней.

Но, видимо, с тех времён пыл Жака сошёл на нет. Осталась привычка и неясные, как если бы на них смотреть через невымытое, засиженное мухами окно, воспоминания. Такое любому делу, где желателен определённый настрой, а кухня именно то самое место, только во вред. Сами макароны оказались переварены – без *al dente*, оливковое масло отдавало прогорклостью, а пармезан больше напоминал простой засохший сыр. Вотье, обычно фланирующий неподалёку, как дельфин вокруг забитой макрелью рыбацкой сети, не показывался.

Кирилл решил продолжить беседу:

– В этой истории что-то не так? Извините, *papa*, что спрашиваю вас об этом.

– С чего ты взял?

– Вы и *monsieur* Дефорж ведёте себя как-то странно.

– Ничего предосудительного. Вообще, всё, что связано с

твоей мамой, не должно вызывать у тебя подобных мыслей.

– Да, *rara...*

– История эта скорее романтическая – готовый сюжет для романа. Всего тебе знать не положено. Пока. Со временем же я обязательно посвящу тебя в детали. Кстати, граф Толстой, которого мы навещали перед отъездом, тоже участник тех событий.

Князь решительно отодвинул тарелку.

– Нет, это есть определённно невозможно. Пошли, Кирилл, ты ещё должен отведать жареные каштаны. Видел, их подают в кофейне в двух кварталах отсюда.

IV

Утренний порт обдал Верейских остатками ночного бриза. Лёгкая дымка над акваторией укрывала мачты кораблей на рейде, как вуаль – чересчур острые, если верить молве, носы падчериц городского судьи.

В воздухе же растворился целый букет запахов: мокрой пеньки, дёгтя, свежей рыбы, зрелой солонины, дыма от сотен трубок и много ещё чего плохо различимого.

Возле трапа шхуны их поджидал Дубровский, его слуга Григорий по обыкновению стоял неподалёку.

– Вот, не мог не проститься. В гостинице не хотелось, – как бы оправдываясь, сказал бывший гвардейский корнет.

– К чему объяснения, Владимир Андреевич? Пришли – и хорошо. Сын вот очень хотел с вами повидаться.

Кирилл при этих словах наклонил голову.

– Смышлёный не по годам мальчик. Наверное, весь в отца. И очень похож на мать.

– Ему как раз и хотелось пообщаться с вами о своей матери. Может, в следующий раз, на обратном пути?

– Вряд ли. Я решил уехать из Кале, – сказал Дубровский и тут же ответил на цепкий взгляд князя: – Если вы думаете, что это из-за нашей встречи, то нет. Не скрою, она меня чрезвычайно взволновала, но опасности я не ощущаю. А уж в этом за девять лет двойной жизни я кое-что научился по-

нимать. Мыслей не было, что вы способны донести.

Василий Михайлович никак не отреагировал на эти слова, и Дубровский продолжил:

– Дело не только в вашей порядочности, князь, в коей я нисколько не сомневаюсь. Думаю, и у вас нет особого желания привлечь внимание к себе. Мне кажется, что на тот берег Ла-Манша вы стремитесь отнюдь не как праздный во-
яжёр.

V

Взгляд князя, до того непроницаемый, отмяк.

– «Думаю», «кажется»... Владимир Андреевич, вы вольны предполагать что угодно. Не знаю, чего вы там себе напридумывали, но это всего лишь деловая поездка. Некогда мы с отцом открыли в Лондоне бюро *Vereisky&Co*, консультировали желающих вести торговые дела в России. Посмотрим, может, есть резон возродить дело. Нет – вернёмся.

Дубровский выслушал это с видом читателя утренних газет.

– Что ж, если судьба занесёт вас в Прованс, то навестите. Есть там городишко на побережье – Ницца называется. Не слышали?

Князь покачал головой.

– Ну да, захолустье. Зато расположен в так называемой Ривьере. Там, говорят, по триста солнечных дней в году и низкая влажность, так что духота не ощущается. Надоели эти туманы. Да и эскулапы для здоровья руки советуют сменить климат. Нашёл уже покупателя на гостиницу. Вы его знаете. Вотье, оказывается, получил наследство. Посмотрим, возможно, открою в Ницце другую, женюсь наконец на какой-нибудь дочке члена магистрата. Девочку родим.

При этих словах он посмотрел на Кирилла. Левой рукой Дубровский сделал движение – так, как если бы хотел потре-

пать мальчика по вихрам, но тут же замер, осознав, насколько это неуместно.

Появился матрос и стал поднимать по трапу багаж. Вейрейский попросил его отвести сына в их каюту. Дубровский протянул Кириллу руку. Тот вложил в рукопожатие все свои мальчишеские силы.

VI

– Мальчик – это важно для мужчины, – заговорил Дубровский по-русски, глядя вслед Кириллу. – Для того, кому есть что передать в наследство. Вам, например. Как показала жизнь, нас с отцом Господь сподобил быть лишь отважными вояками. В цивильном обществе, с его неписанными, в отличие от устава, законами, оба оказались не у дел. Видно, на роду Дубровским так написано. Вот и думаю: пусть уж лучше у меня родится дочка. Даже и не одна. Может, женская линия окажется счастливей.

Голова Владимира Андреевича опять скрылась в клубе табачного дыма. Оттуда прозвучал вопрос без каких-либо преюдий:

– Значит, саженья у вас теперь нет?

– Нет. Казна выкупила.

– Что же это за диво такое: то французы за него готовы раскошелиться, то российский император?

– Это не простое украшение, а один из символов великого княжества Тверского. Наполеон собирал различные великокняжеские регалии, так как будущее Российской империи видел в конфедерации удельных княжеств и ханств. Артефакты придали бы реформам некую историческую оправданность. Всё это – в случае победы французов, естественно.

– Вот оно что. Теперь понятно, из-за чего весь этот сыр-

бор.

– Чтобы впредь избежать подобных обстоятельств, Александр I выкупил у хозяев драгоценности из списка Наполеона. Теперь они наверняка хранятся в Алмазной комнате Зимнего дворца вместе с иными царскими сокровищами.

– А как же традиция князей Верейских – невеста идёт к алтарю в сажень?

– В нашем случае прописано, что мы вправе запросить семейную реликвию на бракосочетание. Только проводить его обязаны в Санкт-Петербурге. Надеюсь, Кирилл в своё время реализует это право. Хотя Марья Кириловна, как сами знаете, нарушила эту традицию.

– Проклятое саженье. Я и хотел увидеть его только для того, чтобы понять, как выглядит источник моих злосчастий.

– Вы думаете, дело в нём?

– Конечно!

VII

Всегда прежде спокойный Дубровский заметно занервничал. Чтобы утихомирить нахлынувшее волнение, он стал раскуривать потухшую трубку. Достал из оловянного футляра деревянную палочку с коричневой головкой и чиркнул ею по полоске наждачной бумаги. Брызнул сноп искр – и палочка занялась огнём. Едкий запах от неё перебил все другие, витавшие на пирсе. Это были спички, о них Верецкий знал лишь понаслышке, так как в России они являлись диковинкой.

Наконец табак зашкворчал в чубуке, словно вскипевший кофе в джезве. Голову Дубровского окутало сизое облачко, и он продолжил:

– Если бы не это чёртово саженье, не видать бы вам Марью Кириловну в жёны. О том, что в Арбатове находится драгоценность ценой в триста тысяч франков, рассказал один из разбойников, прибившихся к нам. Веры таким словам – не больше, чем рассказням о месте с сокровищами атамана Кудеяра. Затем объявился ещё один. Мало того, у неграмотного мужика была листовка с информацией об этой и других ценностях. Там же указывалось, по каким адресам в польских Седлеце и Люблине их готовы купить.

– А вы не задавались вопросом, зачем они нужны врагу России? Наверняка ведь с каким-то умыслом.

– Бросьте, Василий Михайлович. Родина, где закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло, меня, гвардейского офицера, вынудила разбойничать, так неужели я стану печься о ней?

VIII

Прибыли ещё пассажиры, и мужчины отошли от трапа, чтобы не мешать им.

– Но ведь это предательство, – сказал Верейский.

– Нет, на сторону врага я никогда бы не встал. Я сам вёл, пусть и маленькую, войну. Это всё-таки разные вещи. Вы так не считаете?

Князь неопределённо повёл головой. Дискутировать с человеком, которого видел последний раз в жизни, ему не хотелось. К тому же основной задачей собеседника было выговориться, а такие глухи к чужим речам. Дубровский воспринял этот жест как понимание и продолжил:

– Со временем удел Ринальдо Ринальдини мне даже стал нравиться. Но я осознавал, что рано или поздно этой вольнице наступит конец. Свои же разбойнички и выдадут, чтобы уберечь головы на плечах. Саженье давало шанс исчезнуть без следа. Но при первом же набеге на вашу усадьбу мои люди столкнулись с хорошо организованной охраной. Только и сумели спалить пару амбаров у околицы и еле ноги унесли от ваших гайдуков.

– Это всё Харлов организовал, мой управляющий. Отставной майор, командир гренадёрской роты. Да вы его видели, он на козлах сидел в прошлую нашу встречу. И Григорий ваш, должно быть, не забыл.

Дубровский кивнул согласно, но вёл себя так, будто ничего не слышал, и продолжал:

– Тогда я понял, что наскоком саженье не заполучить. Оставалось лишь ждать удобного случая – был у меня свой человек из ваших дворовых.

IX

Дубровский попытался затянуться, но трубка снова погасла. Он было полез в карман за спичками, но с бака раздался звон рынды – сбор швартовой команды. Владимир Андреевич сунул трубку в карман и заговорил быстрее:

– Но шанс пришёл, откуда я не ожидал. Вы, конечно, в курсе наших отношений с Марьей Кириловной. И вот – когда она готова была бежать со мной, только чтобы не идти с вами к алтарю, я узнаю, что на венчание она должна надеть сажень. «Вот! – подумалось мне. – Это как знак судьбы – заполучить и любимую, и обеспечить ей достойную жизнь». Я же сознавал, что участь жены разбойника – не для дочери Кирилы Петровича Троекурова. Потому-то и уговорил её вернуться домой, попытаться решительно объясниться с отцом. Хотя, чем дело кончится, знал. Впрочем, как оказалось, плохо. Сами не хуже, а может, и лучше меня ведаете, чем всё обернулось. Сажень это ваше все карты мне спутало. Хуже нет бедолаге узнать, какую цену его душе назначили.

Верейский молча передал Дубровскому небольшой портрет Марьи Кириловны в ажурной серебряной рамке. Художник изобразил её в свадебном платье, грудь новобрачной украшало сажень Великих князей Тверских.

Дубровский мельком глянул на девичий лик и принялся рассматривать украшение. С борта прозвучал двойной сиг-

нал рынды. Князя пригласили взойти на борт. Владелец гостиницы «*Masha*» протянул ему миниатюру обратно, но тот остановил его.

– Пусть она останется у вас. Это копия, Кирилл захотел взять её в путешествие. Дома есть оригинал. Прощайте.

– Благодарю, это щедрый подарок. Счастливого пути.

Никто из мужчин так и не решился подать руку для пожатия.

Х

– А забавная у нас с вами, князь, история образовалась! – произнёс уже в спину Верейскому Дубровский, при этом голос его звучал фальшиво бодро. – Знаете, я даже пробовал написать что-то вроде романа, но бросил. И это не дано. Может, при случае подскажите сюжетец кому-нибудь из литераторов? Хоть тому же... как его... А – Пушкину! Хотя думаю, что те обязательно всё переврут.

Ответа так и не последовало.

Шхуна нехотя потёрлась бортом о причал, словно кобыла крупом о доски загона. И лишь когда грот-марсель от дуновения ветра наполнился, и парусина хлопнула, как бич пастуха, отчалила. Дубровский присел на сосновый кнехт. Его взгляд с кормы удаляющейся шхуны перешёл на изображение некогда беззаветно любимой девушки. В эту беззаветность он истово верил все эти годы. А после встречи с князем понял, что его чувству не хватило именно самоотверженности. В самый решительный момент грёзы корнета о богатой невесте явились как чёрт из табакерки, и всё пошло не так, уже не имея шанса повернуть обратно.

А тот, по чьим расчётам «всё пошло не так», стоял на баке, опершись на фок-мачту, и неотрывно всматривался в полосу чистого неба, обрамляющую горизонт над сине-зелёными тяжёлыми волнами. Казалось, он силился разглядеть

английский берег.

XI

Перед глазами пассажира шхуны стояла иная картина. Он в кабинете – взялся-таки изучить бумаги управляющего в надежде отвлечься от грустных мыслей о здоровье супруги. Вбегает Харлова, говорит, что княгиня совсем плоха. Отправили кучера за батюшкой. Верейский устремляется в спальню жены. Та мучительно сведёнными пальцами выгребает себя из перины и одеяла, как из болотной трясины. Князь берёт её горячую руку, говорит что-то бессвязное, но, как ему кажется, весьма ободряющее.

Марья Кириловна успокаивается. Замирает на измятых подушках. Улыбка появляется на её губах. Василий Михайлович тоже обрадованно улыбается. Ещё бы – вот и на него смотрят с любовью. Жена силится что-то сказать. Вдохновлённый князь следит за её губами, опасаясь упустить любой звук. Наконец она хоть и тихо, но явственно произносит всего одно слово. Лицо Верейского разом каменеет. Так же улыбаясь, княгиня закрывает глаза, чтобы уже никогда не открыть их.

Её последним словом было имя: «Влади-и-и-и-мир...».

.....

Причал опустел, как кладбище в послеобеденное время. Маячили лишь две фигуры, словно иерей да дьякон в поиске утраченного кадила. Чем дольше Дубровский всматривается

вался в изображение Марьи Кириловны, тем черты её всё больше утрачивали отрешённую равнодушность. И вот она уже смотрела на него с укором.

Владимир встал, шагнул к самому краю пирса и метнул картину вслед шхуне. Именно метнул – она летела, как карта при раздаче, и шлёпнулась на зеленоватую воду плашмя, стала медленно – в раскачку, тонуть. Женский лик растворяли толщи воды. Вот размылись черты лица, следом – золото украшений, и наконец глубина поглотила цвет венчального наряда.

.....

В каюте лицом к переборке делал вид, что спит, мальчик. Койки на шхуне немногим уступали в жёсткости доскам. Левый бок затёк, но и повернуться Кирилл не мог. Невозможно видеть голый стол, куда по обыкновению, где бы он ни был, выставлялся портрет маменьки. Опять же, в любое время мог явиться *papa* и увидеть, что в его глазах назрели слёзы. А ещё в рёбра упирался *Breguet* – подарок отца накануне их заграничного вояжа. Если бы не это, то так бы и плыть, вслушиваясь в убаюкивающий скрип рангоута.

Наконец княжич лег на спину, задеревеневшей рукой достал часы и взглянул на перламутровый циферблат. В дорожных хлопотах из головы вылетело завести их – стрелки показывали без одной минуты четыре. Верейский наугад перевёл часы на три часа вперёд, завёл пружину. Механизм ожил, салютовал владельцу репетиром *Grande Sonnerie* и торопливо,

навёрстывая упущенное, затикал.

Екатеринбург – Казань

2023 год

О князе Верейском замолвите слово

**«Дубровский» можно назвать
маскарадно-пряточным романом,
автор которого сам искусно
укрылся за одним из персонажей**

Пушкиниана поначалу вызывает ассоциации с непроходимыми лесными дебрями, приводящими новичков в душевный трепет, после же оказывается сродни Беловежской пуце – столь же обширной, сколь и обихоженной: этакий пример совмещенных зоосада с дендропарком. Казалось бы, при столь тщательном обиход, должно быть учтено всё, но сколь ни приглядывайся, ни на одной табличке или анилаге так и не увидишь надписи «Вере́йский» с поясняющей информацией.

А

Зряшные лотки уличных торговцев букинистическим неликвидом и полки буккроссинга невольно притягивают внимание читателя советской формации. Этому виду книгочеев свойственна определённая ненасытность – посттравматический синдром времён, когда стремление обладать собранием сочинений Дюма томило сродни девственности. Пресыщенность, как водится, выхолостила бытие, и до некогда столь желанного многотомника дела не больше, чем до интимных подробностей жизни своих бывших — чаще никакого.

Толку — прикупить чего или прибрать к рукам, от такого интереса, как правило, нет. Пробежишься взглядом по корешкам, и делов. Исключения, конечно, случаются и подогревают интерес к процессу, но так, чтобы дело кончилось откровением... Это уж из разряда статистических погрешностей: допускают и слышаны многие, но личным опытом похвалиться могут лишь всёпостигшие блогеры да персонажи с судьбой «этоикакжетебяугораздило» из рейтинговых телешабашей.

В Шалинской центральной районной библиотеке время от времени, после ревизии фонда, выставляют на специальную полку у входа излишки – то, что долгое время не востребовано читателями и лишь захламляет и без того тесные, как

свадебный пиджак на отце первоклассника, стеллажи.

Тогда, помнится, выложили с десяток разномастных томов и подписку журнала «Новое литературное обозрение» за 1997 год. Пройти мимо не смог. Добычей стали «А.С. Пушкин. Романы и повести» (Издательство «Художественная литература», Москва. 1971 год) и один из журнальных номеров. Что касается книги, то тут мотивацию выбора можно было обосновать хоть кондуктору в трамвае: Пушкин (Ах, ну как же.... Александр Сергеевич!), книге почти полвека, в хорошем состоянии (ещё немного и станет букинистической)... Но вот чем привлекла лощённая черно-жёлтая обложка журнала №27, я даже себе объяснить не мог. Это как с детскими поступками, обусловленными исключительно наитием.

Б

Дома раскрыл книгу наугад, словно вздумалось погадать по ней. Многие, конечно, в курсе этой забавы: не глядя выбрать страницу и ткнуть в неё пальцем. А обозначенной таким образом цитате уготовано провидением что-то истолковать или предсказать в жизни. У обряда даже название своё имеется – библиомансия. Особой популярностью она пользовалась в высшем свете во времена того же Александра Сергеевича. В стране же Советов с распространением грамотности и просвещения «до самых до окраин» этот вид гадания проник повсеместно. Во всяком случае, в мои школьные годы его широко практиковали на днях рождения одноклассников, пока не дорастали до игры в бутылочку.

Выпала страница 155. Взгляд ухватил начало второго абзаца и тут же соскользнул с него. Так шалая дворняга цапает за штанину беспечного прохожего, но вместо того чтобы прикусить как следует, – после к врачу или к портному – тут же отступается, испугавшись приступа своей непостижимой отваги.

Меня же поразили, конечно же, читанные прежде и, возможно, не раз слова: «Князю было около пятидесяти лет...».

!!

По меньшей мере, полсотни восклицательных знаков сотрясли сознание. Это со звоном разлетались осколки хре-

стоматийного, впитанного ещё в школьные годы, понимания «Дубровского».

В

Будь я герой старомодной пьесы, то непременно бы воскликнул: «Подайте мне мой аттестат зрелости, я всплакну над ним, и пусть жгучие, словно уксус, слезы отчаяния, капнув на пятёрку по литературе, растворят её!». Человеку современному оставалось лишь матюгнуться. Не трёхэтажно, что подобало бы случаю при пертурбации личной Вселенной, а незатейливо, без злости и куража, так, словно на кассе в «Ашане» не оказалось с собой портмоне: один из немногих плюсов возраста – истощённая опытом рефлексия.

Князь Верейский всегда воспринимался сладострастным стариком, возжелавшим молодого тела Машеньки Троекуровой. С однозначностью и непрременной апелляцией к горькому опыту провинциальных слухов он был отнесён к разряду отвратных героев типа Швабрина из «Капитанской дочки» или Ромашова из «Двух капитанов». И без особого риска ошибиться можно предположить, что такой вердикт одобрит большинство из тех, кто когда-либо читал «Дубровского».

Удивительно, как вообще «Верейский» не стало именем нарицательным, из тех, что особо востребованы родителями великовозрастных, не проявляющих снисхождения к претендентам на руку дочерей. Хотя, определённо, это уже некий устоявшийся образ, о чём можно судить по обложке одного из современных изданий романа. На ней запечат-

лён отнюдь не заглавный герой – лихой гвардейский офицер-отступник, а репродукция известной картины Василия Пукирева «Неравный брак». Той, где изображена венчальная сцена в храме с двумя главными персонажами: женихом – престарелым плешивым штатским генералом и невестой – юной, не забывшей ещё игрушки, самой как большая кукла девушкой, вот-вот готовой то ли грохнуть в обморок, то ли разрыдаться. Картина пазлом, как не говорят в Одессе. А тут такое...

Г

Не буду дальше тянуть – мы с князем оказались ровесниками. Мне, как и ему, «...было около пятидесяти лет...». Хотя далее и следовало дополнение: «...но он казался гораздо старше». Так что с того? Воспринимать его можно в качестве хоть ремарки, хоть возможности кому-то утешиться но уж точно не буквально. Такое следует отнести, скорее, к области риторики. Как и следующее: «Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать».

Определение «излишества» сродни «казаться». Вот двадцатиоднолетний Александр Грибоедов писал своему другу Степану Бегичеву: «...но прекрасный пол меня не занимает, и по очень важной причине. Я ведаюсь с аптекой; какая замечательная часть фармакопия! Я на себе испытываю различные спасительные влияния мужжевеловых порошков, сасипареля, серных частиц и т.п.». Не будь автор «Горе от ума» растерзан персидскими ваххабитами тех времён, доживи до полтинника, причислил бы он свой «гусарский насморк» к излишествам? Вряд ли. А что до мнения других, так это «казаться», и на каждое из них не накрестишься.

Так или иначе, после того как выяснилось, что мы с Верейским в одних годах, его поведение и мотивации представились несколько в ином ракурсе. Это как если бы астроно-

мию нашему 10 «Б» преподавал не учитель биологии, а летчик-космонавт СССР.

А дальше, с поиском на просторах Пушкинианы всего, что связано с книгой, пришло и переосмысление содержания «Дубровского».

Д

Между тем, ловушка, подстерегавшая меня в районной библиотеке, оказалась явлением обычным. В книге «Мой Пушкин» Марина Цветаева писала: «Есть книги настолько живые, что всё боишься, что, пока не читал, она уже изменилась, как река – сменилась, пока жил – тоже жила, как река – шла и ушла. Никто дважды не вступал в ту же реку. А вступал ли кто дважды в ту же книгу?». Если бы Марина Ивановна имела возможность услышать все ответы читателей на свой вопрос, то утвердительных среди них нашлась бы всего ничего: законы физики имеют гораздо большее влияние на нашу сущность, чем кажется самым отъявленным гуманитариям и верующим. В моём же случае книга оказалась не просто объектом с какими-то новыми параметрами, а просто другой. Так, если бы речь шла не о восприятии места на уровне ощущений, а его географическом положении.

Но и я окунулся в эту книгу совершенно другим. Этот процесс преобразования, иной раз до неузнаваемости меняющий ландшафт, идёт с двух берегов. Поэтому понятна и категоричность Чака Паланика, в предисловии сборника «Обожженные языки» заявившего: «Вот вам хорошая новость: все мы взрослеем. Даже я. Каждый год я открываю «Рабов Нью-Йорка», «День саранчи» или «Сына Иисуса» и радуюсь, будто взял в руки совершенно новую книгу. Но мы-то

знаем: меняется вовсе не книга. Меняюсь я сам. Это меня еще нужно дописывать».

На самом же деле правы оба – и Цветаева, и Паланик, потому, как «дописанный» читатель в свою очередь на свой лад «дописывает» книгу.

Е

Так уж вышло, что размышления Цветаевой также касались книги Пушкина: «В моей «Капитанской дочке» не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас я произношу это название чисто механически, как бы в одно слово, без всякого капитана и без всякой дочери. Говорю «Капитанская дочка», а думаю: «Пугачёв». Вся «Капитанская дочка» для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринёва с Пугачёвым...».

Для меня же сам Дубровский никуда не делся, просто где-то неподалёку с ним стал почти физически присутствовать князь Верейский. И теперь уже я, если говорил «Дубровский», открывал незримые скобки и добавлял: «Верейский». Линия в романе меж этими персонажами стала не менее важна, чем две других, выведенные на первый план: Троекуров – Дубровский (отец), Троекурова – Дубровский (сын). Прочерченные нарочито жирно, они отвлекали внимание от неочевидной подоплёки, заслоняли её собой, прятали.

Прятки – они в этой книге повсюду. Начиная с того, что сам Пушкин таил от читателя своё произведение: закончено в 1833 году, а увидело свет лишь спустя четыре года после гибели автора – в 1841-м.

Ё

В самом же романе, главным заводилой в этой игре является заглавный герой. Он то и дело прячется: то в прямом смысле – от властей, то за масками других людей: то француза-гувернёра Дефоржа в доме Троекурова, то генералом – «человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде» – заедет к помещице Глобовой. И если по ходу повествования это некая игра – «Раз-два-три-четыре-пять... я иду тебя искать», то в финале, оставаясь верным себе, он эволюционирует до невидимки: исчезает и концы воду — за границу.

А может, подагра, рассеянность и ветхость его соперника являются тоже своего рода маскарадом? Прятки имеют смысл, когда в них играют как минимум двое.

Относительно времени действия романа нет однозначности (игра в прятки продолжается, господа!). Например, Владимир Маранцман пишет в пособии для учителя «Роман А.С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении»: «Недаром исследователи долго спорили о том, к какому времени относится действие романа, является ли «Дубровский» современным для Пушкина или историческим произведением. Действие романа, как доказательно выяснили Д. Благой и Д. Якубович, происходит в 1820-е годы». Как знать, как знать... Когда решаешь задачку со многими неизвестными,

велик искус подогнать ответ под заранее обозначенный результат.

Ж

Для начала следует определиться с возрастом заглавного героя. С этим, опять же, нет определённости (кто-то неведомый не перестаёт повторять считалочку: «Раз-два-три-четыре-пять...»). Например, у Троекурова своя арифметика: «...но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следовательно, ему не тридцать пять, а около двадцати трёх». Подтверждает это, словно стараясь угодить имевшему «большой вес в губерниях» барину, и исправник: зачитывая приметы Дубровского, указывает его возраст: «От роду 23 года...».

Но это на память и на вид. На самом же деле Владимиру Андреевичу, грозе помещиков всей округи от роду всего 19 годков. Две подсказки: он «...был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста...», потом «Двенадцать лет он не видал своей родины». Считаем, даже не столбиком: на восьмом году – это семь лет, да плюс двенадцать, вот и получается. Опять же, если, как в математике требуется проверка решения задачи, то можно и так: «...на сем самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе...», с девушкой же всё довольно ясно и определённо: «...ей было семнадцать лет...». Всё ответы сходятся. И право же, больше оснований доверять повествователю. Во всяком случае, до момента, когда его правда вы-

мысла остаётся сродни аксиоме — не требует доказательств.

Надо сказать, что алгоритм определения реального возраста Владимира не является бог весть каким откровением. Он не раз описан и должен быть известен, по крайней мере, школьным учителем литературы, если они, конечно, время учёбы на филфаке не посвящали куда более приличествующему возрасту времяпрепровождению, чем штудирование критики по предмету «История отечественной литературы XIX века». Автора же этот пример укрепил во мнении о ребусности хрестоматийного с репутацией «дважды два...» текста и сподвиг уже к самостоятельным открытиям.

3

Теперь черёд времени действия. И двадцатые годы тут можно поставить под сомнение, не умаляя при этом мнения известных пушкинистов, на которых ссылается Маранцман. Мало того, сам сошлюсь на работу одного из них – Дмитрия Якубовского, «Незавершенный роман Пушкина».

Хотя, казалось бы, чего гадать, когда в романе есть определенное указание на то, что описываемые события действительно близки к двадцатым годам. Во II главе, там, где приводится описательная часть судебного дела: «Следовательно, самая доверенность... <...> по указу 1818 года мая... дня, совершенно уничтожается». Якубовский пишет, что «через знакомого Нащокина – Д. В. Короткого, знавшего судопроизводство» Пушкин достал схожее дело (по всему, отжать сельцо у слабого соседа по тем временам в России считалось не зазорно) и «решил в качестве исторического документа поместить «вполне» в тексте II главы».

Далее сообщается, что «писарская копия подлинного «дела» на синих листах так и осталась по сегодняшний день вложенной в соответствующую главу рукописи «Дубровского». На ней Пушкин начал карандашную правку собственных имен, но не окончил ее». Там автор исправил имена подлинных фигурантов дела: «гвардии поручика Ивана Яковлева, сына Муратова» и «гвардии подполковника Семена Пет-

рова, сына Крюков» на: «Гв. поруч. Ан. Гавр. Дубр.» и «Генерал Аншефа Троекурова». Казалось бы, аргумент про в пользу двадцатых, но вот фраза «...но не окончил ее», оборачивает его *et contra*: детали дела, придавшего реалистичности роману, просто не приведены в соответствие с его хронологией.

И

Снова обратимся к Якубовскому: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору». В этих, позже вычеркнутых Пушкиным словах, сквозит явный укол новому дворянству, возникшему из «ваксивших царские сапоги», из выдвинувшихся по родственным связям с участниками дворцового переворота». О дворянстве тоже в масть, но об этом позже.

От этого предложения А.С. отказался, скорее всего, включив внутреннего редактора и не желая дразнить главного гуся империи — личного своего цензора Николая I? А между тем, оно много даёт для понимания времени действия в романе. Возраст отцов не указан, но если исходить из того, что в то время обычно женились и обзаводились потомством ближе к сорока годам, выходит, и Кириллу Петровичу и Андрею Гавриловичу около шестидесяти — плюс/минус. Даже если на момент низложения Петра III они были в возрасте Пети Гринёва, то появились на свет как минимум в середине 1740-х. В свою очередь, Владимир Андреевич и Марья Кирилловна, должно быть, — на рубеже последнего десятилетия XVIII века. Плюсуюем для ровного счёта два десятка и получаем конец нулевых — начало десятых уже XIX века.

И

К этому времени можно прийти и через решение одной литературно-историко-математической задачки. Разбирая бумаги покойного отца, Владимир Дубровский находит письма матери, которые та писала мужу «во время Турецкого похода», и «в одном из них изъясляла ему своё беспокойство на счёт здоровья маленького Владимира».

Если действие «происходит в 1820-е годы», то получается речь идёт о русско-турецкой войне 1806-1812 годах. С математической точки зрения всё сходится. Но и только. Почему же упоминание именно об этой военной кампании, а не о куда более значимой Отечественной войне, грянувшей буквально следом (о ней вообще нет упоминаний!)? И как быть с тем, что тело умершего старшего Дубровского «...одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году...». То есть в одежду, коей четверть века, да прошедшей с хозяином буквально и Крым, и рым? Такой похоронный наряд подошёл бы скорее «прорехе на человечестве» Степану Плюшкину, а не, пусть и небогатому, но не забывавшему, что такое достоинство, гвардии офицеру Андрею Дубровскому.

Ответ напрашивается один – дело в романе было до нашествия Наполеона. И тогда в хронологию текста вписывается турецкая война 1787-1791 годов. И с похоронным одеянием тоже появляется правдоподобная версия: походит на

год, когда Володю Дубровского определили в кадеты. По случаю представления своего отпрыска командованию кадетского корпуса отставной офицер вполне мог заказать себе военную форму.

Раз-два-три-четыре-пять...

К

Этот маскарадно-пряточный настой преследует роман и в наши дни. Например, взять фразу «Спокойно, Маша, я Дубровский». Мало кто её не слышал. А мужчины, так ещё и пользуются в случаях, когда хотят произвести на дам впечатление человека, который если и не откупорит запросто зубами бутылку пива, то способен в целом контролировать абстрактную ситуацию.

Большинству кажется, что это цитата из романа. Но там: «Мария Кирилловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

– Я не то, что вы предполагаете, – продолжал он, потупя голову, – я не француз Дефорж, я Дубровский».

В экранизациях романа расхожей фразы также не звучит. И тем не менее, она пришла-таки из советского кино. Из снятого в 1974 году детского фантастическо-приключенческого фильма «Большое космическое путешествие». Вот тогда-то и пошло гулять в народ призывающее не волноваться по пустякам обращение, и спустя десять лет в фильме «Время отдыха с субботы до понедельника» (1984 год) оно звучит из уст героя Владислава Стрежельчика уже неким афоризмом. Любопытно, что «Спокойно, Маша, я Дубровский» вышли из-под пера или карандаша самого Сергея Михалкова. Именно орденосный автор гимна Советского Союза и

«Дяди Стёпы» и был сценаристом мосфильмовской предтечи «Звёздных войн». Этот человек определённо имел особый дар выдавать нетленки.

Л

Уяснив для себя обманчивость романа, перестаёшь и безоговорочно верить и правде вымысла. Настолько там всего наплетено, что начинаешь допускать и вплетение в него вымышленной правды.

Верейский – джокер к карточной колоде персонажей романа, где туз – Троекуров, король – старший Дубровский (и больше Лир, чем бубен), дама – Маша, валет – младший Дубровский... Ещё один, казалось бы, валет – Верейский – неожиданно оборачивается самой непредсказуемой и загадочной картой. Но после того как он кроет козырного вале-та-Дубровского и к нему только-только начинает зарождаться читательский интерес, его тут же переворачивают рубашкой кверху и сбрасывают в отбой, не давая как следует разглядеть. Снова: «Раз-два-три-четыре-пять...».

В юности я купился на столь незамысловатый или, как такие ещё называют, детский, фокус, а уж на них-то заядлый картёжник Пушкин был определёнno горазд. Сейчас же этот номер не прошёл. Я стал внимателен к манипуляциям. И любопытные детали не заставили себя ждать. Например, князь стал казаться человеком, который долгое время сам где-то от кого-то прятался или жил под чужой личиной. Его сиятельство миновали свой период «концы в воду», ещё предстоящий его благородию.

У Верейского даже нет имени. Он как не до конца проявлённая фотография, которую умышленно раньше времени достали из проявителя. Что для весьма важной фигуры романа в плане основных соотношений образов весьма странно. Та же Глобова, извольте, Анна Савишна, а тут упоминается лишь по фамилии, как заседатель-шельмец Шабашкин. С тем-то всё понятно – нарицателен от «Ш» до «н». А вот в случае с Верейским не верилось, что всё так просто, как и в то, что фамилия взята с потолка.

Уже общепризнано, что эта книга не была лишь «зеркалом литературных фантазий», как писал всё тот же Владимир Маранцман. Это касается и персонажей, и их фамилий — часть из них не случайны и реальны. В первую очередь это касается заглавного героя. Вот, что на этот счёт написано в первой биографии автора «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851—1860 годах»: «Роман «Дубровский», – внушен был Нащокиным. Он рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подъячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге».

М

Теперь известно, что и кроме общей фабулы есть немало общего у литературного героя и его прототипа. И это наверняка тоже было известно автору «Дубровского». Советский филолог И. Степунин в Центральном государственном историческом архиве Белорусской ССР нашёл сведения об этом Павле Островском. Тот в двадцать два года (Дубровскому по общепризнанному мнению – 23) лишился своего именища в двадцать душ, правоустанавливающие документы на него сгорели во время нашествия наполеоновской армии в 1812 года (у Дубровского тоже в огне пропали бумаги на право владения Кистенёвкой, что облегчило Троекурову задачу отсудить ей).

А уже после того как Павла Островского приписали к «безземельным шляхтичам», он дал повод, чтобы его имя стали упоминать в полицейских отчётах с приставкой «мятежник», о «неусыпных наблюдениях» за ним шли рапорты на имя самого минского губернатора. К тому же арестовали Островского в имении одного минского помещика, где шляхтич подрабатывал учителем (прямо, Дубровский-Дефорж в доме Троекурова).

Арестовывать-то Островского арестовывают, но через год в его деле появляется запись: «Неизвестно куда отлучился». Какие формулировки прежде умели стражи порядка прида-

вать своему головоупяцству! Арестант попросту сбежал. У Пушкина про Дубровского: «Никто не знал, куда он девался».

Что же до превращения Островского в Дубровского, то и тут, оказывается, не стоит всё приписывать привычке автора к рифмованию бытия. В советские годы литературоведы выяснили довольно широкую реальную основу произведения. Так, оказалось, что Пушкин был в курсе судебного дела помещика Нижегородской губернии Дубровского. У этого дворянина в 1802 году незаконно отняли имение, перешедшее к нему по наследству от родственника. По решению уездного суда поместье отошло жене прокурора губернии. Дубровский не смирился с утратой прав на имение и направил туда своих крепостных за лесом. Для их усмирения послали с десятков солдат во главе с сержантом, но крестьяне оказались не робкого десятка и дали отпор служивым. Дело едва не кончилось смертоубийством.

Н

Что до остальных «совпадений», то, оказывается, в Нижегородском уезде проживал однофамилец ещё одного из главных персонажей – владевший обширными вотчинами помещик Иван Федорович Троекуров. А что до Кистенёвки, вокруг утраты которой в романе и закручен сюжет, то так называлась деревня, соседствующая с Болдино, полученное Александром Сергеевичем в наследство от родителя в 1830 году. Конечно, всё это вошло в содержание, пусть и в преобразованном виде, что, само по себе, во-первых, не отрицает реальность основы, во-вторых, указывает на неслучайность выбора фамилий для ключевых персонажей.

Такие вот открытия ждали меня на стыке рефлексии, эмпирики и приобщения к Пушкиниане. Она поначалу вызывала ассоциации с непроходимыми лесными дебрями, приводящими новичков в душевный трепет, после же оказалась сродни Беловежской пуши – столь же обширной, сколь и обихоженной: этакий пример совмещенных зоосада с дендропарком. Казалось бы, при столь тщательном обиходе должно быть учтено всё, но сколь ни приглядывался – ни на одной табличке или аншлаге так и не увидел надписи «Вере́йский» с поясняющей информацией.

О

И это там, где каждая былинка тщательнейшим образом описана! Вот, пожалуйста, в таком-то углу такого-то участка некрополя Донского монастыря покоится Василий Огонь-Догановский, известный карточный игрок, «в его профессиональные «сети» попался в 1830 году Александр Сергеевич Пушкин, проиграв ему в Москве свыше 20 тысяч рублей» («Пушкинский некрополь», Михаил Артамонов, Семён Гейченко). Или вот, будьте любезны, выведенная путём тщательнейших архивных поисков вся подноготная Фёдора Бизянова. Об этом случайном знакомом автора «Истории Пугачёва» имела лишь сделанная им во время путешествия по Оренбуржью карандашная пометка в дорожной записной книжке: «Бизянов ур. полк». (Р.В. Овчинников «Над «пугачёвскими» страницами Пушкина»).

А вот что касается того, откуда растут ноги у отнюдь не проходного героя хрестоматийного произведения классика русской литературы №1, тут вообще ни-че-го. Невольно подумаешь, что у создателей Пушкинианы странным образом возникли проблемы со зрением. Иначе как было не заметить торчащую из тщательно и идеально смотанного клубка нитку и не потянуть за неё?!

Я вот не удержался. Так экскурсант в пустом музейном зале сам для себя становится экскурсоводом. Единственное,

чем он может компенсировать отсутствие эрудиции знатока, позволяющей судить о внутренней природе экспонатов, – это навык исследователя, способного определить им место в общей картине – удел пытливых дилетантов.

П

И тут свой указующий перст («указательный палец» после погружения в пушкинскую эпоху кажется малоуместным) вновь явил случай. Впрочем, это был всё тот же, подтолкнувший позариться на содержимое полки раздачи в районной библиотеке. Тогда вместе с книгой «А.С. Пушкин. Романы и повести» я прихватил и 27-й номер журнала «Новое литературное обозрение» за 1997 год. И именно в нём отыскалась подсказка на материализовавшийся, казалось бы, из ничего, как повод для драки из спёртого воздуха заштатной уралмашевской пивнушки, вопрос: «Кто он вообще такой, этот князь Верейский?».

Тут уж никакой библиомансии – вело содержание номера. Сразу обратила на себя внимание статья Вадима Вацура «К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина». У меня уже не было иного пути, как ступить по следам Александра Сергеевича.

Речь в статье шла о двух приписываемых ему эпиграммах:

В его «Истории» изящность, простота

Доказывают нам, без всякого пристрастья,

Необходимость самовластья

И прелести кнута.

.....

На плаху истину влача,

Он доказал нам без пристрастья

Необходимость палача

И прелесть самовластья.

Таким образом, считается, молодой Пушкин отреагировал на прочтение шестого тома «Истории государства Российского» Николая Карамзина.

Р

Датируют строки 1818 годом – периодом тесного общения недавнего лицеиста с теми, кто подверг критике, при этом не отрицая его достоинств, труд историка, посвященный царствованию Ивана III. Помимо изложения событий более чем трёхсотлетней давности в этом томе нашла отражение развёрнутая концепция самодержавного правления как оптимального для России, и как гаранта её независимости и величия. Карамзин утверждал: «Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов: он есть герой не только Российской, но и всемирной истории». Этими словами Иван III удостоивается как создатель новой государственности, «которая возникла в целой Европе на развалинах системы феодальной или поместной».

Последнее обстоятельство и стало причиной двойственного восприятия «Истории» в среде «молодых якобинцев». Вацуро приводит несколько примеров этому: «С.И. Тургенев, отмечая “прекрасный рассказ”, сожалел, однако, что «великое дело», совершенное Карамзиным, вряд ли “подвигнет <...> Россию вперед”; в свою дневниковую запись он включает размышление (потом зачеркнутое): “Но в борьбе самодержавия с свободою где люди, примеру коих мы должны следовать? Я могу верить, что Риму, в тогдашнем его по-

ложении, нужен был король Ю. Кесарь; однако могу восхищаться Брутом”».

С

Далее в статье: «Сходным образом читает историю Иоанна и Н.И. Тургенев. 15 апреля 1818 г. он записывает в дневнике, что “приятно, в особенности с начала, видеть успехи единовластия”, – но, встав, благодаря ему, “из своего уничижения”, Россия оказалась отмеченной “знаками рабства и деспотизма”. “Я вижу в царствовании Иоанна счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России, по причине уничтожения уделов; с благоговением благодарю его как государя, но не люблю его как человека, не люблю как русского, так, как я люблю Мономаха. Россия достала свою независимость, но сыны ее утратили личную свободу надолго, надолго, может быть, навсегда. История ее с сего времени принимает вид строгих анналов самодержавного правительства <...>. История россиян для нас исчезает. Прежде мы ее имели, хотя и несчастную, теперь не имеем: вольность народа послужила основанием, на котором самодержавие воздвигло Колосс Российский!”».

У Пушкина были все основания разделить эти мнения не только в плане сожаления об утрате личной свободы россиян «надолго, может быть, навсегда», но и «по причине уничтожения уделов».

Большинство из нас пребывает в уверенности, что афри-

канский континент до сей поры освещён и освящён отблеском восхода «солнца русской поэзии». Во многом такое понимание сложилось благодаря подаче его биографии во времена Советского Союза. Уж очень соблазнительная для советской пропаганды проглядывалась связь с угнетаемыми народами Африки, борющимися с колонизаторами за свою свободу, а позже и обретшими её. На самом же деле А.С. куда в большей степени гордился отнюдь не эфиопским происхождением прародителя по материнской линии Абрама Петровича Ганнибала, а своим протяжённостью в шесть веков российским дворянством — по отцовской.

Т

Вот что отвечает Пушкин в статье «Опровержение на критики» (1830 г. — за два года до «Дубровского»), появившейся как ответ на обвинения в литературном аристократизме: «В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве. Род мой один из самых старинных дворянских. Мы приходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославича Невского (см. «Русский летописец» и «Историю Российского государства»). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости к покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества».

И тут же: «Оно (дворянство) всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились,

как остальные упадают и исчезают...». Как всё это переключается с откликами братьев Тургеневых на прочтение шестого тома «Истории...» Карамзина!

У

И ведь нигде здесь ни слова о предке-арапчонке. Хотя и секрета из этого факта Пушкин никогда не делал, так, в предисловии к первому изданию главы первой «Евгения Онегина» он писал: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь...». Опять же, иноземный пленник тоже рода не простого да к тому же ещё и крестник самого Петра I: «Родословная моей матери еще любопытнее. Дед ее был негр, сын влиятельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне в 1707 году, ... и дал ему фамилию Ганнибал».

Вроде бы и тут есть чем гордиться. Человеку незнатному, может, и так. Но одно дело оказаться безродным счастливым, над головой которого как-то по-особому сошлись в счастливом узоре звёзды и притянули руку вседержавного властителя для крестного знамения, и другое – иметь предков, собственноручно заверивших законность избрания на царский престол первого Романова.

Ф

Вот здесь-то уже есть о чем с гордостью говорить и писать.
Стихотворным языком:

*Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили...*

В черновиках: «Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)».

В письмах: «Видел ли ты Николая Михайловича? Идет ли вперед История? Где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! Да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? Где я...» (Дельвигу из Михайловского, справляясь о работе Карамзина).

Потому и нет пиетета перед императорской семьей. В этом плане характерен разговор с братом императора Михаилом Павловичем, запись о котором есть в «Дневнике» Пушкина от 22 декабря 1834 года: «Потом разговорились о дво-

рянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве. <...> Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других сословий, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что всё равно) всё будет дворянством. <...> Говоря о старом дворянстве, я сказал: Ведь мы такие же старинные дворяне как император и вы...».

Х

На самом же деле, как теперь известно, пушкинский род имел более древнюю родословную, чем романовский. Боярин Андрей Иванович Кобыла, коего считают родоначальником дома Романовых, первый (и единственный) раз упоминается в летописях за 1347 года. Его послали доставить из Твери будущую жену великому московскому князю Симеону Гордому. Невестой же была княжна Мария, дочь прямого предка А.С. в шестнадцатом колене – великого князя Александра Михайловича Тверского, у которого, выходит, Кобыла был на посылках. Получается, говоря великому князю о равенстве, поэт отнюдь не прибегал к образности, как тому могло показаться. Это была констатация факта, а не фигура речи.

Так, среди предков Пушкина самый древний и славный род Рюриковичей Ржевских (Сарра Юрьевна Ржевская – бабушка поэта по отцовской линии), родоначальником которого стал Фёдор Фёдорович, удельный князь города Ржева (откуда и пошла фамилия). Так вот, как пишет в своей книге «Забутые связи А.С. Пушкина» Наталья Телепова, пращур Александра Сергеевича – Иван Иванович Ржевский, одно время бывший енисейским воеводой, доводился четвероюродным братом Марии Мстиславской, жене царя Алексея Михайловича. А, в свою очередь, его сын, прадед ав-

тора «Дубровского» – Алексей Иванович Ржевский приходился братом в пятом колене царевне Софье и царю Ивану, что позволило ему занять значимое место неподалёку от трона. Так что, если бы довелось, Пушкин мог аргументировать слова, адресованные великому князю, которые в свою очередь в полной мере относились и к его брату – Николаю I.

Ц

Такое отношение к царствующей фамилии... Что уж тут говорить об иных власть предержащих? А вот что. О новороссийском генерал-губернаторе и полномочном наместнике Бессарабской области графе Михаиле Воронцове: «Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою – а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, – дьявольская разница». В этих словах, адресованных Александру Бестужеву в письме 1825 года, отражается видение Пушкиным своего истинного положения, а не того, что сложилось де-факто.

Конечно, из вышеизложенного лишь малую часть содержала статья в журнале «Новое литературное обозрение» №27 за 1997 год, но она стала нулевым километром (такие обычно символизируют бронзовые подобию канализационных люков) на пути к пониманию, во-первых, откуда Пушкин мог взять фамилию князя, во-вторых – возможного характера и мотивации действий данного персонажа.

Ч

Для начала следует вернуться к тому, от чего увела тема дворянских корней автора романа – к шестому тому «Истории государства Российского» Карамзина. В нём-то и кроется ответ на вопрос, откуда взялась фамилия заинтересовавшего меня персонажа. В главе III «Продолжение государственования Иоанова. Г. 1475-1481» читаем:

«Взяв Тверь мечём, Иоанн грамотою присвоил себе Удел Верейский. Единственный сын и наследник Князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на Гречанке Марии, Софиной племяннице, должен был ещё при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семействе Великокняжеском, как сказывает Летописец. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой Княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а великий Князь, объявив его навеки лишённым отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославец, Белоозеро, Верею по кончине своей уступить ему, Государю Московскому, в потомствен-

ное владение. Михаил Андреевич умер весной в 1485 году, сделав Великого Князя наследником и душеприкащиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы Государь не пересуживал его судов».

Ш

Князя Верейские, как и позже – Ржевские, стали жертвой политики по искоренению местничества с целью укрепления верховной власти великих московских князей. И Пушкин, получается, делает правнука (колене так в десятом) опального Василия Михайловича одним из персонажей романа. Если бы заменил где слог или хотя бы букву в фамилии, так ведь нет: до точки – князь Верейский. И что, только для того, чтобы в какой-то степени поглумиться над древнейшим родом, познавшим прежде «прелесть самовластья»? Как-то не особо в это верится.

Зато на месте Верейского мог оказаться вошедший в года Евгений Онегин, увидевший в Дубровском возможность в очередной раз утолить свою природную потребность в конфликте и снова, как и в случае с Ленским, сумевший выйти из него номинальным победителем. А что? Оба персонажа – Онегин и Верейский – откровенно изнывали от вынужденного бездействия и неумения занять себя путным делом в деревне. Что касается непосредственно князя, то «Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал».

Что до мадмуазель Троекуровой, то она не могла вызвать в князе серьёзных чувств. Хотя вполне естественно, что «... старый волокита был поражен ее красотой». Всё это следует причислить лишь к увлечённости бывалого дамского угод-

ника и не более: «...привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами». И тут уж опытный мужчина являлся во всём блеске, ему и напрягаться-то особо не приходилось: «Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и веселые приветствия светского человека».

Щ

Мог ли князь полюбить? Кого, смазливую девчонку, набитую, как её недавние куклы, ветошью, содержанием французских романов, из чтения коих исключительно и состояло всё её воспитание? Не-е-е-т... Это всё равно как если бы тонкий знаток всех нескончаемых перипетий 16 июня 1904 года, описанных Джойсом в «Улиссе», потерял голову от яркой поклонницы Дарьи Донцовой.

Ведь сам князь высокообразован. Об этом свидетельствует хотя бы эпизод, когда хозяин Арбатово показывает гостям свою картинную галерею, собранную за рубежом: «... объяснял их (картин) различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинства и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием». И снова, не с интересом, а именно «удовольствием», как кушала бы, например, спелые сливы: и вкусно, и стул нормализует. Ещё раз: «Не-е-е-т...».

По-настоящему девушка увлекла вельможного гостя лишь после того, как он узнал историю пребывания Дубровского в доме Троекурова под видом француза-учителя.

Ъ

Опытный в такого рода делах человек как дважды два сложил обстоятельства более чем странного гувернёрства и его последствия для хозяев, вернее, отсутствия таковых, что следовало бы из логики мщения.

И тут он повёл себя как бывалая гончая, неожиданно-негаданно взявшая след добычи при выезде на пикник с хозяином: ей стали неинтересны ни его ласки, ни куриная косточка, тыкаемая под нос. Читаем: «Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашел все это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю». Человека больного – одни «бархатные сапоги» и шутки «над своею подагрой» чего стоят – к тому же развращённого богатством и негой, должны были если не напугать рассказы о разбойнике, то хотя бы сделать осторожным. Вместо этого он на ночь глядя отправляется за тридцать верст в своё имение, рискуя наткнуться в пути на шайку бандитов. Гончая взяла след. Всё остальное не имело значения.

Дальнейшее повествование романа сводится к своеобразной подготовке к встрече, или вернее будет сказать – поединку, Верейского и Дубровского. При этом старый жених ведёт себя вполне достойно. Ну да, закладывает невесту отцу, ко-

гда той вздумалось спутать ему все карты, но делает это в силу необходимости и вполне корректно – не даёт отцу устроить сцену у фонтана. И после венчания не пытается разыгрывать комедию: «Наедине с молодой женою князь нимало не был смущен ее холодным видом. Он не стал докучать ее приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов». Молодая супруга в этот момент не особо занимает его мысли, он уже готовится к тому, чтобы столкнуться нос к носу с Дубровским. И не только внутренне.

Ы

Заметьте, как князь реагирует на появление соперника (перед этим уточнив, с кем имеет дело: «...кто ты такой?..», чтоб, не дай бог, не извести понапрасну заряд): «... не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. <...> Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет...».

Оказывается, старпёр-жених, отправляясь на свадьбу, подготовился под стать герою Шварцнеггера в фильме «Командо», когда тот разнёс к чертям собачьим целую мафиозную кодлу. Во всяком случае, князь выходит похлеще лже-Дефоржа, таскавшего повсюду с собой «маленький пистолет», коим и ухлопал цепного троекуровского медведя, встреча с которым стоила не одного измаранного исподнего гостям Покровского.

Да, миссия новоявленного мужа оказалась невыполнима, но только отчасти. Главарь разбойников пусть и не был ликвидирован, но на время нейтрализован, а вскоре он и вовсе распустил шайку и отбыл в неизвестном направлении. И выходит, то, что не удавалось сделать полиции и армейским подразделениям, оказалось под силу одному сугубо штатскому старику. Ох не прост этот старик, ох не прост. Как бы автор не хотел, а скрыть этого таки не удалось.

Б

А ведь драматично-героической истории в свадебной карете могло и не быть вовсе. Это в том случае, если бы главы XVII действующие лица вели себя последовательно и руководствуясь здравым смыслом, чего от них ожидать всё-таки следовало. Речь об эпизоде, когда изловили мальчонку, доставшего из тайника кольцо Марьи Кириловны – призыв Дубровскому о помощи. С какой целью отпускают Митю? Ясно же, что не по доброте душевной Кирила Петровича. Та скорее бы в псарню за плетью увела, чем на волю да в Кистенёвскую рощу. Выслеживали мальчика? Будь так, то солдаты нагрянули бы в лагерь разбойников сразу же по его пятам. Нет же, это произошло много позже, когда Дубровский уже почти оправился от ранения настолько, что смог принять участие в рукопашном бою.

Выходит, в разговоре с Троекуровым исправник (а для его превосходительства, по нынешним меркам – генерала армии, пусть и в отставке, начальник уездной полиции – невелик чин) сумел представить веские, исходящие от какого-то довольно влиятельного лица, доводы в пользу того, чтобы отпустить связного. Тому надлежало исполнить-таки своё задание и доставить послание адресату. Дубровский должен был сунуться в капкан, расставленный для него. Кем? Ну, исходя из сюжета романа, тем, кто до него всё же добрался

– Верейским.

Э

С понятием «старик», опять же, не всё так просто. Кого так можно назвать? «Старики и красавица сели втроем и поехали» – это о Маше, её отце и будущем супруге. «В комнату вошёл старик...» – так, говорят, сам Пушкин некогда ото-звался о тридцатичетырёхлетнем Карамзине. С таким же основанием под классификацию могла подвести и самого А.С. его супруга. Впервые он посватался к Наталье Гончаровой, когда той было всего шестнадцать лет, а ему – без малого тридцать (тут неволей аукнется автор «Истории государства Российского»). Понимал ли это Пушкин? Конечно. Мало того, можно смело предположить, что он в какой-то мере ассоциировал себя с Верейским! Да, да... Каким бы это не звучало странным. По крайней мере.

То, что автор соотносит себя с тем или иным героем своего произведения, вряд ли для кого-то станет откровением. Хотя, например, Пруст, говорят, отрицательно относился к возможности толкования произведений фактами биографии. Ну так то Пруст, да и кто знает, от чего он сам хотел откреститься в своих произведениях. Пушкин же в первую очередь поэт, и отождествлять себя с героями ему скорее свойственно.

Так, в «Капитанской дочке» это Гринев, и тому в самой повести есть вполне определённое подтверждение. В первом

французском её издании к словам старшего Гринева: «Не казнь страшна; пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею совести», имелась: «Un aoeul de Pouchkine fut condamné a mort par Pierre Le Grand» – «Один из предков Пушкина был приговорён к смерти Петром Великим». Прямой отсыл к судьбе стольника Федора Пушкина, о котором уже выше шла речь.

Но если в «Капитанской дочке» Пушкин обозначает соотношение автора и героя, то в «Дубровском» этого нет. Просто потому, что не желает предстать в невыгодном свете. Это нормально. Ведь симпатии читателя априори на стороне Гринёва, чего не скажешь о Верейском. Мол, догадаетесь – хорошо, а нет – так и нет.

Ю

Гончарова за Пушкина вышла без любви, как и Троекурова за Верейского. И ни тот, ни другой, знавшие до первой брачной ночи много женщин и понимавшие в их сути если не всё, то многое, на этот счёт даже не заблуждались.

«Дубровский». Глава XVI: «Между тем обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием. <...> Князь нашел сие весьма благоразумным, пошел к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется со временем заслужить ее привязанность, что мысль ее лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор».

Из письма Пушкина – Н.И. Гончаровой (матери невесты): «... Только привычка и продолжительная близость могут мне доставить привязанность Вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца. <...> Не явится ли у нее сожаление? Не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращение ко мне? Бог свидетель – я готов умереть ради

нее, но умереть ради того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себе нового мужа, – эта мысль – адское мучение!»

Работать над романом Пушкин начал спустя год после женитьбы (в рукописи стоит дата начала работы над произведением: 21 октября 1832 года), когда мысли жениха ещё были довольно свежи в памяти. Удивительно ли, что они невольно нашли отражение в тексте? А раз так, раз линия Верейский – Пушкин имеет место, то симпатии автора непременно должны проявиться. Каким бы сукиным сыном не был или не хотел казаться автор, но отречься от любви к самому себе он не мог. Там, где всё явно и однозначно обозначено, как в случае с Гринёвым, – просьба любить и жаловать, ежели кто где выявит некую недосказанность – то её, соответственно, следует трактовать в пользу приятных характеристик личности сочинителя.

Я

Таким вот увиделся князь Верейский пятидесятилетнему читателю, не бравшему в руки романа со школьных времён. То, что он не отмахнулся от поначалу неясных, как объявления остановок водителем маршрутки, догадок, во многом определил род его занятий – журналистика, где любая версия событий имеет право на осмысление. Соответственно, автор готов к тому, что зачастую невысокое мнение о современной журналистике будет протранслировано и на данную работу.

И без обвинений в профанации при этом вряд ли обойдётся. Пушкин — канон, светоч — в смысле объекта поклонения, со многими атрибутами обожествления. И любое посягательство на этот статус-кво может расцениваться как кощунство, надругательство и прочее, ведь именно так профанация трактуется большинством источников, исходя из его дословного перевода с латыни — осквернение святыни.

Но у самого термина *profanum* есть ещё одно значение — место около храма или вне храма. Тогда профанацию можно отнести к переносу священной темы в нерелигиозную сферу, а это уже из области исследования мифов в историческом и психологическом ракурсах. А князь Верейский именно в них и проявился. Оставалось лишь слово за него замолвить. А то, что главок при этом получилось ровно по числу букв рус-

ской азбуки, приносивших Пушкину, по его же словам, «доход постоянный», так после всего вышеизложенного и удивляться не приходится.

Шаля.

2019 г.